

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

1

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	МАЛЮГИН О. И. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by
Белецкий С. В.	Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
Линднер Р.	Констанцкий университет, Констанц, Германия.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матей Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бригадин П. И.	Институт бизнеса Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Вабищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Колесник В. Ф.	Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзальюк И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Федосик В. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шадурский В. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

- Галоўны рэдактар** **КАХАНОЎСКІ А. Г.** – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Намеснік галоўнага рэдактара** **МЕНЬКОЎСКІ В. І.** – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by
- Адказны сакратар** **МАЛЮГІН А. І.** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: maliugin@bsu.by
- Бародкін Л. І.** Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т. Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Бялецкі С. В. Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.
Валанскі Ф. Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жарабцоў І. Л. Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтру Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывукар, Рэспубліка Комі.
Лінднер Р. Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Упадуэй А. Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д. Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш. Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М. Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

- Брыгадзін П. І.** Інстытут бізнесу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
Вабішчэвіч А. М. Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э. Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Калеснік В. Ф. Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
Карпаў С. П. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г. Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А. Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лакотка А. І. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В. Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А. Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р. Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Нячухрын А. М. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтру даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х. Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Ходзін С. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Фядосік В. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Шадурскі В. Г. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **KAKHANOUSKI A. G.**, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Deputy editor-in-chief** **MENKOUSKI V. I.**, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by
- Executive secretary** **MALIUGIN O. I.**, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: maliugin@bsu.by

- Beletsky S. V.** Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T. Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh. School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D. C. University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R. University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Šmigel' M. Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A. Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F. Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L. Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Bryhadzin P. I.** Institute of Business, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Duk D. V. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Fedosik V. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpov S. P. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G. Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kolesnyk V. F. Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Koshelev V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A. Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kovalenya A. A. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V. Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrínovich D. S. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Marzaluk I. A. House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M. Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R. Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Pilipenko M. F. Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shadurski V. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H. University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N. Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E. Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94(438).03.04;94(47).025-041

***POLONI* И *RUTHENI*, КАТОЛИКИ И ПРАВОСЛАВНЫЕ, *NATIO* И *CONFESSIO* В ЛЕТОПИСАНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

М. В. ДМИТРИЕВ^{1), 2)}

¹⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

²⁾Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, 101000, г. Москва, Россия

Проанализировано взаимодействие конфессиональных и этнических элементов в построении представлений о поляках, русских и рутенах в древнерусском, украинско-белорусском и польском летописании XII–XVI вв. Выявлено, что в изученных древнерусских источниках конфессиональное стирает племенное и этническое, в отличие от польских и украинско-белорусских памятников, в которых христианские референции не вступают в противоречие с этническими.

Ключевые слова: древнерусское; украинско-белорусское; рутенское; польское; средневековые хроники; этническое; конфессиональное; христианство.

Благодарность. Статья подготовлена по результатам проекта «Восточноевропейские исследования в транснациональной перспективе» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2021 г.

Образец цитирования:

Дмитриев МВ. *Poloni* и *Rutheni*, католики и православные, *natio* и *confessio* в летописании средневековой Восточной Европы. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;1:5–18.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-1-5-18>

For citation:

Dmitriev MV. *Poloni* and *Rutheni*, Catholics and Orthodox Christians, *natio* and *confession* in Medieval chronicles of Eastern Europe. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;1:5–18. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-1-5-18>

Автор:

Михаил Владимирович Дмитриев – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории южных и западных славян исторического факультета¹⁾, главный научный сотрудник лаборатории медиевистических исследований²⁾.

Author:

Mikhail V. Dmitriev, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Southern and Western Slavic history, faculty of history^a, and chief researcher at the laboratory of Medieval studies^b.
dmitrievm300@gmail.com

POLONI I RUTHENI, КАТОЛІКІ І ПРАВАСЛАЎНЫЯ, NATIO I CONFESSIO Ў ЛЕТАПІСАЊННІ СЯРЭДНЕВЯКОВАЙ УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ

М. У. ДЗМІТРЫЕЎ^{1*, 2*}

^{1*} *Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Ленінскія горы, 1, 119991, г. Масква, Расія*

^{2*} *Нацыянальны даследчы ўніверсітэт «Вышшая школа эканомікі», вул. Мясніцкая, 20, 101000, г. Масква, Расія*

Прааналізавана ўзаемадзеянне канфесійных і этнічных элементаў у пабудове ўяўленняў аб паляках, рускіх і рутэнах у старажытнарускім, украінска-беларускім і польскім летапісанні XII–XVI стст. Выяўлена, што ў вивуча-ных старажытнарускіх крыніцах канфесійнае сцірае племянное і этнічнае, у адрозненне ад польскіх і ўкраінска-беларускіх помнікаў, у якіх хрысціянскія рэферэнцы не супярэчаць этнічным.

Ключавыя словы: старажытнарускае; украінска-беларускае; рутэнскае; польскае; сярэднявекавыя хронікі; этнічнае; канфесійнае; хрысціянства.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны па выніках праекта «Усходнееўрапейскія даследаванні ў транснацыянальнай перспектыве» пры падтрымцы фонда «Гуманітарныя даследаванні» факультэта гуманітарных навук Нацыянальнага даследчага ўніверсітэта «Вышэйшая школа эканомікі» ў 2021 г.

POLONI AND RUTHENI, CATHOLICS AND ORTHODOX CHRISTIANS, NATIO AND CONFESSIO IN MEDIEVAL CHRONICLES OF EASTERN EUROPE

M. V. DMITRIEV^{a, b}

^a *Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia*

^b *National Research University «Higher School of Economics», 20 Myasnitskaya Street, Moscow 101000, Russia*

This article analyses evidence from Old-Russian, Ukrainian-Belarusian and Polish chronicles of the 12th–16th centuries, which displays how confessional and ethnic elements interacted, when authors were constructing their representations about Poles, Russians and Ruthenians. Analysis has shown that in the Old-Russian chronicles confessional references were somehow effacing discourses of tribal and ethnic belonging, whereas in Polish and Ukrainian-Belarusian texts Christian references were not in odds with ethnic ones.

Keywords: Old-Russian; Ukrainian-Belarusian; Ruthenian; Polish; Medieval chronicles; ethnicity; confession; Christianity.

Acknowledgements. This article was written as a result of the research project «East European studies in a transnational perspective», supported by the foundation «Studies in humanities» of the faculty of humanities of the Higher School of Economics in 2021.

Введение

Poloni и *Rutheni* – два термина, которые в латиноязычных источниках Средневековья и раннего Нового времени обозначают тех, кого мы сегодня называем поляками (*Poloni*), украинцами и белорусами (*Rutheni*). Наше восприятие прошлого таково, что чаще всего мы не обращаем внимания на то, что когда-то эти этнические термины функционировали в контексте последовательно христианской книжной культуры и, соответственно, были связаны тем или иным образом с религиозными представлениями об идентичности населения Европы. Как именно христианский контекст книжной культуры сказывался на генезисе и построении дис-

курсов этнической принадлежности предков нынешних поляков, белорусов и украинцев? Рассмотрим этот вопрос в рамках нашего исследования.

Задача данной статьи – с точки зрения компаративистики и логики транснационального подхода к истории Восточной и Центрально-Восточной Европы взглянуть на то, как религиозные (христианские) мотивы и корреляты влияли на «моделирование» представлений об идентичности русских (русинов, рутенов, русских) и поляков в некоторых релевантных летописных текстах древнерусской и польской культуры XII–XV вв. Нас интересует, как в этом мире «воображаемых» и политически кон-

струируемых границ взаимодействовали представления о *confessiones* с представлениями о *nationes*¹, а конфессиональное – с протонациональным.

Говоря о компаративистском подходе к древнерусским средневековым традициям построения социальной исторической памяти, мы имеем в виду, с одной стороны, установки и модели исторического мышления, сложившиеся в культуре Киевской и удельной Руси (восточнославянские земли вплоть до XVI в.), с другой – те модели (*patterns*), которые типологически характерны для культур латинского мира (в нашем случае это Польша).

Стоящая за такой постановкой вопроса гипотеза имеет ряд особенностей. Во-первых, прежние исследовательские изыскания (в том числе наши) позволили предположить, что древнерусская модель понимания идентичности Руси и русских в Средние века и в XVI – XVII вв. отличалась от традиций понимания протонационального в латинских культурах (в частности, в польской). Различие состояло в понимании соотношения этнонациональных (по сути, племенных) начал в истории и идентичности социумов и начал конфессиональных, христианских. Унаследованная Русью от Византии манера понимать связь светской истории государств, социумов и народов с церковно-библейской историей и историей в целом была такова, что главным содержанием истории здесь выделялись не деяния правителей и их подданных (*historia rerum gestarum*), а реализация эсхатологического проекта, осуществляемого сообществом христиан во главе с их религиозно-политическими лидерами. Иными словами, прошлое и настоящее Руси представлялись как история церковного, а не светского сообщества. В культурной истории средневекового Запада ситуация была иной. Там уже в раннее Средневековье сложилась и на протяжении многих столетий существовала такая система исторических представлений, в которой история понималась как совокупность процессов, подчиненных логике века, *saeculum'a*, противопоставленная истории церкви.

Во-вторых, представляется, что начиная с XV–XVI вв. православная культура украинско-белорусских земель испытала в данной области (имеется в виду соотношение конфессиональных и этнических дискурсов) сильное влияние западнохристианского понимания истории отдельных государств,

обществ и *nationes*. В этом состояло отличие культуры Западной Руси от культуры Московской Руси, где византизированные представления о прошлом господствовали вплоть до петровских реформ.

В-третьих, проведенные исследования позволяют предположить, что в конце XVI – первой половине XVII в. в самосознании украинско-белорусских церковной и светской элит именно конфессионально специфические факторы способствовали выработке «общерусской» модели идентичности и общей исторической памяти. Вероятно, справедливо было бы утверждать, что соответствующие историко-идеологические конструкции объединяли православную культуру украинско-белорусских земель Речи Посполитой и Московского государства и создавали дискурс Руси как особого пространства (выражаясь анахронически, транснационального), интегрированного специфическими церковно-религиозными надрегиональными связями. Это «воображаемое» сообщество «русских людей» отличалось от иных сообществ тем, что его идентичность выражалась прежде всего (или почти исключительно) именно в конфессиональных интегрирующих связях [1]. При этом параллельно в течение XVII в. (особенно во второй половине столетия) в ученой культуре украинско-белорусских земель шел процесс *этницизации* представлений о прошлом «славяно-российского» народа².

В настоящей статье продолжается работа над представленной гипотезой. Нас интересует, во-первых, насколько часто и как именно (в период до конца XVI в.) в летописании Киевской, Московской и Литовской Руси эксплицитно и имплицитно (в виде напоминаний о том, что уже известно, что само собой разумеется, в виде аллюзий, отсылок, референций, отголосков и парафраз) выражены представления о «руси» как конфессиональном сообществе, во-вторых, как наличествующие в древнерусском и украинско-белорусском летописании конструкции русской идентичности и их конфессиональные мотивы смотрятся на фоне дискурсов «польского», представлений о *Poloni* в опыте Польского королевства.

Методологически мы исходим из того, что идентичность того или иного народа есть совокупность дискурсов³, на основании которых создаются места памяти. В первую очередь память формируется

¹Эта проблематика стоит в центре международного исследовательского проекта «Confessiones et nationes», осуществляемого с 2003 г. Центром украинистики и белорусистики исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и его партнерами. В рамках проекта написаны многочисленные статьи, изданы две книги. См.: Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время / под ред. М. В. Дмитриева. М.: Индрик, 2008. 304 с.; Confessiones et nationes. Discours identitaires nationaux dans les cultures chrétiennes: Moyen Âge – XXe siècle / textes réunis par Mikhaïl V. Dmitriev et Daniel Tollet. Paris: Honoré Champion éditeur, 2014. 374 p.

²Мы обосновали это понятие в одной из работ. См.: Дмитриев М. В. Киево-Могилянская академия и этницизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) // Київ. акад. Вип. 2–3. Київ, 2006. С. 14–31.

³В современных исследованиях принято определение понятия «дискурс», опирающееся на наследие М. Фуко: «Дискурс – это отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных, не только вербальных, практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но и его проектирующий и сотворяющий. Иначе говоря, понятие «дискурс» включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретирования окружающего мира и вытекающие из именно такого видения действия людей и институциональные формы организации общества» [2, с. 14]. М. Фуко показывал, что дискурс есть совокупность всего высказанного, с этой точки зрения дискурс – это текст, взятый непременно в широком контексте, и каждый текст есть элемент дискурса, а потому должен рассматриваться в связи с другими его частями.

специализированными группами образованных элит обществ (можно сказать, идеологами или, по выражению М. Вебера, виртуозами памяти), потом созданные ими представления проникают в более широкие слои населения, взаимодействуя с индивидуальной памятью той или иной группы либо того или иного человека. Наш подход перекликается напрямую с тем, как понимается процесс конструирования прошлого группой французских историков

под руководством П. Нора⁴. Память и мифы, касающиеся этнической или национальной идентичности того или иного социума, в этом случае являются продуктом действий идеологов, которым лишь *кажется*, что они объективно реконструируют историю.

И в таком контексте встает вопрос о роли конфессиональных референций в конструировании представлений об идентичности разных средневековых *nationes*, например русских и поляков.

Русь и «русь» в Повести временных лет: *natio* или *confessio*?

Повесть временных лет (ПВЛ), автором которой чаще всего считают монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, – это компиляция (а точнее – историсофский трактат), созданная в начале XII в.

ПВЛ, как центральный памятник древнерусского летописания, часто ставит перед исследователями этнического самосознания общества Древней Руси ряд затруднительных вопросов, на которые обратили внимание, в частности, А. И. Рогов и Б. Н. Флоря. Они считают, что «Нестор был близок к представлению о “руси” как об особой этнической общности, отличной и от восточнославянских племенных групп, и от славянской общности в целом», однако признают, что он по этому пути (пути представления «руси» в этнических категориях) почему-то не пошел: «...важно, однако, что Нестор не нашел для нее особого названия. Если Козьма Пражский проводил различия между *Bohemi* и *Bohemia*, а Галл – между *Poloni* и *Polonia*, то для Нестора, как и для его предшественников, “Русь” и “Русская земля” – это одновременно обозначение и особого народа, и особого государства» [3, с. 116].

Авторы предполагают, что «в известной Нестору этнической терминологии существовали два понятия для обозначения этнических общностей – “род” и “язык”. Термин “язык” Нестор, однако, уже использовал для обозначения славянской языковой общности, а термин “род” обозначал общности самого разного уровня и не годился для определения установленной Нестором специфики положения Руси на лестнице этнической иерархии» [3, с. 116]. В примечании 22 к своей работе А. И. Рогов и Б. Н. Флоря констатируют, что термин «племя» в ПВЛ встречается, но обозначает обычно потомство того или иного мифического родоначальника и не соотносится со словом «Русь». Понятие «народ», тоже известное автору, употребляется в произведении, как и в древнерусском языке вообще, для обозначения толпы, множества людей [3, с. 119]. Поэтому А. И. Рогов и Б. Н. Флоря считают, что в представлениях автора

ПВЛ народ и государство были единым целым, и это противопоставляло Русь и отдельным племенам, и славянам в целом.

Однако приходится признать, что *предположительные* объяснения факта, что «русь», «русские» в воображении автора ПВЛ выступают как *этническое* сообщество, совпадающее с государственно-политическим, совершенно не допускают вероятности рассмотрения ПВЛ как сочинения, которому вообще была бы чужда логика мышления о христианской руси как об этническом сообществе в нашем понимании этого термина⁵. Присутствует ли в самом деле в ПВЛ этнический дискурс применительно к крещеной «руси», совпадающей (в воображении летописца) с государством и землей под названием «Русь»? Текст летописи дает основания для постановки вопроса даже в столь радикальной форме главным образом потому, что в ПВЛ мы не находим концептов, вполне аналогичных *natio* и *gens* (как, например, *natio* или *gens Polonorum*), применительно к сообществу *крещеных* людей русской земли. Причина этого, вероятно, в том, что, в отличие от западноевропейских средневековых хроник, конфессиональный (христианский) дискурс ПВЛ оказывается в остром конфликте с этническим дискурсом и тяготеет к тому, чтобы определения этнической идентичности были как бы поглощены и стерты конфессиональными определениями, когда речь идет о православных христианах «русской земли»⁶.

В Древней Руси формирование представлений об обществе было едва ли не монополией ученой части монашества. Это значило, что такие представления выстраивались именно с христианской, более того – византийско-христианской, точки зрения. Возникают вопросы о том, как в создаваемой модели христианизированной памяти об идентичности тех, кого мы склонны назвать народами, взаимодействовали конфессиональные места памяти с неконфессиональными (светскими и язычески-

⁴Les lieux de mémoire / sous la dir. de P. Nora. Paris, 1984–1992. Vol. 1–7.

⁵Вероятно, единственный исследователь, который допускает такое объяснение особенностей коллективной идентичности Киевской Руси, – И. Н. Данилевский [4; 5; 6, с. 206–213].

⁶Обоснование этого положения дано в [7; 8].

ми, если для них оставалось место) конструкциями и чем древнерусский сценарий или проект отличался от, например, польского или латинского вообще.

В предшествующих работах мы уже обратили внимание на то, что в ПВЛ присутствует мотив своего рода метаморфозы человека в таинстве крещения, которое буквально *преображает* язычников в «новых» людей (например: «А еже водою обновленъ⁷, понеже при Нои умножившемъся грехомъ в человецехъ, наведе Богъ потопъ на землю, и потопи человеки водою, сего ради рече Богъ: “Понеже погубих водою человеки грехъ ихъ ради, ныне же паки водою очищу грехи человекомъ, обновленъемъ водою”... еже бо и ныне крестятся водою и духомъ. Преображение бысть первое водою» [9, с. 120]. Несколько ниже говорится следующее: «И пророци проповедаша, яко водою обновленъе будетъ» [9, с. 120]). Князю Владимиру приписана такая фраза, произнесенная якобы после крещения киевлян: «Христе боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сия» [9, с. 132]. В ПВЛ есть и другие аналогичные высказывания.

Весьма важно, что после крещения ни Русь, ни «русские» не называются ни племенем, ни народом, а слово «язык» применяется почти всегда к некрещеным племенам⁸. Поэтому мы можем наблюдать весьма странное явление: в ПВЛ этническая принадлежность «новых» христиан, какими бы ни были их корни, как бы «отменяется» их конфессиональной идентичностью. Такое явление никак не характерно для памятников западного (латинского) средневекового летописания и западной книжной культуры вообще.

Объяснение существования такой идеологической конструкции может быть найдено в том фрагменте начальной части ПВЛ, где племенная идентичность резко противопоставлена христианской, и христиане выступают буквально как христианский этнос, объединенный общим законом-верой, замещающим закон, т. е. нравы и обычаи племен, из которых рекрутированы христиане (согласно ПВЛ, «новые» люди). Автор летописи ссылается на мнение Георгия Амартола о том, что «комуждо языку овемъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи» [9, с. 30], и вслед за византийским историком он приводит в качестве примеров сирийцев, бактриан, индийцев, халдеев, вавилонян, гилий, амазонок. Им всем как иное «племя» противопоставлены христиане с их собственным «племенным» законом: «Мы же, христиане, елико земля, иже веруютъ въ святую Троицу, въ едино крещенъе, въ едину веру, законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во

Христа облекохомся» [9, с. 30, 32]. В итоге оказывается, что христианство остро конфликтует с племенной идентичностью, а это никак не характерно для моделей памяти, утвердившихся в Средние века в латинских культурах Запада.

Что стоит за «странностями» и парадоксами представлений в ПВЛ об истории и идентичности Руси и «русских»? В частности, что стоит за особенностями понимания роли крещения в истории Руси, а веса христианства – в идентичности «русских»?

Поиску ответа на этот вопрос мешает укоренившаяся привычка принимать *западнохристианское* за *общехристианское*. Однако на восток Европы пришли две модели христианства как идеологии – латинская и греческая. В тех слоях восточноевропейского населения, где преобладал католицизм (в Польском королевстве, например), духовенство уже в Средние века сформировало в элитарной культуре систему представлений о разделенности людей (и христиан в том числе) на *nationes*. А так ли обстояли дела в православной части Восточной Европы? Текст ПВЛ, как мы видим, позволяет в этом усомниться.

Вопрос о том, каковы истоки этого отклонения от западноевропейской нормы, мы оставляем в стороне⁹. Пока же лишь констатируем, что есть очень много весомых оснований, чтобы искать истоки западных национальных идеологий в латинской средневековой богословско-интеллектуальной культуре, установки которой в области, относимой к *этническому*, были локально специфическими, а не общехристианскими. С другой стороны, локально специфическим был и созданный в Византии сценарий развития дискурсов исторического мышления, где субъектами *христианской* истории (т. е. истории принявших крещение) оказывались не множественные *nationes*, а «новые» люди, ставшие единым «народом Божиим».

Этот дискурсивный сценарий выражен в ПВЛ, и теперь мы попробуем выяснить, как интересующие нас тексты летописи усваивались и перерабатывались в последующих памятниках письменности. Была ли сохранена и поддержана та парадоксальная дискурсивная линия в мышлении об истории и идентичности «сынов русских», созданная в ПВЛ? Нас будет интересовать, соответственно, присутствие или отсутствие в летописях двух элементов: высказываний, которые противопоставили бы христианский народ нехристианским племенам, и высказываний о «новых» людях, составивших общность людей Русской земли после крещения князя Владимира и его подданных.

⁷Выделено нами. – М. Д.

⁸Слово «народ» употребляется в ПВЛ трижды, и всякий раз в значении ‘толпа’, ‘множество людей’, ‘множество простых людей’ [10, с. 224–225].

⁹Borst A. Die Turmbau von Babel. Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen und Völker. Stuttgart : Anton Hiersemann, 1957–1961. Bände 1–6.

«Матрица» ПВЛ в древнерусском летописании XIV – начала XVI в.

ПВЛ дошла до нас в составе Лаврентьевской летописи [11], созданной в Северо-Восточной Руси во второй половине XIV в., поэтому есть все основания считать выявленные нами дискурсивные структуры ПВЛ частью интеллектуальной культуры складывавшегося Московского государства.

Вторым крупнейшим сводом того же времени была, как известно, Ипатьевская летопись [12]. Ее источниками были общерусский свод, созданный в Суздальской земле в начале XIII в., киевский летописный свод из Выдубицкого монастыря, черниговский летописный свод, галицко-волинский летописный свод. Ипатьевская летопись является, таким образом, в основной своей части южнорусским (украинским) сводом начала XIV в., дошедшим в трех редакциях, соответствующих Ипатьевскому, Хлебниковскому и Ермолаевскому спискам летописи. Редакция Ипатьевского списка принадлежит культуре северо-восточной Руси, редакция Хлебниковского списка – южной Руси, редакция Ермолаевского списка теснейшим образом примыкает к Хлебниковскому, т. е. также принадлежит южнорусской культуре.

В Ипатьевской летописи мы находим ключевое противопоставление «племени» христиан, объединенных одним законом, всем иным отдельным племенам, у каждого из которых свой закон: «Но мы же христиане елико земля иже веруют в святую Троицу и в едино крещение и в едину веру, закон имам один, елико в Христа крестихомся и в Христа облекохомся» [12, стб. 12]. Превращение в новых людей после корсунской экспедиции Владимира также представлено в тексте данной летописи, хотя и не так многословно, как в ПВЛ («Благославлен Господь Иисус Христос иже възлюбил новыя люди Рускую землю, и просвети ю крещением святым» [12, стб. 103]).

В Новгородской первой летописи старшего извода [13] начальная часть рукописи не сохранилась, повествование начинается с 1016 г., но в Новгородской первой летописи младшего извода (Комиссионный, Академический и Толстовский списки) мы находим пространный пассаж о «новых» людях, явленных после крещения («Благословен господь Иисус Христос, иже възлюбил новыя люди, Рускую землю просвети крещением святым. <...> Мы в обновление житья поидем. <...> [Мы] хвалим от русских сынов, певаем в Троици... иже прияли суть крещение и покаяние в отпущение грехов, новии людие, крестияне, избрании Богом» [13, с. 158–159]). В опубликованном в том же томе извлечении из Воронцовского списка Новгородской первой летописи «новые» люди и руская земля также упомянуты [13, с. 545, 549]. Со ссылкой на апостола Павла там говорится: «...новии людие, крестияне избрании Богом» [13, с. 550].

Новгородская четвертая летопись [14] дошла до нас в своде XV в. А. А. Шахматов считал, что он был составлен около 1448 г. и отражал возникновение

общерусского летописания. Наблюдения А. А. Шахматова позднее были уточнены. А. Г. Бобров связывает появление этого свода с деятельностью митрополита Фотия и датирует его 1418 г., а Б. М. Клосс относит этот свод к 1418–1425 гг. и предлагает называть его сводом митрополита Фотия [14, с. 11–13].

Сама Новгородская четвертая летопись позднее переписывалась, что отразилось в существовании нескольких редакций текста. Первая из них (неопубликованный Карамзинский список, который хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге) восходит напрямую к своду митрополита Фотия, другие создавались несколько позже, в конце 1420-х гг. и в 1430-х гг. Какова же связь этого памятника с ПВЛ в интересующих нас фрагментах?

Начальная часть включенного в Новгородскую четвертую летопись создания «Повесть о начале земли Руской, откуда пошла Руская земля, и кто первое нача жыти или княжити и в кое время» повторяет без значительных изменений сведения из ПВЛ о том, как три сына Ноя после потопа делят доставшуюся им землю: «В Афегове же части седят: Роусь, Чюдь и вси языцы...» [14, с. 8]. Как и в ПВЛ, цитируется Георгий Амартол и дается ключевая по значению фраза о христианах как едином «племени», христианском этносе («Мы же крестьяне... и закон имам един...» [14, с. 8]). Сведения об отношениях с варягами, о приглашении Рюрика, отношениях с греками, Ольге, Святославе и выборе веры князем Владимиром повторяют в основном содержание ПВЛ, и долгое произведение «Сказание о вере крестьянстей изначала» обеспечивает связь крещения Руси с библейской историей и историей Византии. После косунской экспедиции князь Владимир сокрушает фигуру Перуна и других языческих богов, а далее (и это имеет первостепенное значение в контексте поставленной нами исследовательской проблемы) следует рассказ об «обновлении духом» [14, с. 88], о «новых» людях («иже възлюбил новыя люди, Роускую землю»), и после цитирования апостола Павла они представлены как «новии люди крестьянстии, избранныи Богом» [14, с. 89].

Итак, Новгородская четвертая летопись и вместе с ней общерусское летописание XV в. воспринимают ту же формулу взаимодействия представлений об этнической и христианской идентичности, какую мы идентифицировали в ПВЛ и, соответственно, в Лаврентьевской летописи конца XIV в.

С псковскими летописями дело обстоит иначе. В Псковской первой летописи [15] мы не находим ни первого, ни второго из двух интересующих нас мотивов, хотя начало рукописи сохранилось и изложение ведется с дохристианских времен. То же самое относится и к Псковской второй летописи [16].

Но вот в Софийской первой летописи старшего извода мы находим и интересующий нас комментарий к отрывку из сочинения Георгия Амарто-

ла [17, с. 10], и мотив преображения в «новых» людей после крещения («новые люди христианьсти, избрании богом» [17, с. 102–104]). Таким образом, эта летопись воспроизводит характерную дискурсивную конструкцию ПВЛ.

Воскресенская летопись, составленная в начале 1540-х гг. и доведенная до 1541 г., в сохранившейся части начинается со сведений конца XI в., поэтому для решения поставленных нами задач интереса не представляет.

В Рогожском летописце XV в. [18], созданном в Тверской земле, повествование ведется от сотворения Адама, но ни первый, ни второй из интересующих нас мотивов здесь не присутствуют. Но вот в тверском летописном сборнике, составленном в 1534 г. и названном «Хронографъ, глаголемый летописецъ Рускый» [18, с. 3], есть оба интересующих нас дискурсивных мотива [18, с. 25, 110, 111].

В Московском летописном своде 1479 г. [19] отсутствует начало рукописи (было утеряно).

Завершим эту часть нашего обзора обращением к Никоновской летописи – огромному своду, составленному окружением митрополита Даниила в конце 1520-х гг. и в 1530-х гг.

Здесь можно найти следующий мотив: «...мы же христиане, елико земля, веруем во святую Троицу, в едино крещение, в едину веру, и закон имам един, елико в Христа веруют, во Христа крестихомся и во Христа облекохомся» [20, с. 6], как и пространное повествование о выборе веры и крещении. Но «новые» люди упоминаются в летописи однажды («Призны на новыя люди сия» [20, с. 58]).

Важно, однако, отметить, что тема конфессионального противостояния сообщества христианского народа сообществу «народу агарян», развитая в Никоновской летописи в произведении под названием «Сказание о Мамаевом побоище». Дмитрий Донской садится на коня и со слезами возглашает войску: «Возлюблени отцы и братиа, Господа ради и пречистыа Богородицы и своего ради спасения подвижайтеся за православную веру и за братию нашу! Все бо есмы от мала и до велика братиа едины,

внуци Адамли, род и племя едино, едино крещение, едина вера христианскаа, единого Бога имеем Господа нашего Иисуса Христа, в Троице славимаго; умрем в сий час за имя его святое, и за православную веру, и за святыа церкви, и за братиют нашу за все православное христианство» [20, с. 58]. В «Повести о преподобном Сергии», включенной в ту же летопись, князь Дмитрий говорит Сергию Радонежскому накануне Куликовской битвы о беде для всего христианства: «[Мамай] подвиже всю Орду безбожных татар, и идут на мою отчину, на Русскую землю, хотя разорити святыа церкви и погубити наше христьянство; тем же, отче святыи, помолити Бога о нашем христьянстве, да избавит нас Бог от таковыа беды» [20, с. 144].

Отметим, что Никоновская летопись (как и большинство других памятников той же эпохи) все еще не изучена с точки зрения взаимодействия в ней христианских и иных мотивов в построении представлений об этническом. Видимо, в них мы найдем прямые отголоски заложенной в ПВЛ модели включения конфессиональных мотивов в коллективное самосознание.

Подводя промежуточный итог, можем констатировать, что в русском средневековом летописании обнаруживаются две линии представления (вслед за ПВЛ) прошлого и идентичности «руси». Первая из них может быть названа конфессионализированной (православные жители Русской земли предстают как религиозное сообщество, для идентичности которого дохристианские, языческие, корни не имеют значения). Вторая линия – линия секуляризированной исторической памяти (христианство жителей Русской земли не является доминантой).

Ниже мы рассмотрим, что стало с созданной ПВЛ матрицей церковно-конфессиональных представлений об идентичности «руси» и Руси в памятниках, где упоминались места исторической памяти украинско-белорусской православной культуры XV–XVI вв. Перед этим, однако, следуя нормам компаративного подхода, обратимся к примеру польского средневекового летописания.

Natio и *confessio* в летописании средневековой Польши

Источники средневекового латинского мира и соответствующие исследования показывают, что все основные представления и дискурсы постулируют существование в истории отличных друг от друга по языку, «нравам» и правовым институтам народов (*nationes, gentes, populi*), как христианских, так и языческих, которые и создают (вместе с правителями) свои собственные особые государства. Такие представления и дискурсы весомо присутствуют в культуре западного Средневековья.

Как христианские дискурсы взаимодействуют с дискурсами идентичности народов в западных, латинских, культурах Средневековья? Для ответа на этот вопрос рассмотрим два польских произведения: Хронику Галла Анонима (ХГА) и Великопольскую хронику.

ХГА [21] названа «Cronica et gesta ducum sive principum Polonorum», и в дальнейшем выражение «князь поляков» (*Polonorum dux*) употребляется многократно¹⁰.

¹⁰Хронике Галла Анонима посвящена обширная литература, которая учтена в книге Н. И. Щавелевой [22]. В настоящей статье автором расширены и уточнены наблюдения, впервые представленные в работе 2007 г. [11].

Креститель Польши, князь Мешко, «обретя истинную веру, вырвал польский народ из смерти неверия» [21, с. 31]; «...из поляков... достиг благодати крещения» [21, с. 32]; «большая часть войска поляков» [21, с. 36]; «поляки, со своей стороны» [21, с. 40]; Мазовия была в это время многолюдна «от ранее бежавших туда поляков» [21, с. 52]; «в начале своего правления, когда он повелевал поляками и поморянами» [21, с. 54] и т. п.

О Владиславе, брате венгерского правителя Гезы, говорится, что он «...с детства был воспитан в Польше и по своим обычаям и образу жизни сделался как бы поляком» [21, с. 57].

Поляки – один из народов, одна из *nationes*, которые могут быть как языческими, так и христианскими: на севере «соседями Польши являются три страны, населенные дикими языческими народами. <...> За ними... находятся другие языческие народы» [21, с. 27]. Опасность исходит от вражеских народов, как христианских, так и языческих.

Владислав прославляет свое имя в кругу неизвестных народов. Среди варваров существуют разные *nationes* (например, язычники-поморяне – варварская нация), в то же время Войцех-Адальберт испытал неприятности «от своего мятежного чешского народа» [21, с. 33].

Князь Болеслав покорял «варварские народы, находившиеся вокруг (Польши)» [21, с. 41]. Но страна может быть окружена и языческими, и христианскими народами («...будучи окружена столькими вышеупомянутыми народами, христианскими и языческими...» [21, с. 27], она никогда не была полностью покорена). Старцы и мудрецы дают толкование «слепоты» и «прозрения» Мешко: Польша «должна прозреть и возвыситься над соседними народами» [21, с. 31].

Болеслав I Храбрый вел битвы с соседями. Имеются в виду уже давно ставшие христианскими Чехия и Моравия. Он одерживал «победы и триумфы над языческими народами» [21, с. 33].

Стефан Венгерский «поддерживал дружественные отношения с чехами, врагами поляков» [21, с. 49]. Во время так называемого Гнезненского съезда 1000 г. было собрано все самое ценное, «что можно было найти у какого-либо народа» [21, с. 34]. В рассказе о походе Болеслава Храброго на Русь в 1018 г. говорится о «бесчестии своего народа», упоминается «обида, нанесенная нашему народу» [21, с. 36]. Таких высказываний в тексте ХГА очень много.

Существенно, что *natio* может с легкостью заменяться в ХГА на *gens*: Болеслав заявил, что «лучше и почетнее и горожанам, и заложникам умереть за родину от меча, нежели, сдавшись, выкупить бесчестную жизнь и прислуживать чужеземным народам [21, с. 116]; Болеслав простил брату «привод в Польшу чужих народов» [21, с. 133]; мать стала уговаривать Казимира, чтобы он не возвращался «к вероломному народу, еще не ставшему вполне хри-

стианским» [21, с. 51]; после освобождения родины и изгнания внешних врагов Казимиру оставалось не менее трудное дело: подавить сопротивление своего народа [21, с. 52].

Как соотносятся дохристианский и христианский периоды в истории Польши и поляков? Христианская эпоха – новое время в истории польского народа-племени, который как был *nation (gens) Polonorum* до крещения, так и остался этническим сообществом в политических рамках сложившегося монархического государства. Это кажется Галлу Анониму (как и нам вслед за польским хронистом) вполне естественным и даже само собой разумеющимся. А вот оптика ПВЛ и древнерусского летописания, как мы видели выше, существенно отличается.

Великопольская хроника [23], созданная в конце XIII в. или в XIV в., релевантна своей последовательной неоригинальностью. Автор пишет о прошлом Польского королевства по нормам интеллектуальной культуры латинского мира XIII–XIV вв. Эта хроника ясно выражает характерные, не нуждающиеся в рефлексивной перепроверке представления об этнической идентичности поляков и о том, как в ее построении дискурсов взаимодействуют религиозные и нерелигиозные компоненты. Последний вопрос находится в центре нашего внимания.

Главными героями повествования хроники выступают лехиты, «которые теперь называются поляками (*Poloni*) от названия Северного полюса или иначе полянами (*Polani*) от крепости Полань, расположенной в границах поморян», в центре внимания находятся «прародители» великопольского князя Пшемислава и других правителей «обширнейшего королевства поляков, или лехитов» [23, с. 52]. Таким образом, совершенно спонтанно в соответствии с канонами средневекового историописания объектами конструируемых мест памяти становится трио *правитель – народ – территория*.

Далее согласно установкам западной средневековой культуры выясняется, как именно поляки (лехиты) связаны с библейскими прародителями, в данном случае – непременно с Яфетом. Так как «в древних книгах пишут, что Паннония является матерью и прародительницей всех славянских народов, “Пан” (*Pan*) же, согласно толкованию греков и славян, это тот, кто всем владеет... эти паннонцы, названные так от “Пан”, как говорят, ведут свое происхождение от Яна, потомка Яфета» [23, с. 52]. Далее автор следует той же логике. У Пана были три первородных сына, Лех, Рус и Чех, и «эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов, называемых также богемцами». Славянские языки берут начало от одного корня, даже «от одного отца Слава, откуда и славяне», и можно назвать «четыре государства славян, а именно паннонцев, лехитов, русских и чехов или богемцев» [23, с. 52–53]. Получается, что все эти государства возникли на родоплеменной основе,

а «впоследствии появилось много других государств и королевств славянского народа (Slavonice nacionis)» [23, с. 53]. Среди них государство болгар, королевства Рашка и Далмация, а также Сербия. В группе славянских народов выделены еще кашубы, древляне и венгры. Все они якобы когда-то платили дань лехитам.

История государства начинается с истории племени лехитов, которые во времена Ассурера (библейское имя Ксеркса) и галлов «обычно жили как братья, происходившие от одного отца, не имели ни короля, ни князя» [23, с. 56]. Однако, опасаясь галлов, они избрали из числа «своих братьев-лехитов» военным предводителем «некоего деятельного мужа по имени Крак». Он и построил будущий Краков. Его дочь Ванда после смерти отца «великолепно правила Польским королевством согласно воле народа» [23, с. 58]. Когда Ванда по ряду причин, которые нам теперь совсем не интересны, прыгнула в воду, «река Висла получила название Вандал по имени королевы Ванды. <...> Поляки и другие славянские народы, примыкающие к их государствам, стали называться не лехитами, а вандалитами» [23, с. 58].

Нам важны, разумеется, не фольклорные фантазии, записанные автором хроники, а сам факт, что история Польского государства передается в этнических терминах. Так, Лешку III вместе с «храбрейшими лехитами» довелось трижды сразиться с Юлием Цезарем, потом победить в Персии предводителя парфян Красса, которого он казнил, налив в горло расплавленного серебра. После этого Юлий Цезарь благоразумно выдал за Лешка свою сестру Юлию и в качестве приданого дал землю Баварии (по местоположению совпадающую с Западным Поморьем). Юлия родила Лешку сына Помпилиуша, а лехиты стали участвовать в победоносных походах Юлия Цезаря. Позднее править лехитами стал племянник Цезаря Помпилиуш, но он оказался бесчестным тираном, «больше стремился водить с девушками хоробы, нежели вести войны» [23, с. 61], коварно расправлялся со своими дядями и в конце концов позорно погиб, съеденный громадными мышами. На престол был избран потомок лехитов, бедный землепашец по имени Пяст. Далее следуют столь же фантастические рассказы о наследниках Пяста Земовите, Лешеке, Земомысле и Мешко, который «взял в жены Дубровку, сестру св. Вацлава. На следующий год под влиянием своей жены и божественного вдохновения вместе со всем народом лехитов или поляков принял таинство святого крещения» [23, с. 66].

На этот в высшей степени краткий и незамысловатый рассказ о крещении (а соответствующий

фрагмент в ХГА, как мы отметили, не патетичен, чем кардинально отличается от повествования о крещении Руси в ПВЛ) стоит обратить внимание по двум причинам, имея в виду наш интерес к роли конфессиональных мотивов в построении представлений о национальном в культуре средневековой Польши. Во-первых, согласно Галлу Анониму и автору Великопольской хроники крещение не имеет никакого отношения к коллективной идентичности поляков (лехитов). Во-вторых, в обоих нарративах христианская вера становится атрибутом польского народа, но никак не понимается как революционная перемена всего прежнего уклада жизни (а вот в ПВЛ взгляд летописца на крещение Руси подчинен совсем иным императивам).

Подводя промежуточные итоги, мы констатируем, что согласно обеим хроникам территория будущей Польши и соседних государств населены *nationes* и *gentes*, которые могут быть не только языческими, но и христианскими. Соответственно, эти *nationes* и *gentes* отличаются друг от друга своими национальными или этническими идентичностями. Польский народ имеет собственные особенности и идентичность, выгодно отличающую его от других народов.

Эти *nationes* и *gentes* связаны со своими правителями, и принимается как само собой разумеющееся, что правитель властвует именно над «своим» народом, а народ подчиняется именно «своему» государю. Иными словами, рождающаяся государственность понимается как племенная полития.

Подчеркнем также, что в высшей степени рассказы обеих хроник о крещении Польши характеризуются (в отличие ПВЛ) лаконичностью и тем, что идентичность поляков не подвергается никаким переменам оттого, что поляки-язычники стали поляками-христианами.

Данный факт давно замечен историками¹¹, он важен (в контексте поставленной в статье задачи) самой банальностью построения представлений о народах Европы и об их протонациональной идентичности. Аналогичную картину мы находим в сотнях иных текстов латинской культуры той же эпохи.

Как бы то ни было, какая бы группа ни стояла за польскими *gens* или *natio*, прошлое Польши и поляков есть прошлое именно народов как этнических сообществ во главе с их правителями. Оно конструируется, представляется и понимается как секулярное, светское, потому что «народы» выступают на арене истории именно как секулярные, светские, а не церковно-конфессиональные сообщества. Их прошлое – прошлое носителей этничности, племенной идентичности, а никак не прошлое католиков

¹¹Я. Д. Исаевич справедливо писал о хронике Галла Анонима, что в ней польский народ (применительно к нему употребляются термины *Poloni* и *gens*) противопоставлен варварским народам. У поляков есть черты, отличающие их от русских, чехов, поморян. В целом «...анализ "Хроники" Галла обнаруживает в ней целую систему представлений о польском народе как об особой этнической общности, отличной от соседних народов и в некоторых отношениях противопоставленной им» [24, с. 163].

или просто христиан. В этом отношении представление двух изученных польских хроник о поляках едва ли не радикально отличается от того, каким видится сообщество русских автору ПВЛ.

Позднее интенсивность этнических дискурсов в памятниках польской средневековой культуры, как ясно показано в специальных исследованиях, увеличивается. Так, Я. Д. Исаевич отмечает, что хронист XIII в. характеризует другие народы односторонне и более резко, чем Галл Аноним. Немцы для него – носители злобы, он называет их саранчой, они враждебны полякам; чехам как этносу присущи грабительство, вероломство и цинизм; рутены (русские) дики и кровожадны, а вот о поляках говорится так: «Стихией их была сила зрелого мужества, кроме великодушия ничего не считали великим, а усилению своей храбрости не ставили никаких границ» [24, с. 259]. Со временем, как и повсюду в латинской Европе, признаком народности становится язык. Колонизация земель на немецком праве представлена во многих польских источниках как этническая конфронтация, конфликты в монашеской среде описываются как разногласия между поляками и немцами. В XIV–XV вв. антинемецкие этнические настроения в польских памятниках лишь усиливаются.

Великолепный памятник второй половины XV в., отражавший и формировавший польское этническое протонациональное самосознание, – «Анналы славного Королевства Польского» Я. Длугоша.

Natio и *confessio* в западнорусских (украинско-белорусских) летописях

Вернемся к православной культуре Восточной Европы. Нас будет интересовать, что же происходит с присутствующей в ПВЛ и древнерусском летописании (в двух интересующих нас измерениях) моделью понимания русской идентичности в исторической памяти православной культуры украинско-белорусских земель в XV–XVI вв.

Обратимся к весьма обширной так называемой Летописи Авраамки конца XV в. [29]. Она включена в конволют, в котором содержится компиляция текстов по древней истории Руси, датируемая концом 1460-х – началом 1470-х гг. Именно к ней присоединена относительно короткая часть, написанная неким Авраамкой в Смоленске в 1495 г. по благословию епископа Иосифа [29, с. V]. Б. М. Клосс считает точно установленным, что Авраамка переписал в 1495 г. лишь вторую, малую, часть памятника (рассказ о великих князьях Литвы), а к первой части не имел никакого отношения [29, с. VI]. Так или иначе, взятая во всем объеме Летопись Авраамки есть памятник летописания православной культуры Великого княжества Литовского, отразивший, какой в книжности конца XV в. виделась идентичность Руси и «руси».

В Летописи Авраамки компилятивно смешаны весьма разнородные тексты, в том числе юриди-

В это произведение был включен особый раздел «О природе и обычаях поляков», а терминология, употребляемая польским историком, ясно показывает, что *natio* и аналогичные термины используются для того, чтобы обозначить общность людей, проживающих на одной территории под властью одного правителя, происходящих от одного предка, объединенных общими верой, языком, обычаями [25, с. 45–47]. Жители Силезии для Я. Длугоша – изменники своего народа, немцев и поляков разделяет вечная вражда, отношение автора к чехам амбивалентно, а на литовцев и русинов (рутенов) он смотрит как на особые варварские народы [25, с. 38–77; 26–28].

В целом сегодня можно утверждать с уверенностью, что к исходу Средних веков польские хроники (как и другие памятники польской письменной культуры) были носителями более или менее определенно выраженных этнических представлений об идентичности польского и других народов. В польских источниках мы наблюдаем привычную картину противопоставления одного этноса (одной идентитарной *natio*) другим и осмысления польского и польскости в терминах, которые на современном русском языке мы назвали бы этническими. Христианские представления и дискурсы вовсе не препятствовали развитию идей о существовании особой польской *nation* (*gens*), принадлежность к которой никак не сводится к церковно-конфессиональным связям.

ческого характера, а русская история излагается с опорой на Палею. Уже этим и обеспечена «сцепка» истории восточных славян со священной историей. Со ссылкой на Палею переданы и сведения о появлении 72 языков после Вавилонского столпотворения: «Прииде Бог видети града и столпа, и рече: се род един и язык един, и помышления их суетна суть, и раздели их на 70 и два языка; аще бы рекл Бог столп делати человеком до небеси, то сице бы рекл словом, якоже сътвори небо и землю, сего ради ть язык не премени в инь язык, от сего суть Евреи» [29, стб. 4]. При всем этом характерно и существенно, что восходящего к Георгию Амартолу описания «законов» различных народов и соответствующего противопоставления им христиан с их одним законом в Летописи Авраамки мы не находим. История выбора веры изложена в высшей степени кратко, и рассуждения о «преображении» язычников в «новых» людей и «народ Божий» отсутствуют.

Другие летописи, которые принято называть белорусско-литовскими или западнорусскими [30], не содержат ни интересующего нас фрагмента о христианском народе, ни представлений о «новых» людях, появившихся в результате крещения Руси. При этом многие своды включают информацию об

истории Северо-Восточной Руси, о Московском княжестве и его правителях, о Куликовской битве. Не следует, однако, забывать, что в некоторых из этих летописей не сохранились начальные части.

Так называемая Никифоровская летопись описывает историю человечества от Адама до потопа, «начало земли Рустей» относит к 854 г. («в лето 6362-е»), рассказывает о призвании варягов, о Рюрике, Аскольде и Дире, об Олеге, Игоре, Ольге, но в повествовании об избрании веры князем Владимиром ограничивается сведениями о херсонесской экспедиции и низвержении идолов в Киеве [30, с. 19–35].

В Супрасльской летописи мы находим историческое сочинение нелетописного жанра «Сказание о верных святых князеи руських» [30, с. 36], упоминание о начале «земли Рустей», отнесенное к 854 г. [30, с. 36], Рюрике, Олеге, Игоре, Ольге, древлянах, рассказы о крещении Владимира в Херсонесе, об основании им города Владимира на р. Клязьме, об Андрее Боголюбском [30, с. 36–67]. Но таких характерных акцентов на религиозных аспектах истории Руси, какие мы встречаем в ПВЛ, в этой летописи нет.

Начало Слуцкой летописи [30, с. 68–84] не сохранилось, повествование начинается со времени правления Витовта и продолжается до 1445 г., включает сведения о великом князе Московском и его происхождении от «Владимирового рода», но далее автор (составитель) возвращается во времена Киевской Руси и начинает новый рассказ с 970 г. Он кратко говорит о выборе веры и херсонесских коллизиях, но обходится без историософии и концепта христианского народа, которые нам интересны в ПВЛ и последовавшей за ней традиции исторической памяти.

Виленская летопись, Летопись Археологического общества, Академическая летопись, Евреиновская летопись сосредоточены исключительно на князях Гедиминовичах и их деяниях. То же самое можно сказать о Летописи Красинского, Летописи Рачинского и Румянцевской летописи, которые вводят в повествование легенду о Палемоне, а вот Волынская краткая летопись, хотя и отсчитывает историю Руси от 862 г., лишь очень бегло упоминает крещение [30, с. 85–172].

Таким образом, в дошедших до нас памятниках украинско-белорусского летописания XV–XVI вв.

мотив ПВЛ, который представлял православных Восточной Европы как христианский народ со «стертой» этнической идентичностью, не повторился многократно. Прошлое Руси представало как племенное до крещения и как этническое после него.

Того, как раскрывается интересующий нас вопрос в иных текстах православной культуры польско-литовской Руси XIV–XVI вв., мы пока не знаем, так как не проведено соответствующих исследований. Однако вопрос о соотношении *confessio* и *natio* в дискурсах русинской (рутенский, руськой, русской) идентичности в православной культуре Речи Посполитой в последние десятилетия XVI в. и в первые десятилетия XVII в. начал изучаться.

В конце XVI в. в интеллектуальной православной культуре украинско-белорусских земель Речи Посполитой наблюдался заметный подъем. Он выражается и в том, что намного более активно, чем прежде, разворачивалась деятельность православных книжников. Переписывались рукописи, создавались в большом количестве новые тексты, быстро развивалось появившееся в начале века книгопечатание. Это неизбежно приводит к оживлению работы по конструированию и реконструированию идентичности и исторической памяти, по созданию ее новых мест. Как в представлении прошлого и настоящего «руси» в этот период сочетаются конфессиональные и неконфессиональные мотивы? В украинско-белорусской православной книжности конца XVI – первой половины XVII в. часто встречаются тексты, в которых история и идентичность Руси и «руси» понимаются как история и идентичность внеэтнического конфессионального сообщества, православного церковного народа. При этом конфессиональное значение придается дискурсам «русского», и эта странность нередко сбивает с толку тех исследователей, которым кажется достаточным увидеть ссылки на «русское», чтобы сказать, что мы имеем дело с национальным или протонациональным коллективным самосознанием¹². На самом же деле, как представляется, в дискурсах такого рода так же, как в ПВЛ, место этнического или протонационального занимает конфессиональным, «национальная» принадлежность как бы стирается церковной идентичностью [32; 33].

Заключение

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, выявляемый в ПВЛ конструкт идентичности, который постулирует разрыв между племенным прошлым славян Восточной Европы и их историей после крещения, сохранился во многих пластах позднейшего летописания и, возможно,

объясняет господство конфессиональных компонентов в дискурсах русского самосознания в книжной культуре Московского государства [8; 34; 35].

Во-вторых, обращение к польским источникам времен Средневековья показало отчетливый контраст между древнерусским и западным опытом во взаимодействии конфессиональных и секулярно-

¹²Обзор соответствующей историографии приведен в работе [31].

этнических мотивов идентичности в местах памяти соответствующих обществ. В Польше в Средние века прошлое этой страны и ее населения понималось и как продолжение племенных традиций, и как история этноса-*natio*, сложившегося в послеплеменной период. Крещение поляков и их христианская идентичность не вытесняли этнические компоненты самоописания и самосознания.

В-третьих, летописные памятники украинско-белорусского происхождения позволяют предположить угасание присущей ПВЛ модели понимания идентичности крещеного населения Руси. Но вот в конце XVI – начале XVII в. источники дают воз-

можность увидеть в православной культуре украинско-белорусских земель тренд, воскрешающий конфессиональную логику описания и осмысления русского и идентичности Руси.

В целом же проведенный анализ укрепляет гипотезу, что в Средние века в православной транснациональной культуре Восточной Европы под пером идеологов, конструирующих места памяти сообществ, которые мы привычно называем Русью или русинами (рутенами, руськими, русскими), дискурсы конфессионального и этнического взаимодействия не так, как в католических культурах Восточной и Центральной Европы того же времени.

Библиографические ссылки

1. Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso; 1991. 256 p.
2. Миллер АИ. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). Санкт-Петербург: Алетея; 2000. 260 с.
3. Рогов АИ, Флоря БН. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв.). В: Королюк ВД, редактор. *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*. Москва: Наука; 1982. с. 96–120.
4. Данилевский И. Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания. *Ab Imperio*. 2001;3:147–167.
5. Данилевский ИИ. Мог ли Киев быть новым Иерусалимом? *Одиссей*. 1998;10:134–150.
6. Данилевский ИИ. *Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов*. Москва: Аспект-пресс; 2004. 383 с.
7. Дмитриев МВ. Конфессиональные и этнические компоненты «стратегий различения» в «Повести временных лет» и «Хронике Галла Анонима». *Диалог со временем*. 2007;21:345–363.
8. Дмитриев МВ. «Русский народ» или «люди Божии»? Об особенностях протонациональных дискурсов в культуре Московской Руси. В: Бойцов МА, Воскобойников ОС, редакторы. *Polystoria. Бог, Рим, народ в средневековой Европе*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2021. с. 256–306.
9. Повесть временных лет. В: Дмитриев ЛА, Лихачев ДС, редакторы. *Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII в.* Москва: Художественная литература; 1978. с. 23–279.
10. Львов АС. *Лексика «Повести временных лет»*. Москва: Наука; 1975. 368 с.
11. *Лаврентьевская летопись* (Полное собрание русских летописей; том I). Москва: Языки русской культуры; 1997. 496 с.
12. *Ипатьевская летопись* (Полное собрание русских летописей; том II). Москва: Языки русской культуры; 1998. 648 с.
13. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов* (Полное собрание русских летописей; том III). Москва: Языки русской культуры; 2000. 720 с.
14. *Новгородская четвертая летопись* (Полное собрание русских летописей; том IV, часть 1). Москва: Языки русской культуры; 2000. 728 с.
15. *Псковские летописи* (Полное собрание русских летописей; том V, выпуск 1). Москва: Языки русской культуры; 2003. 256 с.
16. *Псковские летописи* (Полное собрание русских летописей; том V, выпуск 2). Москва: Языки русской культуры; 2000. 364 с.
17. *Софийская первая летопись старшего извода* (Полное собрание русских летописей; том VI; выпуск 1). Москва: Языки русской культуры; 2000. 581 с.
18. *Рогожский летописец. Тверской сборник* (Полное собрание русских летописей; том XV). Москва: Языки русской культуры; 2000. 432 с.
19. *Московский летописный свод конца XV века* (Полное собрание русских летописей; том XXV). Москва: Языки русской культуры; 2004. 488 с.
20. *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью* (Полное собрание русских летописей; том XI). Москва: Языки русской культуры; 2000. 264 с.
21. Галл Аноним. *Хроника и деяния князей или правителей польских*. Москва: АН СССР; 1961. 172 с.
22. Щавелева НИ. *Польские латиноязычные средневековые источники*. Москва: Наука; 1990. 208 с.
23. Янин ВЛ, редактор. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях. XI–XIII вв. Москва: Издательство МГУ; 1987. 264 с.
24. Исаевич ЯД. Древнепольская народность и ее этническое самосознание. В: Королюк ВД, редактор. *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*. Москва: Наука; 1982. с. 144–167.
25. Флоря БН. Самосознание польской народности в XV веке. В: Зуева ЛА, редактор. *Этническое самосознание славян в XV столетии*. Москва: Наука; 1995. с. 38–77.
26. Krzyżaniakowa J. Pojęcie narodu w «Rocznikach» Jana Długosza. Z problemów świadomości narodowej w Polsce XV wieku. W: Skubiszewski P, редактор. *Sztuka i ideologia XV wieku*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1978. s. 135–153.

27. Gawlas S. Świadomość narodowa Jana Długosza. W: Gieyszyor A, Ihnatowisz I, Kiersnowski K, Kurbis B, Labuda G, redaktory. *Studia źródłoznawcze. Tom 27*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1983. s. 3–67.
28. Borkowska U. *Treści ideowe w dziełach Jana Długosza: Kościół i świat poza Kościołem*. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski; 1983. 203 s.
29. *Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки* (Полное собрание русских летописей; том XVI). Москва: Языки русской культуры; 2000. 252 с.
30. *Летописи белорусско-литовские* (Полное собрание русских летописей; том XXXV). Москва: Наука; 1980. 306 с.
31. Дмитриев МВ, Шпирт АМ. Идентичность Руси и «руси» в письменных памятниках украинско-белорусской православной культуры XV–XVII вв.: историографические заметки. В: Доронин АВ, составитель. *Нарративы руси конца XV – середины XVIII вв.: в поисках своей истории*. Москва: Политическая энциклопедия; 2018. с. 332–384.
32. Дмитриев МВ. Православное и «русское» в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой (конец XVI – середина XVII вв.). В: Доронин АВ, составитель. *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не) единства*. Москва: Политическая энциклопедия; 2017. с. 193–215.
33. Дмитриев МВ. «Народ благочестия русского»: о конфессиональном и этническом в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой. В: Турилов АА, редактор. *«Вертоград многоцветный»: сборник статей к 80-летию Бориса Николаевича Флори*. Москва: Индрик; 2018. с. 453–463.
34. Dmitriev M. Le confessionnel et l'«ethnique» dans la construction des discours proto-nationaux en Russie Moscovite aux XVIe – XVIIe siècles. *Istina*. 2005;2:137–162.
35. Дмитриев МВ. Конфессиональный фактор в формировании представлений о «русском» в культуре Московской Руси. В: Дмитриев МВ, редактор. *Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время*. Москва: Индрик; 2008. с. 218–240.

References

- Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso; 1991. 256 p.
- Miller AI. «Ukrainskii vopros» v politike vlastei i ruskom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.) [«The Ukrainian question» in state policy and public opinion (second half of the 19th century)]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 260 p. Russian.
- Rogov AI, Florya BN. [Formation of selfawareness of the old-Russian nation (according to the texts of the old-Russian literature)]. In: Korolyuk VD, editor. *Razvitie etnicheskogo samosoznaniya slavyanskikh narodov v epokhu rannego srednevekov'ya* [The development of the ethic identity of the Slavic peoples in the early Middle Ages]. Moscow: Nauka; 1982. p. 96–120. Russian.
- Danilevskii I. [Old-Russian statehood and «nation Rus»: possibilities and ways of a adequate description]. *Ab Imperio*. 2001;3:147–167. Russian.
- Danilevsky IN. [Could Kyiv be a «new Jerusalem»?]. *Odissei*. 1998;10:134–150. Russian.
- Danilevsky IN. *Povest' vremennykh let: germeneticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov* [«Tale of the bygone years»: hermeneutical basis in studies of the chronicles]. Moscow: Aspect-press; 2004. 383 p. Russian.
- Dmitriev MV. [Confessional and ethnic components in «the strategy of distinction» in the «Tale of the bygone years»]. *Dialogue with Time*. 2007;21:345–363. Russian.
- Dmitriev MV. [«Russian people» or «God's people»? About peculiarities of the protonational discourses in culture of Muscovy]. In: Boitsov MA, Voskoboinikov OS, editors. *Polystoria. Bog, Rim, narod v srednevekovoi Evrope* [Polystoria. God, Rome, people in Medieval Europe]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2021. p. 256–306. Russian.
- Povest' vremennykh let* [Tale of the bygone years]. In: Dmitriev LA, Likhachev DS, editors. *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XI – nachalo XII v.* [Monuments of literature of Ancient Russia. 11th – the beginning of the 12th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1978. p. 23–279. Russian.
- Lvov AS. *Leksika «Povesti vremennykh let»* [Lexics of the «Tale of the bygone years»]. Moscow: Nauka; 1975. 368 p. Russian.
- Lavrent'evskaya letopis' (Polnoe sobranie russkikh letopisei; tom I)* [Lavrentyevskaya chronicle (Full collection of Russian chronics; volume 1)]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1997. 496 p. Russian.
- Ipatyevskaya letopis' (Polnoe sobranie russkikh letopisei; tom II)* [Ipatyevskaya chronicle (Full collection of Russian chronics; volume 2)]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1998. 648 p. Russian.
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov (Polnoe sobranie russkikh letopisei; tom III)* [Novgorodskaya first chronicle of the older and younger redaction (Full collection of Russian chronics; volume 3)]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2000. 720 p. Russian.
- Novgorodskaya chetvertaya letopis' (Polnoe sobranie russkikh letopisei; tom IV, chast' 1)* [Novgorodskaya fourth chronicle (Full collection of Russian chronics; volume 4, part 1)]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2000. 728 p. Russian.
- Pskovskie letopisi (Polnoe sobranie russkikh letopisei; tom V, vypusk 1)* [Pskovskiye chronicles (Full collection of Russian chronics; volume 5, issue 1)]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2003. 256 p. Russian.
- Pskovskie letopisi (Polnoe sobranie russkikh letopisei; tom V, vypusk 2)* [Pskovskiye chronicles (Full collection of Russian chronics; volume 5, issue 2)]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2000. 364 p. Russian.
- Sofiiskaya pervaya letopis' starshego izvoda (Polnoe sobranie russkikh letopisei; tom VI, vypusk 1)* [Sofyiskaya first chronicle of the older redaction (Full collection of Russian chronics; volume 6, issue 1)]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2000. 581 p. Russian.
- Rogozhskii letopisets. Tverskoi sbornik (Polnoe sobranie russkikh letopisei; tom XV)* [Rogozhsky chronicle. Tverskoy collection of chronicles (Full collection of Russian chronics; volume 15)]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2000. 432 p. Russian.
- Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka (Polnoe sobranie russkikh letopisei; tom XXV)* [Moskovsky compiled chronicle of the end of the 15th century (Full collection of Russian chronics; volume 25)]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2004. 488 p. Russian.

20. *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu (Polnoe sobranie russkikh letopisei; tom XI)* [Collection of chronicles called Patriarchy or Nikonovsky chronicle (Full collection of Russian chronics; volume 11)]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2000. 264 p. Russian.
21. Gall Anonim. *Khronika i deyaniya knyazei ili pravitelei pol'skikh* [Chronicle or deeds of the Polish princes or rulers]. Moscow: Nauka; 1961. 172 p. Russian.
22. Shchhaveleva NI. *Pol'skie latinoyazychnye srednevekoveye istochniki* [Polish Latin Medieval sources]. Moscow: Nauka; 1990. 208 p. Russian.
23. Yanin VL, editor. «Velikaya khronika» o Pol'she, Rusi i ikh sosedyakh. XI–XIII vv. [«The Great chronicle» on Poland, Rus' and their neighbors. 11th–13th centuries]. Moscow: Publishing House of the Moscow Lomonosov State University; 1987. 264 p. Russian.
24. Isaevich YaD. [Old-Polish nation and its ethnic selfawareness]. In: Korolyuk VD, editor. *Razvitie etnicheskogo samosoznaniya slavyanskikh narodov v epokhu rannego srednevekov'ya* [The development of ethnic self-consciousness of the Slavic peoples in the early Middle Ages]. Moscow: Nauka; 1982. p. 144–167. Russian.
25. Florya BN. [Selfawareness of the Polish nation in the 15th century]. In: Zueva LA, editor. *Etnicheskoe samosoznanie slavyan v XV stoletii* [Ethnic identity of the Slava of the 15th century]. Moscow: Nauka; 1995. p. 38–77. Russian.
26. *Krzyżaniakowa J.* Pojęcie narodu w «Rocznikach» Jana Długosza. Z problemów świadomości narodowej w Polsce XV wieku. W: Skubiszewski P, redaktor. *Sztuka i ideologia XV wieku*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1978. s. 135–153.
27. *Gawlas S.* Świadomość narodowa Jana Długosza. W: Gieyszyor A, Ihnatowisz I, Kiersnowski K, Kurbis B, Labuda G, redaktory. *Studia źródłoznawcze. Tom 27*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1983. s. 3–67.
28. Borkowska U. *Treści ideowe w dziełach Jana Długosza: Kościół i świat poza Kościołem*. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski; 1983. 203 s.
29. *Letopisnyi sbornik, imenuemyi letopis'yu Avraamki (Polnoe sobranie russkikh letopisei; tom XVI)* [Collection of chronicles, called Avraamka's chronicle (Full collection of Russian chronics; volume 16)]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2000. 252 p. Russian.
30. *Letopisi belorusko-litovskie (Polnoe sobranie russkikh letopisei; tom XXXV)* [Belarusian-Lithuanian chronicles (Full collection of Russian chronics; volume 35)]. Moscow: Nauka; 1980. 306 p. Russian.
31. Dmitriev MV, Shpirt AM. [Rus' and «rus'» identity in written texts of the Ruthenian Orthodox culture in the 15th–16th centuries: remarks on historiography]. In: Doronin AV, compiler. *Narrativy rusi kontsa XV – serediny XVIII vv.: v poiskakh svoey istorii* [Narratives of Russia of the end of the 15th – the middle of the 18th centuries: in search of its own history]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; 2018. p. 332–384. Russian.
32. Dmitriev MV. [The Orthodox and the «Russian» in representations about «Ruthenian people» of the Rzech Pospolita (late 16th – middle 17th centuries)]. In: Doronin, compiler. *Drevnyaya Rus' posle Drevnei Rusi: diskurs vostochnoslavyanskogo (ne)edinstva* [Ancient Russia after Ancient Russia: the discourse of East Slavic (non)unity]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; 2017. p. 193–215. Russian.
33. Dmitriev MV. [«People of Ruthenian piety»: on confessional and ethnic in representations of the «Ruthenian people» of the Rzech Pospolita]. In: Turilov AA, editor. «Vertograd mnogotsvetny». *Sbornik statey k 80-letiyu Borisa Nikolayevicha Flori* [«Multicolor Vertograd»: a collection of articles dedicated to 80th anniversary of Boris Nikolaevich Florya]. Moscow: Indrik; 2018. p. 453–463. Russian.
34. Dmitriev M. Le confessionnel et l' «ethnique» dans la construction des discours proto-nationaux en Russie Moscovite aux XVIe – XVIIe siècles. *Istina*. 2005;2:137–162.
35. Dmitriev MV. [Confessional factors in formation of representations of «the Russian» in culture of Muscovy]. In: Dmitriev MV, editor. *Religioznye i etnicheskie traditsii v formirovanii natsionalnykh identichnostei v Evrope. Srednie veka – novoe vremya* [Religious and ethnic traditions in the formation of national identities in Europe. Middle Ages – Modern Times]. Moscow: Indrik; 2008. p. 218–240. Russian.

Статья поступила в редакцию 13.09.2021.
Received by editorial board 13.09.2021.

УДК 797.14.062:061(476)(091)«19»

ГОРОДСКОЙ ДОСУГ: ЯХТ-КЛУБЫ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

С. И. БУСЬКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет физической культуры,
пр. Победителей, 105, 220020, г. Минск, Беларусь

Изучается история яхт-клубов на территории Беларуси на рубеже XIX–XX вв. Исследуются условия их возникновения, основные уставные документы, ключевые направления деятельности, изменение социального состава и место яхт-клубов в структуре городского досуга на протяжении 1895–1915 гг. Также рассмотрены попытки создания яхт-клубов, не реализованные по объективным причинам, однако отражающие социальный запрос горожан. Уделено внимание трансформации этих общественных организаций из узкопрофильных элитарных клубов в центры культурной и спортивной жизни в белорусском городе.

Ключевые слова: досуг; яхт-клуб; общественная организация; парусный спорт; физическая культура.

ГАРАДСКІ ВОЛЬНЫ ЧАС: ЯХТ-КЛУБЫ Ў САЦЫЯЛЬНА-КУЛЬТУРНАЙ ПРАСТОРЫ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ У КАНЦЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

С. І. БУСЬКО^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт фізічнай культуры,
пр. Пераможцаў, 105, 220020, г. Мінск, Беларусь

Вывучаецца гісторыя яхт-клубаў на тэрыторыі Беларусі на рубяжы XIX–XX стст. Даследуюцца ўмовы іх узнікнення, асноўныя статутныя дакументы, ключавыя напрамкі дзейнасці, змена сацыяльнага складу і месца яхт-клубаў у структуры гарадскога вольнага часу на працягу 1895–1915 гг. Таксама разгледжаны спробы стварэння яхт-клубаў, не рэалізаваныя па аб'ектыўных прычынах, якія, аднак, адлюстроўвалі сацыяльны запатрабаванне гараджан. Звяртаецца ўвага на трансфармацыю гэтых грамадскіх арганізацый ад вузкапрофільных элітарных клубаў да цэнтраў культурнага і спартыўнага жыцця ў беларускім горадзе.

Ключавыя словы: вольны час; яхт-клуб; грамадская арганізацыя; парусны спорт; фізічная культура.

Образец цитирования:

Бусько СИ. Городской досуг: яхт-клубы в социально-культурном пространстве белорусских губерний в конце XIX – начале XX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;1:19–27.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-1-19-27>

For citation:

Busko SI. Urban leisure: yacht clubs in the social and cultural space of Belarusian provinces in the late 19th – early 20th century. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;1:19–27. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-1-19-27>

Автор:

Сергей Иванович Бусько – кандидат исторических наук; доцент кафедры философии и истории спортивно-педагогического факультета спортивных игр и единоборств.

Author:

Siarhei I. Busko, PhD (history); associate professor at the department of philosophy and history, faculty of sports and martial arts.
buskosiarhei@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6627-2381>

URBAN LEISURE: YACHT CLUBS IN THE SOCIAL AND CULTURAL SPACE OF BELARUSIAN PROVINCES IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURY

S. I. BUSKO^a

^aBelarusian State University of Physical Culture, 105 Pieramožcaŭ Avenue, Minsk 220020, Belarus

The article is devoted to the history of yacht clubs on the territory of Belarus at the turn of the 19th – 20th centuries. The author examines the conditions for their emergence, the main statutory documents, key areas of activity, changes in the social composition and place in the structure of urban leisure during 1895–1915. The article also presents attempts to create yacht clubs, reflecting the social demand of the urban population, but not implemented for objective reasons. Attention is paid to the transformation of these public organisations from narrow-profile elite clubs to the centres of cultural and sports life in the Belarusian city.

Keywords: leisure; yacht club; public organisation; sailing; physical culture.

Введение

История яхтенного спорта в Российской империи началась во время правления императора Николая I. В Санкт-Петербурге в 1846 г. был утвержден первый яхт-клуб, получивший статус императорского. Под влиянием иностранных (в первую очередь французских и британских) предпринимателей, инженеров, технических специалистов в 1867 г. открылся Московский речной яхт-клуб¹. По мере трансформации российского общества стремление к созданию яхт-клубов в 1880-х гг. достигло крупных промышленных и портовых городов империи: Одессы, Риги, Севастополя, Ревеля, Воронежа. В начале XX в. мода на яхт-клубы пришла в губернские города с крупными реками.

В дореволюционный период история становления яхт-клубов активно освещалась на страницах спортивных журналов общего профиля («Спорт», «Спортивное обозрение») и в тематической периодике («Яхта», «Рулевой», «Разведчик»). Важными источниками по данному вопросу стали издания, посвященные юбилеям старейших яхт-клубов². В советской историографии рассматриваемая тематика активно не изучалась, подчеркивался лишь привилегированный статус этих организаций и их недоступность для массового потребителя. С кон-

ца 1980-х гг. в научный оборот включались сотни архивных документов, появились работы по истории большинства яхт-клубов Российской империи. Первый блок таких трудов представлен исследованиями по конкретным организациям в Одессе³, Санкт-Петербурге⁴, Казани⁵, Воронеже⁶, Перми⁷ и др. В 2021 г. С. Копылов успешно защитил кандидатскую диссертацию по истории Эстляндского императорского яхт-клуба⁸. Второй блок современных исследований посвящен истории дореволюционного спорта или городскому быту этого периода: с использованием большой выборки архивных материалов и периодики написаны работы А. Баталова [1], С. Борисова [2], А. Суника [3], И. Хмельницкой [4]. В 2005 г. под редакцией А. Баталова вышло издание «Большая иллюстрированная энциклопедия яхт-клубов», где описана история этих организаций в 20 губерниях дореволюционной России⁹. Несмотря на наличие трех зарегистрированных яхт-клубов белорусские губернии в этот справочник не попали. С одной стороны, это объясняется отсутствием общей федерации парусного спорта до 1912 г., с другой – пассивностью местных организаций.

Цель данной статьи – описать историю яхт-клубов в белорусских губерниях как спортивных

¹Чердиченко С. Яхт-клубы в Российской империи // Yachting. 2003. № 4(7). С. 14.

²Домбровский Н. В. Киевский яхт-клуб. Первое десятилетие. 1887–1897. Очерк. Киев, 1897. 45 с. ; Памятная книжка Эстляндского императорского яхт-клуба за 1898 г. Ревель, 1898. 29 с.

³Вербицкий В. А., Шуст О. Н., Дзюбан О. В. История развития водных видов спорта в образовательных учреждениях одесского учебного округа (конец XIX – начало XX ст.) // Web of Scholar. 2018. Vol. 3, No. 7(25). P. 53–58.

⁴Долбнин В. Г. Развитие яхт-клубовского движения в Санкт-Петербурге // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2010. № 124. С. 30–38.

⁵Федотова О. К 100-летию со дня открытия Казанского яхт-клуба // Эхо веков. 2013. № 1/2. С. 301–303.

⁶Коробчук А. Воронежский яхт-клуб до 1917 г. // Вестн. Воронеж. гос. аграр. ун-та. Соц.-экон. и обществ. науки. 2015. № 1(44). С. 120–126.

⁷Александрова Д. И. Пермский речной яхт-клуб как центр спортивной жизни города в начале XX в. // Вестн. науч. ассоц. студентов и аспирантов ист. фак. Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-та. 2019. № 1. С. 147–152.

⁸Копылов С. Н. Организация и деятельность Эстляндского императорского яхт-клуба (1888–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 5.6.1. Тамбов, 2021. 24 с.

⁹Большая иллюстрированная энциклопедия яхт-клубов / под ред. А. Баталова. М., 2005. С. 9.

организаций и как центров досуга в городском пространстве. При этом обязательными задачами являются рассмотрение этих общественных организаций на разных исторических этапах, фиксация

качественных изменений в интересах городского населения сквозь призму внимания к спорту и яхт-клубам. Кроме того, изучены неудачные попытки создания яхт-клубов в белорусских губерниях.

Методы исследования

Методологической основой статьи являются диалектические принципы объективности, конкретности, всесторонности и историзма, а также универсальные методы познания (анализ и синтез, абстрагирование, обобщение, дедукция и индукция). Кроме того, в ходе исследования использовались специально-исторические методы. Обращение к историко-генетическому методу позволило рассмотреть изменения функционирования яхт-клубов

в процессе их исторического развития (особенности возникновения, становления, смены интересов, трансформация основных положений в программных документах). Выявление специфики социального состава, финансирования, целей и задач деятельности белорусских яхт-клубов в различные периоды их существования стало возможным при использовании методов сравнения и аналогии, а также структурного и системного методов.

Основная часть

Витебск в первой половине 1890-х гг. являлся одним из лидирующих по развитию спорта и физической культуры белорусских городов (сравниться с ним могли лишь Минск и Двинск). Тенденция активной регистрации яхт-клубов, отмечавшаяся в городах на побережье Балтийского моря, в это время достигла и Витебска. Уже 30 апреля 1895 г. товарищем министра внутренних дел Н. И. Шебеко был подписан Устав Витебского речного яхт-клуба. Цель организации совпадала с обозначенными в уставах Эстляндского, Рижского и других клубов (учитывалось их расположение на реке): «...цель – дать своим членам возможность упражняться в плавании на всякого рода речных судах, гребных и парусных... на реке Западная Двина»¹⁰.

Наравне с этим перед членами яхт-клуба была поставлена задача популяризировать в обществе гимнастические упражнения, катание на коньках и велосипедах, фехтование, стрельбу. В примечании к этому пункту устава было указано, что в случае появления в губернии отдела Общества спасения на водах яхт-клуб берет на себя обязанность выделять часть средств на его содержание и предоставлять ему свою инфраструктуру и корабли. Единовременный взнос для действительных членов клуба составлял 20 руб., ежегодный – 15 руб.¹¹ Управление Витебским речным яхт-клубом осуществлял комитет, состоящий из командора, вице-командора и восьми членов (избираемых на два года). В целом устав носил традиционный консервативный характер: как и в большинстве аналогичных документов 1890-х гг., в нем детально прописывались условия членства, правила поведения гостей (в том числе подробная процедура удаления из помещения яхт-клуба в случае на-

рушения устава), маркировка карточных колод для игр, отдельное кресло для представителя полиции на каждом спектакле или представлении. В уставах 1910-х гг. все эти элементы отсутствуют, расширение социальной базы сделало такие детали лишними. Репутация яхт-клубов в обществе была противоречивой, у старшего поколения они считались местом разврата, азартных игр и алкоголя. Один из младших представителей дома Романовых, великий князь Гавриил Константинович, записал в своих воспоминаниях в начале XX в.: «Я был страшно рад вступить в яхт-клуб, но не смел сказать о том, что я сделал это, ни отцу, ни дяденьке, потому что оба они были противниками клубов, а на яхт-клуб смотрели как на рассадник сплетен и интриг, что, конечно, было правдой»¹². Уставы яхт-клубов не содержали деталей «водной» части деятельности. С середины XIX в. их корабли приравнивались к военным судам и наделялись правом несения в плавании Андреевского флага, что приводило к необходимости подчиняться Таможенному и Морскому уставам Российской империи, регулировавшим правила движения на воде, действия членов экипажа во время плавания, и определяло символику яхт-клубов.

По своей организации Витебский речной яхт-клуб на момент создания был ближе к классическим дворянским благородным собраниям, хотя сословных ограничений в его уставе не было. Такой узкий взгляд на яхт-клуб, как на развлечение иностранцев и состоятельных жителей крупных городов, в 1904 г. фиксирует словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона¹³. В отличие от более поздних (после 1906 г.) типовых уставов яхт-клубов в Мозыре и Гродно в рассматриваемом документе есть интересный § 33 о бесплатном

¹⁰Устав Витебского речного яхт-клуба. Витебск, 1895. С. 3.

¹¹Там же. С. 7.

¹²Великий князь Гавриил Константинович. В мраморном дворце. Воспоминания. М., 2005. С. 139.

¹³Ловягин Р. М. Яхт-клуб // Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь. СПб., 1904. Т. XLI. С. 855.

посещении членами других яхт-клубов и гребных обществ, а также морскими офицерами¹⁴. В начале XX в. руководство городского военного собрания и правление яхт-клуба договорились о взаимном бесплатном посещении своих мероприятий. Крайне важной для Витебского речного яхт-клуба была символика. С 1910 г. всем вновь учрежденным речным яхт-клубам присваивался флаг по образцу Санкт-Петербургского речного яхт-клуба, но с гербом тех городов или губерний, где они располагались. Яхт-клуб в Витебске имел белый кормовой флаг с синим прямым крестом и гербом Витебской губернии, в уставе были описаны стеньговый флаг, брейд-вымпелы, флаги почетных членов и гоночной комиссии. Для каждого члена клуба изготавливался специальный знак – металлический золоченый брелок на часовой цепочке (он декларировал статус членов общества).

Обычно яхт-клуб занимал большую территорию, так как, помимо здания кают-компания (собрания клуба), у организации были стоянка судов, сараи для шлюпок и яхт, а некоторые яхт-клубы содержали собственные мастерские для постройки или ремонта судов. Например, Санкт-Петербургский речной яхт-клуб занимал более 500 м набережной реки [4, с. 137]. Здание Витебского яхт-клуба, расположенное на берегу у подножия Успенского собора, запечатлено на многочисленных фотографиях города на рубеже XIX–XX вв. В это время архитектурное решение строений яхт-клубов выполнялось в направлении эклектики, таким образом совмещались стилизация объекта, связанная с корабельной тематикой, и стилевая направленность архитектуры, характерная для времени постройки. Летнее здание яхт-клуба было двухэтажным и имело открытые террасы на каждом этаже, а также технический полуподвальный уровень. Важную роль в клубной жизни играла библиотека, ее деятельность регламентировалась отдельными правилами. Если у посетителя оставалось свободное время, он мог ознакомиться со свежими выпусками газет, спортивной прессой. В московских клубах даже существовал абонемент, по которому действительный член клуба мог взять книгу на дом [1, с. 77]. Однако об остальной инфраструктуре можно судить лишь по фото, где видна только стоянка для яхт и лестницы на холм. Летом 1899 г. на заседаниях клуба активно обсуждался вопрос о приобретении зимнего помещения, однако ресурсов организации хватило всего на один зимний сезон¹⁵.

На рубеже XIX–XX вв. Витебский речной яхт-клуб стал одним из ключевых общественных заведений города. Т. Воронич в работе по общественным инициативам жителей Витебска затрагивала светскую часть жизни яхт-клуба: «Несколько раз в месяц в клубе и собрании организовывались семейные и танцевальные вечера, маскарады, а также благотворительные балы. Один раз в месяц обязательно устраивались детские вечера. Мероприятия обычно начинались в 9–10 часов вечера, а заканчивались не ранее 4–5 часов утра. Организовывались игры в кегли, бильярд, в карты... в три часа ночи начинался ужин. Проходил он в отдельном от танцевального зала помещении и принимали в нем участие те, кто заранее внес определенную сумму денег, так называемый, “ужин по подписке”»¹⁶. В помещениях витебского яхт-клуба проходили самые популярные театральные и концертные выступления: 24 февраля 1898 г. состоялся концерт финской певицы А. Фострём (солистки Большого театра), 1 марта 1898 г. – концерт скрипача Ф. Ондрижичека, 5 марта 1898 г. – концерт артистки Н. Салиной (солистки Большого театра). Есть версия, что именно в помещении речного яхт-клуба прошел первый кинопоказ в Витебске. Информация об уходе в отставку по состоянию здоровья командора Н. К. фон Теше (члена Витебского окружного суда) и выборах новых членов яхт-клуба была опубликована в 1901 г. на первой полосе газеты «Витебские губернские ведомости».

Спортивная деятельность клуба также играла важную роль. Кассу организации пополняли доходы от проката оборудования и проведения соревнований. В издании «Витебские губернские ведомости» рекламировались возможности яхт-клуба: в мае 1901 г. стоимость проката лодки за час составляла 20 коп., таким образом, это развлечение было доступно представителям разных социальных групп¹⁷. Комитет яхт-клуба в июле 1900 г. организовал народные гонки с призами: «Лиц из публики, желающих принять участие в гонках на собственных лодках, просят записываться в яхт-клуб, где с 7 до 9 часов вечера ежедневно можно получать подробные указания об условиях и времени состязания»¹⁸. В гонках были представлены разные категории судов: четырехвесельные с рулем, двухвесельные, управляемые веслом, челны с двумя гребцами. В день гонок, 20 июля, для публики был открыт вход на нижнюю и крокетную площадки яхт-клуба, с каждого лица взималась плата в 20 коп. Вероятно, опыт «народных» гонок пришел в Витебск из Эстляндско-

¹⁴Устав Витебского речного яхт-клуба... С. 34.

¹⁵Новости // Витеб. губ. вед. 1899. 6 июля. № 151. С. 2.

¹⁶Воронич Т. Общественные инициативы жителей Витебска на рубеже XIX–XX вв. // Гарады Беларусі ў кантэксте палітыкі, эканомікі, культуры : зб. навук. арт. / рэдкал.: І. В. Соркіна, В. А. Беларазаровіч, І. І. Крэнь. Гродна, 2007. С. 281.

¹⁷Комитет Витебского речного яхт-клуба имеет честь донести до сведения членов // Витеб. губ. вед. 1901. 31 мая. № 122. С. 1.

¹⁸Нац. ист. арх. Беларуси (НИАБ). Ф. 1416. Оп. 6. Д. 637. Л. 1137.

го яхт-клуба, где до запрета в 1908 г. они были популярной традицией. Особенностью речных клубов было отсутствие интереса профильных министерств к таким небольшим губернским организациям: например, яхт-клубы на побережье Балтийского моря получали в конце XIX в. финансовые субсидии от Морского министерства¹⁹. Анализ речных яхт-клубов в Воронеже, Самаре, Пензе, Казани и других провинциальных городах таких фактов не выявил²⁰.

Финансовый аспект в деятельности яхт-клуба занимал не последнее место. Чтобы гонки приносили прибыль, требовалось обеспечить удобство для зрителей (например, столичные журналисты предлагали пускать в сопровождение гонок пароход со зрителями или проводить «фигурные» заезды на небольшом участке реки). Очевидно, что на рубеже XIX–XX вв. заниматься парусным спортом мог лишь обеспеченный человек. По оценкам журнала «Яхта», в 1906 г. средняя гоночная яхта стоила 2–3 тыс. руб. Единственным выходом для менее состоятельных людей было коллективное приобретение судна.

История Витебского речного яхт-клуба завершается в годы первой русской революции. К сожалению, документы о его ликвидации не обнаружены. Снижение интереса к такого рода организациям можно объяснить расширением сферы досуга горожан: стали появляться новые театры и кинотеатры, автомобили и самолеты, общества по отдельным видам спорта и искусства. Привилегированный характер Витебского речного яхт-клуба и высокие вступительные требования привели к его исчезновению. Один из местных чиновников с горечью писал в губернскую газету летом 1908 г.: «Существующие в Витебске общественные организации – мы относим сюда наши клубы “Унион”, музыкально-драматический кружок и яхт-клуб – совершенно не отвечают намеченной нами цели: объединение малосостоятельных интеллигентных тружеников»²¹. Критически оценив велосипедное общество и музыкальный кружок, автор заметки отметил, что от яхт-клуба к 1908 г. «...осталось лишь одиноко стоящее на берегу здание да уныло бродящий вокруг сторож»²². В ответ на запрос из канцелярии губернатора витебский полицмейстер в мае 1911 г. написал: «Деятельность Витебского речного яхт-клуба ликвидирована лет 5–6 назад, точно год установить не представилось возможным, за неимением членов клуба все имущество и здание яхт-клуба в 1909 г.

продано губернским правлением с торгов за неплатеж недоимки государственного налога и земского сбора»²³.

Интересным моментом в истории яхтинга в Витебской губернии стала ученическая экскурсия полоцких кадетов по маршруту Полоцк – Рига с 8 по 29 июня 1901 г. По инициативе одного из педагогов Полоцкого кадетского корпуса – А. Полторацкого – был организован водный поход на ялах по пути из варяг в греки. Примечательно, что вся подготовка и реализация задуманного легла на плечи кадетов 5–7-х классов, которые самостоятельно сделали по книге Д. Кэмпса «Yacht and boat sailing» два парусных судна: «Рогнеда» и «Константин» (кстати, паруса для яхт заказывали в Санкт-Петербурге на популярной фабрике И. Г. Кёпке). Капитан А. Полторацкий, ранее служивший в Санкт-Петербурге и хорошо знакомый с повседневной спецификой яхт-клубов, записал свои суда в Витебский речной яхт-клуб весной 1901 г. Это давало ему право нести в пути флаг яхт-клуба и пользоваться всеми гостевыми привилегиями в Рижском яхт-клубе. Более того, по его просьбе командор Витебского речного яхт-клуба написал об экспедиции кадетов своим рижским коллегам [5, с. 14]. В Риге яхту с кадетами гостеприимно встретили в гребном клубе, в Рижском и Лифляндском яхт-клубах. Полочане получили опыт выхода в Балтийское море на разных типах яхт, посетили тренировки гребцов²⁴. Впоследствии кадет А. Карпитский в 1902 г. поступил в Морской кадетский корпус и стал призером в гребных гонках, а кадет С. Киверов поступил в Морское инженерное училище. Выбор полочанами названия «Рогнеда» для яхты логически связан с историей города, но, возможно, они знали об истории яхты «Рогнеда», которая 22 августа 1853 г. отправилась из Кронштадта в кругосветное плавание под руководством князя А. Лобанова-Ростовского и добралась до Рио-де-Жанейро.

В начале 1910-х гг. наблюдался очередной спортивный бум в Российской империи, в том числе в создании яхт-клубов. Прилегающие к белорусским губерниям на северо-западе территории имели великолепный набор яхт-клубов: к 1913 г. в Рижском императорском яхт-клубе состояли 353 члена и 65 судов, в Эстляндском императорском яхт-клубе – 311 и 60, в Либавском яхт-клубе «Норд» – 115 и 31, Аренбургском яхт-клубе – 90 и 18, Лифляндском

¹⁹Копылов С. Н., Ливенцев Д. В. Развитие Эстляндского морского яхт-клуба в конце XIX века // Учен. зап. Электрон. науч. журн. Курск. гос. ун-та. 2021. № 1(57). С. 63–67.

²⁰Коробчук А. Воронежский яхт-клуб до 1917 г. ... С. 120–126.

²¹Где обывателю среднего достатка провести время (об общедоступном клубе) // Витеб. губ. вед. 1908. 19 июня. № 138. С. 3.

²²Где обывателю среднего достатка провести время (об общедоступном клубе) // Витеб. губ. вед. 1908. 15 июня. № 135. С. 2.

²³Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 1583. Оп. 1. Д. 149. Л. 4.

²⁴Бусько С. И. «Из варяг в греки»: плавание кадет полоцкого корпуса в Ригу как пример системы физического воспитания нового типа // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории : сб. науч. тр. / редкол.: А. Марзалюк (пред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2019. Вып. 3. С. 207–214.

яхт-клубе – 147 и 25, яхт-клубе в Пярну – 70 и 9, Ревельском яхт-клубе – 145 и 22 соответственно²⁵. Открылись в том числе речные яхт-клубы в Самаре (1913), Казани (1913), Перми (1914) и других городах. Меняется позиция государства, представители власти высказываются за необходимость обратить внимание на физическое развитие молодежи, в том числе посредством водных видов спорта: «Яхтенный спорт – одно из лучших средств воспитания моряков флота. Все усилия должны быть приложены к тому, чтобы содействовать развитию яхтенного флота»²⁶.

Активно популяризировала спорт, в том числе яхты и греблю, общероссийская пресса (издания «Яхта и велосипед», «Спорт», «Яхта» и др.). Журнал «Спорт и игры» в 1912 г. приводил пример: «В Англии гребная гонка Кембридж – Оксфорд стала национальным праздником. К ней готовятся тысячи гребцов и, разумеется, ни о какой корысти здесь нет и помину» [3, с. 59]. Определенный информационный повод к обсуждению яхт и яхт-клубов дали результаты Олимпийских игр в Стокгольме, где российская яхта «Галлия II» завоевала бронзовую медаль в классе «10 метров» [2, с. 34]. Дискуссии в прессе о необходимости демократизации парусного спорта также меняли позицию членов яхт-клубов при формировании уставных задач, взаимодействие с остальной частью общества отражалось в программных документах. Прогулки на лодках и яхтах постепенно становились популярным вариантом для развлечения и проведения экскурсий в белорусских городах. Летние курсы 1913 г. для учителей гимнастики в Виленском учебном округе включали в программу загородную экскурсию, которую провел Д. И. Довгялло. На озере возле руин Тракайского замка на базе усадьбы С. Тышкевича в поселке Ландварово были организованы состязания по гребле, гонки на лодках, фигурные заезды для почти 50 слушателей курсов²⁷.

Неудивительно, что летом 1911 г. на страницах газеты «Гомельская копейка» появилась идея о создании в городе на р. Сож своего яхт-клуба. Автор заметки «О речном яхт-клубе» резонно отмечал, что «...теперь, когда все увлекаются всякого рода спортом, необходимо подумать об учреждении яхт-клуба»²⁸. Отдельно подчеркивалось, что яхты и лодки на реке есть, да и преимущества судоходной р. Сож также не стоит игнорировать. В качестве

удобного варианта расположения организации был предложен Мельников луг. Востребованность такой организации досуга в Гомеле была очевидна. Например, в июле 1911 г. журналисты описывали лодочные гонки в двух классах: с рулевым и без рулевого – на дистанции от городской пристани до упомянутого Мельникова луга²⁹. Особенностью Гомеля было отсутствие в городе отделения Общества спасения на водах, при этом в контексте решения данной проблемы рассматривалась возможность часть вопросов по безопасности на воде возложить на потенциальный яхт-клуб³⁰. Гомельский историк О. Яценко отмечает рост популярности отдыха на природе среди гомельчан в 1910-х гг.: «Река Сож имела огромное значение для интенсификации городского развития, наряду с этим важным было и ее воздействие на культурный аспект в образе жизни гомельчан. Пароходные катания и катания на лодках занимали в этом ряду одно из первых мест. Очень посещаемыми при катаниях на реке были Кленки, Ченки»³¹. Однако даже с таким интересом горожан и освещением в местной прессе вопрос о создании яхт-клуба оставался открытым до революции 1917 г. Одной из причин этого стало массовое увлечение футболом и, соответственно, формирование клубов игрового профиля.

В отличие от своих гомельских коллег, горожане Мозыря смогли юридически оформить создание яхт-клуба в городе. На протяжении нескольких лет шло обсуждение проекта, даже во время торжественного вечера в мозырской мужской гимназии, посвященного 100-летию войны 1812 г., звучали планы по открытию яхт-клуба³². Устав организации был рассмотрен на заседании Минского губернского по делам об обществах присутствия 13 июня 1913 г., а яхт-клуб внесли в реестр обществ и союзов Минской губернии уже через несколько дней. Намеченные цели звучали достаточно широко и не ограничивались сугубо яхтами: «...доставить своим членам возможность заниматься всеми видами речного спорта как в летнее, так и в зимнее время; знакомиться с приемами полезных гимнастических упражнений, изучать плавание и пользоваться удобными местами для купания»³³. Через несколько месяцев отдел торгового мореплавания Министерства торговли и промышленности Российской империи утвердил описание формы одежды Мозырского

²⁵Чердниченко С. Яхт-клубы в Российской империи... С. 16.

²⁶Долбнин В. Г. Развитие яхт-клубовского движения в Санкт-Петербурге... С. 36.

²⁷Отчет о летних курсах при Виленском учебном округе для подготовки учителей гимнастики в средних учебных заведениях. Июнь – июль 1913 года. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1915. С. 35.

²⁸О речном яхт-клубе // Гомел. копейка. 1911. 15 июня. № 4. С. 3.

²⁹Гонки // Гомел. копейка. 1911. 20 июня. № 6. С. 2.

³⁰Общество спасения на водах // Гомел. копейка. 1911. 29 июня. № 10. С. 3.

³¹Яценко О. Летний период в жизни гомельчан в начале XX века // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XX стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы : зб. навук. арт. / пад. рэд. В. А. Міхедзька. Гомель : Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны, 2009. С. 80.

³²Лякин В. Мозырь в 1812 году: историческая хроника. Минск : Чернобыль, 2005. С. 197.

³³Устав Мозырского яхт-клуба. Мозырь, 1913. С. 4.

яхт-клуба, устанавливаемой для почетных и действительных членов, должностных лиц и матросов (белые китель и брюки для летней навигации и темно-синие – для зимнего сезона).

Архивные материалы детализируют интересы организаторов: содействие физическому развитию, организацию полезных развлечений и воспитание любви к речному спорту среди учащихся местных учреждений образования, а также возможность удобного общения членов клуба и их семей. Для достижения намеченных целей администрация яхт-клуба приобрела четыре яхты, планировалось построение в собственных мастерских еще нескольких суден, закупались принадлежности для занятий спортом зимой и летом, гимнастические приборы, устраивался популярный в белорусских городах зимний каток. Яхт-клуб снимал помещение, в котором были организованы библиотека, буфет. Там же проходили танцевальные вечера, лекции и игры³⁴. Как и в уставах других организаций, ограничивался прием в члены яхт-клуба воспитанников учебных заведений. В Уставе Мозырского яхт-клуба было интересное дополнение: по соглашению с учебными заведениями за отдельную плату члены яхт-клуба брали на себя обязанность обучать плаванию с инструктором, управлению судами на веслах и под парусом, бегу на коньках и лыжах. В данном случае прослеживается влияние одесского Екатерининского яхт-клуба, имевшего тесную связь с Мозырем по линии руководства и покровителей. На юге Российской империи созданная в 1909 г. Особая морская спортивная комиссия при одесском учебном округе заключила соглашение с Екатерининским яхт-клубом на обучение школьников и гимназистов парусному спорту. Этот эксперимент стал единственным успешным примером взаимодействия яхт-клубов и учреждений системы образования на уровне учебных округов³⁵.

Для повышения своего статуса правление Мозырского яхт-клуба во главе с командором А. А. Перреном воспользовались популярным в начале XX в. механизмом: обратились с ходатайством о покровительстве к великому князю Александру Михайловичу (известному специалисту по яхт-клубам, бывшему к этому моменту покровителем Екатерининского яхт-клуба в Одессе). Официальное покровительство одного из членов императорской фамилии для спортивной общественной организации было редким явлением и давало серьезные репутационные и политические преимущества. Император Николай II одобрил ходатайство 12 августа 1914 г.³⁶

Правление яхт-клуба получило письмо с подтверждением нового статуса в сентябре 1914 г. и сразу уведомило об этом минского губернатора А. Ф. Гирса. Новый статус давал еще больше возможностей для расширения деятельности и привлечения дополнительных средств, однако события Первой мировой войны прервали развитие этого общества. Так, уже в конце сентября 1914 г. поступило распоряжение об исключении из членов клуба всех австрийских и германских подданных.

Третий яхт-клуб на территории белорусских губерний возник на берегах р. Неман. Несмотря на наличие в Гродно крупной реки и большой опыт организации различных физкультурных и спортивных обществ, яхт-клуб до 1914 г. в городе не сформировался. Лишь 12 апреля 1914 г. в Гродненское губернское по делам об обществах и союзах присутствие было подано заявление присяжного поверенного Е. Андрича и товарищей прокурора Б. Голубкова и Н. Беккера. Они просили утвердить устав яхт-клуба, который приложили к заявлению. Цель новой организации, как и у коллег в Мозыре или Витебске, включала две составляющие. На первый план были вынесены «...развитие в г. Гродно и его окрестностях на протяжении реки Неман в пределах Гродненской губернии всех видов водного транспорта, распространение правильно построенных и оборудованных судов и содействие уменьшению числа несчастных случаев на воде, происходящих от незнакомства любителей с условиями правильного плавания на судах»³⁷. Второй блок включал общее физическое развитие, обучение плаванию и спортивным играм, занятие всеми видами спорта (такими, как, например, легкая атлетика, разного рода гимнастика, стрельба в цель, фехтование, крокет, лаун-теннис и т. д.); предусматривалась также организация бесед, лекций и выставок, которые касались спорта вообще и дела спасения на водах в частности.

Источники финансирования яхт-клуба были типовыми: членские взносы (5 руб. единовременно и 15 руб. ежегодно с каждого действительного члена, почетные члены клуба были освобождены от уплаты), доходы от концертов и развлекательных программ, прибыль от проката яхт и спортивного оборудования. Для сравнения: ежегодная прибыль от последней статьи доходов у Гродненского общества содействия физическому развитию в 1910 г. составила более 700 руб. из 1205 руб. годового дохода (взносы для члена общества ежегодно составляли 10 руб.)³⁸. Можно сделать вывод о доступности посещения яхт-клуба для гродненских любителей

³⁴НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8555. Л. 5.

³⁵Вербицкий В. А., Шуст О. Н., Дзюбан О. В. История развития водных видов спорта... Р. 53–58.

³⁶НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8555. Л. 19.

³⁷НИАБ в г. Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 114. Л. 5.

³⁸Там же. Д. 109. Л. 52.

спорта. И хотя для большинства горожан такие затраты по-прежнему оставались неподъемными, разовые визиты с прокатом оборудования были оптимальным вариантом. Отдельно в уставе организации была прописана статья доходов от продажи спиртных напитков. Время работы яхт-клуба было ограничено (с 10:00 до 02:00), но при дополнительной оплате в 2 руб. 50 коп. можно было задержаться до 05:00.

В Гродненской губернии просматривается интересная тенденция, когда традиционное дворянское или благородное собрание не удовлетворяло запросам общества и более привилегированная мужская часть города искала альтернативу. В начале XX в. в Бресте возникло общество «Досуг», в Белостоке – «Отдых», при этом в уставе последнего указано: «Кружок имеет своей задачей объединение лиц, служащих в государственных и общественных учреждениях города Белостока и уезда с целью предоставления им разумного отдыха, общедоступных и полезных развлечений, а также средств к дальнейшему умственному, нравственному и физическому развитию»³⁹. Азартные игры и алкоголь были обязательным элементом этих обществ.

В члены Гродненского яхт-клуба принимали мужчин любого сословия и национальности, несо-

вершеннолетние и учащиеся в клуб не допускались. Женская часть общества имела возможность посетить яхт-клуб по рекомендации одного из его членов либо в качестве сопровождающей кого-либо из семьи. Очевидно, размер членского взноса и явно элитарный подход к созданию изначально ограничивали сферу деятельности яхт-клуба. Наиболее активный слой населения, из которого в Западной Европе выходили настоящие спортсмены, в Российской империи не имел доступа к серьезным занятиям парусным спортом. Осознание этой ситуации происходило медленно в университетских городах. Лишь в 1910 г. был зарегистрирован (не с первой попытки) Устав Петроградского студенческого яхт-клуба. Согласно ему членами клуба могли быть исключительно студенты высших учебных заведений и их преподаватели, членский взнос составлял 6 руб. в год, а вступительный – 10 руб. Гродненское губернское по делам об обществах и союзах присутствие утвердило устав яхт-клуба 9 июля 1914 г.⁴⁰ Редакция газеты «Гродненские губернские ведомости» в № 12 от 24 февраля 1915 г. напечатала объявление о внесении Гродненского речного яхт-клуба в реестр обществ и союзов. Однако активному развитию организации помешали события Первой мировой войны.

Заключение

В белорусских губерниях в 1895–1915 гг. действовали три речных яхт-клуба (Витебск, Мозырь, Гродно), еще два города активно занимались речным спортом и пробовали открыть типовые организации (Полоцк, Гомель). Речной профиль клубов ограничивал их в масштабах деятельности, разнообразии представленных кораблей и, соответственно, в финансах. Тем не менее речные яхт-клубы на протяжении всего рассматриваемого периода являлись центрами культурной жизни и досуга в своих населенных пунктах. С начала XX в. прослеживается эволюция рассматриваемых организаций от привилегированных полузакрытых объединений с высоким имущественным цензом до традиционных общественных организаций с максимальным охватом населения. Формирование городской культуры,

интерес к активным формам досуга, внимание государства к спорту в 1910-х гг. привели к новой волне активного создания яхт-клубов. К 1913–1914 гг. яхт-клубы расширили сферу своей деятельности и начали взаимодействовать с городскими властями (обучение детей и взрослых плаванию, работа с учебными заведениями, экскурсии), кроме того, существенно снизились размеры членских взносов. При этом информационное поле способствовало росту заинтересованности обывателей в открытии таких учреждений (это хорошо просматривается в гомельской прессе). Пиком поступательного развития яхт-клубов на территории Беларуси накануне Первой мировой войны можно считать получение Мозырским яхт-клубом высочайшего статуса императорского.

Библиографические ссылки

1. Баталов АЛ, Вайнтрауб ЛР. *Спорт в Москве в конце XIX – начале XX века*. Москва: Лингва-Ф; 2012. 205 с.
2. Борисов СЮ. *300 лет. 1718–2018. История парусного спорта России*. Москва: Аякс-пресс; 2018. 272 с.
3. Суник А. *Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков*. Москва: Советский спорт; 2004. 764 с.
4. Хмельницкая ИБ. *Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва*. Москва: Новый хронограф; 2011. 336 с.
5. Полторацкий А. *Старым варяжским путем*. Санкт-Петербург: Типография Стасюлевича; 1903. 116 с.

³⁹НИАБ в г. Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 104. Л. 11.

⁴⁰Там же. Д. 114. Л. 14.

References

1. Batalov AL, Vaintraub LR. *Sport v Moskve v kontse XIX – nachale XX veka* [Sports in Moscow in the end of the 19th – beginning of the 20th century]. Moscow: Lingva-F; 2012. 205 p. Russian.
2. Borisov SYu. *300 let. 1718–2018. Istoriya parusnogo sporta Rossii* [300 years. 1718–2018. The history of the sailing in Russia]. Moscow: Ayaks-press; 2018. 272 p. Russian.
3. Sunik A. *Rossiiskii sport i olimpiiskoe dvizhenie na rubezhe XIX–XX vekov* [Russian sport and olympic movement at the turn of the 19th and 20th centuries]. Moscow: Sovetskii sport; 2004. 764 p. Russian.
4. Khmel'nitskaya IB. *Sportivnye obshchestva i dosug v stolichnom gorode nachala XX veka: Peterburg i Moskva* [Sports societies and leisure in the capital in the beginning of the 20th century: Saint Petersburg and Moscow]. Moscow: Novyi khronograf; 2011. 336 p. Russian.
5. Poltoratskii A. *Starym varyazhskim putem* [By the old Varangian way]. Saint Petersburg: Tipografiya Stasyulevicha; 1903. 116 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.12.2021.
Received by editorial board 05.12.2021.

«ДА ХРАНИТ ВАС ГОСПОДЬ И ДАСТ МНОГО СИЛ ДЛЯ НАУЧНОЙ РАБОТЫ»: А. В. ФЛОРОВСКИЙ И БЕЛОРУССКАЯ ВИЛЕНСКАЯ СЛАВИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.

М. Д. БУХАРИН¹⁾

¹⁾Институт всеобщей истории РАН, пр. Ленинский, 32а, 119334, г. Москва, Россия

Показано, что к середине 1930-х гг. во многом благодаря усилиям российских ученых-эмигрантов Прага стала крупным центром изучения славянской истории, в частности истории культурных связей Чехии с другими крупными центрами славянской культуры на Востоке. Историк А. В. Флоровский в середине – второй половине 1930-х гг. работал над рядом исследований по истории славянской культуры. В значительной степени его усилия были направлены на реконструкцию биографии белорусского просветителя Ф. Скорины. Отмечается, что в Архиве РАН хранятся материалы, которые позволяют реконструировать ход исследований А. В. Флоровского по изучению истории контактов нескольких центров славянской культуры – Вильно, Праги, Москвы. Это письма, адресованные ему белорусскими славистами А. И. Луцкевичем, В. И. Самойло, Ф. Ильяшевичем и В. Толочко. Корпус источников по истории белорусской славистики дополнен за счет атрибуции ранее неизвестного письма А. И. Луцкевича. Совокупность данных материалов позволила уточнить дату составления и идентифицировать рукопись статьи А. В. Флоровского «Начальные этапы развития книгопечатания у восточных славян». Письма белорусских славистов А. В. Флоровскому показывают механизм работы историков в условиях жесткой политической раздельности Европы, отрыва от библиотечных и архивных хранилищ, обсуждения важных научных гипотез. Завершение этих контактов было связано с резким изменением политической ситуации в Восточной Европе в 1939–1940 гг.

Ключевые слова: славистика; белорусская наука в эмиграции; Восточная Европа; Центральная Европа; Ф. Скорина; А. В. Флоровский; Прага.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Славистика в Российской империи и Австро-Венгрии во второй половине XIX – первой половине XX в. в контексте европейской историко-филологической науки» (№ 21-59-14001).

«ХАЙ ЗАХОЎВАЕ ВАС ГАСПОДЗЬ І ДАСЦЬ ШМАТ СІЛ ДЛЯ НАВУКОВАЙ ПРАЦЫ»: А. В. ФЛАРОЎСКІ І БЕЛАРУСКАЯ ВІЛЕНСКАЯ СЛАВІСТЫКА ДРУГОЙ ПАЛОВЫ 1930-х гг.

М. Д. БУХАРЫН^{1*}

^{1*}Інстытут усеагульнай гісторыі РАН, пр. Ленінскі, 32а, 119334, г. Масква, Расія

Паказваецца, што к сярэдзіне 1930-х гг. дзякуючы намаганням расійскіх вучоных-эмігрантаў Прага стала буйным цэнтрам вывучэння славянскай гісторыі, у прыватнасці гісторыі культурных сувязей Чэхіі з іншымі буйнымі цэнтрамі славянскай культуры на Усходзе. Адзначаецца, што гісторык А. В. Флароўскі ў сярэдзіне – другой палове 1930-х гг. працаваў над шэрагам даследаванняў па гісторыі славянскай культуры. У значнай ступені яго намаганні

Образец цитирования:

Бухарин М. Д. «Да хранит Вас Господь и даст много сил для научной работы»: А. В. Флоровский и белорусская виленская славистика второй половины 1930-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;1:28–42.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-1-28-42>

For citation:

Bukharin MD. «May God guard you and give you much strength for scientific work»: A. V. Florovsky and Belarusian Slavic studies in Vilno of the second half of the 1930s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;1:28–42. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-1-28-42>

Автор:

Михаил Дмитриевич Бухарин – доктор исторических наук, академик РАН; главный научный сотрудник.

Author:

Mikhail D. Bukharin, doctor of science (history), academician of the Russian Academy of Sciences; chief researcher. michabucha@gmail.com

былі накіраваны на рэканструкцыю біяграфіі беларускага асветніка Ф. Скарыны. У Архіве РАН захоўваюцца матэрыялы, якія дазваляюць рэканструяваць ход даследаванняў А. В. Флароўскага па вывучэнні гісторыі культурных кантактаў некалькіх цэнтраў славянскай культуры – Вільні, Прагі, Масквы. Гэта лісты, адрасаваныя яму беларускімі славістамі А. І. Луцкевічам, У. І. Самойлам, Ф. Ільшэвічам і В. Талочкам. Корпус гэтых крыніц па гісторыі беларускай славістыкі дапоўнены за кошт атрыбуцыі раней невядомага ліста А. І. Луцкевіча. Сукупнасць дадзеных матэрыялаў дазволіла ўдакладніць дату складання і ідэнтыфікаваць рукапіс артыкула А. В. Флароўскага «Пачатковыя этапы развіцця кнігадрукавання ва ўсходніх славян». Лісты беларускіх славістаў А. В. Флароўскаму паказваюць механізм працы гісторыкаў ва ўмовах жорсткага палітычнага падзелу Еўропы, адрыву ад бібліятэчных і архіўных сховішчаў, абмеркавання важных навуковых гіпотэз. Завяршэнне гэтых кантактаў было звязана з рэзкай зменаў палітычнай сітуацыі ва Усходняй Еўропе ў 1939–1940 гг.

Ключавыя словы: славістыка; беларуская навука ў эміграцыі; Усходняя Еўропа; Цэнтральная Еўропа; Ф. Скарына; А. В. Флароўскі; Прага.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны пры падтрымцы Расійскага фонда фундаментальных даследаванняў у рамках праекта «Славістыка ў Расійскай імперыі і Аўстра-Венгрыі ў другой палове XIX – першай палове XX ст. у кантэксце еўрапейскай гісторыка-філалагічнай навукі» (№ 21-59-14001).

«MAY GOD GUARD YOU AND GIVE YOU MUCH STRENGTH FOR SCIENTIFIC WORK»: A. V. FLOROVSKY AND BELARUSIAN SLAVIC STUDIES IN VILNO OF THE SECOND HALF OF THE 1930s

M. D. BUKHARIN^a

^a*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Avenue, Moscow 119334, Russia*

By the middle of 1930s, largely due to the efforts of Russian emigrant scholars, Prague became a major center of the studies in Slavic history, in particular in the history of Czech cultural ties with other major centers of Slavic culture in the East. Russian historian A. V. Florovsky in the mid – second half of the 1930s worked on a number of studies on the history of Slavic culture. To a large extent, his research efforts were aimed at reconstructing the biography of the Belarusian enlightener F. Skoryna. There are some important materials in the Archive of the Russian Academy of Sciences that allow reconstructing the course of A. V. Florovsky's research on the history of cultural contacts of several centers of Slavic culture – Vilna, Prague, Moscow – letters to him from Belarusian Slavists A. I. Lutskevich, V. I. Samoilo, F. Ilyashevich and V. Tolochko. The corpus of these sources on the history of Belarusian Slavic studies was supplemented by attribution of a previously unknown letter by A. I. Lutskevich. The complex of these materials made it possible to clarify the date of compilation and identify the manuscript of one of the articles by A. V. Florovsky «Initial stages of the development of printing among the Eastern Slavs». Letters from Belarusian Slavists to A. V. Florovsky show the mechanism of work of historians in conditions of strict political separation of Europe, separation from libraries and archival collections, discussion of important scientific hypothesis. The end of these contacts was put by a sharp change in the political situation in Eastern Europe in 1939–1940.

Keywords: Slavic studies; Belarusian science in emigration; Eastern Europe; Central Europe; F. Skoryna; A. V. Florovsky; Prague.

Acknowledgements. The article was prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research as part of the project «Slavistics in the Russian Empire and Austria-Hungary in the second half of the 19th – first half of the 20th century in the context of European historical and philological science» (No. 21-59-14001).

К середине 1930-х гг. практически завершился процесс адаптации русской эмигрантской науки к новой реальности. Первые годы послереволюционного лихолетья принесли ученым-эмигрантам потерю научных связей с родиной, бытовую неустроенность, моральные страдания, отсутствие перспектив, как жизненных, так и профессиональных. Постепенно волна эмиграции разбросала ведущих русских ученых по главным научным центрам Европы и Северной Америки. Некоторые заняли вполне стабильное положение, иные, например М. И. Ростовцев, лидирующее.

С 1 января 1923 г. начинается эмигрантский период в жизни и научном творчестве видного историка Антония Васильевича Флоровского (1884–1968). Ему суждено было сыграть редкую роль в русской научной эмиграции. Он не просто обогатил европейскую научную и образовательную среду, принявшую его (пусть с трудом и, как и всякого новопривывшего, без видимого желания), но и расширил (хоть и вынужденно) спектр собственных научных исследований, включив в него историю Чехии и Австрии в контексте российской истории. А. В. Флоровский использовал предоставленный ему шанс по

воссоединению русской эмигрантской науки и науки своей исторической родины. Работая в Праге, он вел активную переписку с коллегами, пытаясь с их помощью решать организационные вопросы, которые неизбежно вставали перед ним в отрыве от российских библиотек и архивов. Среди корреспондентов А. В. Флоровского были и давно известные ему, и те, знакомство с которыми он заводил по мере надобности.

Важнейшим сюжетом в научной деятельности А. В. Флоровского в 1920–40-х гг. была история Чехии, а также ее культурные контакты с другими славянскими странами. Это обстоятельство вполне естественно: оказавшись волею судеб в Праге, А. В. Флоровский имел открытый доступ к источникам по истории Чехии и сопредельных стран. Кроме того, национальная история и культура были в центре научной и образовательной жизни Чехии, активным участником которой он являлся.

С 1933 г. ученый преподавал русскую историю на философском факультете Карлова университета, в 1939 г., после закрытия учреждения, перевелся в Славянский институт в Праге, занимавшийся научно-исследовательской деятельностью. А. В. Флоровский был членом ряда научных обществ. Пиком его эмигрантской научной карьеры следует признать середину – вторую половину 1930-х гг. Деятельность ученого обрела организационную стабильность, а научное творчество увенчалось подготовкой ряда значительных трудов.

В Архиве РАН (АРАН) в фонде А. В. Флоровского (1609) хранятся письма, адресованные ему белорусскими учеными, литераторами и общественными деятелями, которые во второй половине 1930-х гг. проживали и работали в польском Вильно. Это письма от историка, литератора и литературоведа, общественного деятеля А. И. Луцкевича, сотрудника библиотеки Белорусского научного товарищества В. И. Самойло [1, с. 28–43], историка, литератора и общественного деятеля Ф. Ильяшевича, священника и историка В. Толочко. Их деятельность так или иначе была связана с белорусской историей и литературой. По этой причине в данной публикации все они обозначаются как слависты.

Переписка А. В. Флоровского с белорусскими корреспондентами вполне компактна. Ее центральным сюжетом выступает исследование биографии Ф. Скорины [2], в частности попытка выявить новые источники, содержащие сведения о его жизни и деятельности (прежде всего в Виленском капитульном архиве), уточнение библиографических сведений, обмен информацией о новых и старых изданиях. Первое письмо, отправленное А. В. Флоровскому А. И. Луцкевичем, датируется 12 апреля 1935 г., последнее письмо (от Ф. Ильяшевича) отправлено 4 сентября 1938 г.

Возможно, интерес к научной деятельности А. В. Флоровского появился у А. И. Луцкевича после того, как он ознакомился с выступлением ученого на II Международном конгрессе славянских филологов в Варшаве в 1934 г. [3, с. 11–19; 4, с. 17–18].

В письмах приводятся выписки из работ, которые были нужны А. В. Флоровскому ввиду их отсутствия в Праге, перечисляются фамилии коллег, занимающихся исследованием аналогичных проблем, ответственных лиц, руководителей архивов и библиотек, обсуждаются гипотезы, связанные с биографией Ф. Скорины. Среди последних следует выделить гипотезу Щекотихина о дате рождения первопечатника (предположительно 6 марта 1486 г.) [5, с. 23–86]. Эта дата была актуальна для виленских белорусов и давала повод отпраздновать 450-летие Ф. Скорины и тем самым получить возможность укрепить собственную национальную идентификацию в польском государстве¹. В этом контексте характерно сообщение А. И. Луцкевича о том, что фигура Ф. Скорины не вызвала почти никакого интереса на съезде польских историков. Очевидно, что некоторые корреспонденты, например В. Толочко, брали инициативу в свои руки и первыми писали А. В. Флоровскому, желая рассказать что-либо важное в области изучения жизни и деятельности Ф. Скорины. Другие корреспонденты, как В. И. Самойло, сами обращались к А. В. Флоровскому с необременительными просьбами. Очевидно, что А. И. Луцкевич, В. И. Самойло и Ф. Ильяшевич были хорошо знакомы, степень вовлеченности В. Толочко в эту среду остается предположительной.

Исходя из содержания писем, очевидно, что переписка с белорусскими славистами велась в рамках подготовки очерка «Чешская Библия в истории русской культуры и письменности (Фр. Скорина и продолжатели его дела)», а также 2-го тома работы «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.)». Результаты данных исследований представлены также в статьях А. В. Флоровского [6, с. 66–90; 7, с. 1–11]. У статьи [6] имеется черновик на русском языке, с которого и был сделан перевод². В исследовательской литературе, однако, данный архивный документ преподносится как неизвестная и ранее не издававшаяся работа ученого с неопределенной датой составления: «Очерк “Начальные этапы развития книгопечатания у восточных славян” касается деятельности чешского книгопечатника Франциска Скорины и его влияния на развитие книгопечатания в Москве. Дату написания работы удастся установить лишь приблизительно – конец 1930-х – первая половина 1940-х годов. Очерк носит научно-популярный характер, о чем, кроме стиля изложения, свидетельствует отсутствие ссылок на исторические источники. Он написан чернилами на оборотах конспектов других работ

¹В момент ведения переписки А. В. Флоровского с виленскими славистами г. Вильно входил в состав Польши.

²АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 66.

и составляет 47 листов» [8, с. 165]. Данный архивный документ более определенно может быть датирован 1939 г., когда переписка А. В. Флоровского с белорусскими славистами прекратилась. В 1940 г. статья уже появилась в печати. Сегодня положения этой работы явно устарели, тем не менее совокупно с письмами она представляет интерес для изучения белорусской и славянской культуры, а также процессов научного взаимодействия между коллегами. Статья А. В. Флоровского в журнале «Slavische Rundschau» за давностью лет стала библиографической редкостью, а само издание недоступно в интернете. По этим причинам данная работа заслуживает введения в научный оборот, но уже на языке оригинала.

«Книгопечатание пустило прочные корни в почву восточнославянскую со значительным опозданием сравнительно с романо-германским светом и с наиболее близким ему западнославянским народом чешским. Для укрепления печатной книги в восточнославянской среде понадобилось несколько десятилетий, причем окончательно стала она на прочную почву, на твердые ноги только во второй половине XVI столетия, т. е. более через сто лет после начала книгопечатания вообще, едва не сто лет после начала книгопечатания в Чехии. Такое сравнительно позднее развитие печатного дела в среде восточных славян связано, конечно, с тем обстоятельством, что восточные славяне в общем стояли более или менее далеко от главного течения европейской книжной культуры. Это могло иметь в особенности значение для Москвы, которая дольше других оставалась в целом и по существу в стороне от основных явлений европейской культуры...» – так начинается статья А. В. Флоровского «Начальные этапы развития книгопечатания у восточных славян»³. Далее автор переходит к структурному анализу мира восточнославянской политики и культуры, обращая преимущественно к личности Ф. Скорины.

В статье имеются явные точки сюжетного пересечения с письмами от виленских славистов. Так, А. И. Луцкевич в письме не позднее 21 февраля 1936 г. напоминал А. В. Флоровскому: «Остановившаяся на вопросе о том, почему Скорина начал свою издательскую деятельность в Праге (более близкий Краков пришлось, понятно, исключить вви-

ду преследований, коим подвергся Фиоль⁴), я сделал предположение, что эта деятельность могла быть побочной, а основной причиной поселения в Праге должно было быть получение там работы профессиональной – врача при королевском дворе, о чем Вы мне в свое время говорили...» (см. приложение, письмо № 3). Этот сюжет рассматривает в своей статье и А. В. Флоровский: «Для своего дела Скорина, уроженец Полоцка, воспитанник Кракова и Падуи⁵... мог выбирать между разными центрами книгопечатания, в частности, мог остановить свой выбор и на Венеции. <...> Однако выбор Скорины пал на Прагу Чешскую, и именно в последней нашел он все технические средства для своего замысла. Конечно, может быть, Скорина и был чем-либо иным связан с Прагой: старый домысел Добровского⁶ о служебных связях Скорины с двором короля чешского Владислава Ягеллона и его преемника Людовика нам кажется не лишенным основания. Можно было бы, казалось бы, в самой этой связи Скорины с королевским двором искать объяснения его пражского дела, однако нигде нет никаких следов этого рода, а единственное конкретное указание на сотрудника Скорины по делу в Праге ведет нас в Вильно...»⁷. В последней фразе в значительной мере кроется разгадка интереса А. В. Флоровского к виленским архивам.

Сохранились 14 писем белорусских виленских славистов, адресованных А. В. Флоровскому. Два письма В. Толочко сохранились не полностью. От письма, датированного 14 июля 1938 г.⁸, остались лишь две последние страницы, на которых приведены выписки из сочинений об А. Ладыженском на польском языке: «Кое-что удалось мне найти об Алексее Ладыженском S. J. лишь в классическом труде. Ксендз Stanislaw Załęski. Jezuci w Polne⁹». Завершается письмо следующим образом: «Вот и все, к сожалению. Автор сих строк шлет привет глубокоуважаемому господину профессору и присовокупляет, что "Przegląd Wileński" [вышел] с рецензией Вашего оттиска. О. Владимир Толочко. Вильно. 14.VII.38».

От другого, недатированного, письма сохранился только постскриптум: «Монастырское помещение при костеле Св. Рафаила Архангела существует до сих пор и занято под военные казармы. После иезуитов здесь работали пиары. Затем костел долгие годы стоял взаперти, пока не сделался приходским.

³ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 66. Л. 2–3.

⁴ Речь идет о Ф. Швайпольте – немецком просветителе, основателе кириллического книгопечатания [9, с. 53–71; 10, с. 73–78].

⁵ Далее зачеркнуто: «...т. е. человек, видимо, не связанный в выборе места для осуществления своего плана именно с Прагой».

⁶ Имеется в виду Й. Добровский – чешский историк, филолог, фактически основоположник славистики как научной дисциплины [11, с. 183–187]. Анализ предположений Й. Добровского, безусловно известный А. В. Флоровскому, представлен в работе [12, с. V–VI]. При этом издание, в котором помещено сочинение Й. Добровского, названо в книге П. В. Владимирова «Neuere Abhandlungen», хотя в оригинале обозначение «Neuere» отсутствует.

⁷ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 66. Л. 20–22.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 439. Л. 5–5 об.

⁹ Подробнее см. [13].

Никаких архивных материалов здесь не сохранилось. Таковые могут быть в Кракове (vo. Juzici. Kraków. Kopernika 26) или в Голландии в Valkenburg'e (для справок: O. Dr. N. Bednarski T. J. – Warszawa 12 Rakowiecka 61). О. В. Толочко»¹⁰.

Ответные письма неизвестны. Принимая во внимание сложную судьбу виленских корреспондентов А. В. Флоровского, обнаружение этих писем стало бы счастливым случаем.

Одно письмо А. И. Луцкевича (см. приложение, письмо № 7) было выявлено в архивном деле, в которое попали письма А. В. Флоровскому с неразборчивыми подписями, причем первая и последняя страницы данного документа при каталогизации были разделены, так как в описи сначала идет л. 24 об. с завершающей частью письма, а л. 24 – за ним¹¹. Таким образом, просмотр и почерковедческий анализ документов с «безнадежной» атрибуцией из фонда А. В. Флоровского в АРАН позволил обогатить источниковую базу по истории европейской и белорусской славистики.

Трудно судить о полноте сохранности переписки А. В. Флоровского с белорусскими виленскими славистами. С одной стороны, архив ученого неоднократно подвергался цензурной чистке: «Известно о трех основных волнах потери информации архива А. В. Флоровского. В Праге он был подвергнут цензуре дважды: во-первых, самим ученым, во-вторых, участниками его первичного разбора (И. П. Савицким, И. О. Панасом, В. Т. Пашуто и Е. П. Подьяпольской). Вероятно, именно в результате этого содержание архива приобрело политическую нейтральность. Третьим этапом фильтрации стал разбор материалов в Архиве АН СССР, в результате которого фонд утратил ценную часть материалов – несколько десятков книг и несколько сотен оттисков статей А. В. Флоровского и других ученых русского зарубежья» [14, с. 194]. С другой стороны, явных следов цензурных вторжений в переписку А. В. Флоровского с А. И. Луцкевичем, В. И. Самойло, Ф. Ильяшевичем и В. Толочко не прослеживается, а отсутствие нескольких листов в двух письмах В. Толочко можно объяснить случайностью.

Данными материалами история отношений А. В. Флоровского с белорусскими славистами не исчерпывается. Так, в фонде ученого сохранились три письма директору Института языкознания имени Якуба Коласа АН БССР М. И. Суднику за 1966–1967 гг., два ответных письма¹², а также переписка

с председателем Белорусского института науки и искусства в Нью-Йорке В. Тумашем за 1966 г., также интересовавшимся биографией Ф. Скорины¹³.

Переписка А. В. Флоровского с белорусскими литовскими корреспондентами интересна не только потому, что представляет внутреннюю кухню славистики, отражает ход тех или иных исследований, взаимодействие и коллегиальную помощь славистов разных стран, на которые раскололись Российская и Австро-Венгерская империи. Эти документы в определенной мере демонстрируют положение восточноевропейской науки в целом. А. В. Флоровский и его корреспонденты работали в условиях жесткой разделенности. «К сожалению, Минск от нас отрезан так радикально, что не имею уверенности в том, что этот голос будет там услышан и принят во внимание...» – пишет А. В. Флоровскому А. И. Луцкевич 27 февраля 1936 г. (см. приложение, письмо № 4). Как виленские белорусские слависты, так и сам А. В. Флоровский не имели возможности поддерживать контакты с советской научной средой. Если А. В. Флоровский с 1947 г.¹⁴ постепенно восстанавливал прежние отношения с исторической родиной, увенчавшиеся научной репатриацией, то для белорусских славистов развитие политической ситуации имело трагические последствия, лишившие их в целом не только возможности заниматься научной работой, но и жизни.

В. И. Самойло был арестован и расстрелян. А. И. Луцкевич, несмотря на то что приветствовал ввод Красной армии в Вильно и воссоединение Белоруссии, был арестован в том же 1939 г., умер три года спустя в пересыльной тюрьме. Ф. Ильяшевич, участвовавший в деятельности коллаборационистских организаций, был вынужден бежать от преследований советского правосудия и скрываться в лагере для переселенцев на территории, находившейся под контролем союзников, где и погиб в авткатастрофе.

Сложнее ситуация с анализом авторства писем В. Толочко. Письмо от 15 июля 1936 г. (см. приложение, письмо № 6) подписано полным именем «Владимир Толочко», в отличие от остальных, подписанных «В. Толочко» или «Влад. Толочко», что могло бы натолкнуть на мысль о том, что их автором является Владислав Толочко, известный церковный и общественный деятель. С одной стороны, полная подпись заставляет предполагать, что по тем или иным причинам он подписывался другим именем.

¹⁰ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 439. Л. 6.

¹¹ Там же. Д. 504. Л. 24–24 об.

¹² Там же. Д. 90, 427.

¹³ Там же. Д. 96, 445.

¹⁴ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 413. Л. 10. (Так, в письме от 7 февраля 1947 г. А. В. Соловьёв пишет А. В. Флоровскому из Белграда: «С Б. Д. Грековым я виделся три раза. Он очень мил и радушен, очень интересовался тем, кто из славистов за границей. Я ему назвал Вас, О. О. Маркова и В. А. Мошина. Он очень хочет привлечь всех к работе в Институте славяноведения, но у этого института еще нет никакого помещения...». Приблизительно с этого времени А. В. Флоровский начинает процесс налаживания связей с СССР.)

С другой стороны, подпись тем именем, которое ближе к пониманию корреспондента – явление не исключительное [15, с. 146–148].

Так или иначе политическая ситуация оказывала решающее влияние на развитие науки в Центральной и Восточной Европе. Провозглашение протектората Богемии и Моравии 15 марта 1939 г., передача Вильно Литве 10 октября 1939 г. и ввод Советской армии в Литву в ноябре – декабре 1939 г. радикально перекроили политическую карту Европы. Одним

из частных следствий этого явилось фактическое прекращение научных контактов между чешскими и белорусскими славистами. Наступала наиболее мрачная эпоха в европейской истории, когда научная жизнь практически замерла, а все трансграничные контакты свелись к минимуму.

В приложении представлены письма, адресованные А. В. Флоровскому белорусскими славистами. Тексты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

Приложение

Письмо № 1

А. И. Луцкевич – А. В. Флоровскому

Вильно, 12. IV. 1935.
Беларускі Музей
Імені Івана Луцкевіча
Беларускага Навуковага Т-ва
Вільня, Вострабрамская вул. 9.
№ 266.

Многоуважаемый профессор!

Охотно выполняю Ваши поручения и, в первую очередь, посылаю выписку актов о Скорине из «Собрания» Круповича¹⁵. В ближайшие дни постараюсь пересмотреть весь этот том – в поисках интересующих Вас сведений. Если что-либо найду, выпишу для Вас или пошлю книгу.

Относительно архива виленского епископата я выяснил нижеследующее.

Капитульный архив сохранился. В поисках «Scoriniana» в нем работали d-r Jan Frjatek, prof. Semkovicz и m-lle Dluska, magistrantka Uniwersytetu Stefana Batorego. Доступ в архив очень затруднен: духовенство ревниво оберегает его и допускает лишь тех, кого считает во всех отношениях «благонамеренным». Во всяком случае, сделаю попытку добраться туда – лично или направив «благонамеренного» человека. Постараюсь также разузнать про m-lle Длускую и – если она в Вильне – побеседовать с ней по интересующему Вас вопросу. Едва ли, однако, удастся это сделать до праздников.

Кстати: в «Ateneum Wilenskie» III-1925 str. 167-9 в статье проф. Ловмянского (H. Lowmianski), а также в «Kwart. Histor.» XL-1926 – str. 474 есть кое-что относящееся к биографии Скорины. Имеете ли Вы это? Если нет, можно будет сделать выписки.

Очень охотно сделаю (или лучше: сделаем, так как и мои сотрудники готовы помочь Вам) все, что сделать возможно, чтобы содействовать Вашей ценной работе.

Шлю искренний привет и уверение в глубоком уважении.

Ант. Ив. Луцкевич.
Wilno, ul. Piwna 2, 8.

АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 286. Л. 1. Автограф. Чернила.

Письмо № 2

А. И. Луцкевич – А. В. Флоровскому

Вильно, 21. V. 35.

Многоуважаемый профессор!

Простите великодушно, что в течение столь долгого времени я ничего по делам Скорины не делал. Причина та, что во время праздников болел мой сынишка, а потом – на смену – и сам я расхворался. Только несколько дней, как я опять «пришел в движение», и первым делом подумал о возложенных Вами на меня в заданиях.

Сегодня был я у ксендза прелата Савицкого, в ведении которого находится капитульный архив. Несмотря на весьма любезный – внешне – прием, вопрос о моем проникновении в архив был довольно решительно отклонен, взамен чего мне обещано «посмотреть», нет ли чего-либо, относящегося к Скорине и предложено прийти за ответом через неделю. Так как сомневаюсь, чтобы это «смотрение» дало позитивные результаты, то буду все же добиваться непосредственной возможности сделать розыски. Беседо-

¹⁵Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений (от 1387 до 1710 года), изданное Виленской археологической комиссией / под ред. учен. секретаря Маврикия Круповича. Вильно : Тип. Осипа Завадского, 1858. Ч. 1. 558 с.

вал сегодня с одним из местных профессоров университета, Заёнчковским¹⁶, который высказал весьма большое сомнение относительно сколько-нибудь благоприятных результатов моей акции. Архив, по его словам, в таком хаосе, что трудно в нем что-либо найти. – Ну, все же попытаемся.

Со своей стороны хочу обратиться к Вам с просьбой, касающиеся того же Скорины.

По мнению профессора Щекотихина¹⁷, Скорина родился в 1486 г. Щекотихин базируется на том, что Скорина пользовался, как бы своим гербом, знаком, изображающим солнце, прикрытое луной. Щекотихин полагает, что рождение Скорины связано с затмением солнца, и указывает, что рождение его могло совпасть с виденным в Полоцке затмением, бывшем 6 марта 1486 г. Эту дату он считает наиболее вероятной, как дату рождения Скорины, тем более что, приняв ее, совершенно иначе и гораздо правдоподобнее будет исчисление возраста Скорины к моменту поступления в Краковский университет (18 лет) и получения докторского диплома в Падуе (26).

Так вот: белорусские организации подняли вопрос о том, праздновать ли 6 марта 1936 г. 450-летие со дня рождения Скорины? Чтобы решить этот вопрос, мы собираем мнения компетентных исследователей, и посему я прошу Вас сообщить мне о нем Ваше мнение, основанное, быть может, на не известных нам данных. За ответ буду весьма благодарен.

С искренним уважением

Антон Луцкевич.

Кстати: если Янчук¹⁸ Вам нужен, могу Вам его книжку¹⁹ прислать. Довнар-Запольского²⁰ в Вильне нет. Не откажите написать Ваше отчество! А. Л.

АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 286. Л. 2–2 об. Автограф. Чернила.

Письмо № 3

А. И. Луцкевич – А. В. Флоровскому²¹

Многоуважаемый профессор!

Давно уже я не корреспондировал с Вами и не помню, сообщил ли о *полной неудаче моей попытки проникнуть в капитульный архив для розыска следов Скорины*. Сейчас обращаюсь к Вам с просьбой, касающейся того же Скорины. Остановившись на вопросе о том, почему Скорина начал свою издательскую деятельность в Праге (– более близкий Краков пришлось, понятно, исключить в виду преследований, коим подвергся Фиоль), я сделал предположение, что эта деятельность могла быть побочной, а основной причиной поселения в Праге должно было быть получение там работы профессиональной – врача при королевском дворе, о чем Вы мне в свое время говорили. Я имею лишь сомнение относительно времени получения этого места: помнится, что Вы его не указывали. Вот я и прошу Вас не отказать мне сообщить, касаются ли Ваши открытия времени до издания Библии Скориной или – после. Мне это нужно для доклада, который собираюсь прочитать в нашем научном обществе – в связи с предположением о рождении Скорины 6. III. 1486 г. Хотелось бы дать обзор тех исследований о жизни Скорины, которые уже опубликованы в разное время, дополнив указанием на Ваши открытия. Хотелось бы узнать, как подвигается Ваша работа. Может быть, она уже печатается или – еще лучше – напечатана? С Прагой последнее время я переписывался мало и потому не в курсе ее научной жизни.

Буду весьма благодарен за Ваш любезный ответ.

С искренним уважением

Антон Луцкевич,

Вильно, ul. Piwna 2, m. 8.

Ответ 21. II. 936.

[неразб.] об акте 1552 г.

Обещал отгиски

Что нового о Скорине в биографической литературе?²²

АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 286. Л. 3–3 об. Автограф. Чернила.

¹⁶С. Ф. Зайончковский – польский историк-медиевист, на момент написания письма – чрезвычайный профессор Виленского университета.

¹⁷Щкакаціхін М. Калі радзіўся Францішак Скарына // Польша. 1925. № 5. С. 148–151.

¹⁸Н. А. Янчук – историк, этнограф, писатель.

¹⁹Возможно, А. В. Флоровский запросил книгу А. К. Киркора «Краткий очерк жизни и деятельности» (1888).

²⁰М. В. Довнар-Запольский – советский белорусский историк, этнограф, экономист, основоположник национальной белорусской историографии, профессор Московского университета. Преподавал также в Киеве, Харькове, Баку, Минске. Является автором многочисленных исследований по истории белорусской государственности, в том числе монографических. Определить, о какой книге идет речь, можно только на основании письма А. В. Флоровского, в котором сделан подобный запрос.

²¹Письмо датировано не позднее 21 февраля 1936 г.

²²Приписано рукой А. В. Флоровского.

Письмо № 4

А. И. Луцкевич – А. В. Флоровскому

Многоуважаемый Антон Васильевич!

Сердечно благодарю за Ваше любезное сообщение о сделанном Вами чрезвычайно важном открытии²³, о котором – с Вашего разрешения – сообщу членам нашего научного общества на заседании, посвященном Скорине в связи с дискуссией о предполагаемом дне его рождения (гипотеза Щекотихина). Сообщение это сделает у нас несомненную сенсацию и побудит работающую на научной почве молодежь к дальнейшему труду и изысканиям о Скорине, так как Ваше открытие показывает, что не все следы его в прошлом погибли. За присылку оттиска Вашей статьи о Скорине и его пребывании в Праге²⁴ буду чрезвычайно Вам обязан.

В ответ на Ваши вопросы сообщаю, что на съезде польских историков Скориной никто не занимался... К сожалению, структура съезда наперед исключила эту тему: темы задавались организационным комитетом по разработанной им программе, и все, что в эту программу не выходило, отпало. Из шести наших докладов приняты были, таким образом, только два! – В печати кое-что нового есть – и как раз на почве вопроса о вероисповедании Скорины. Вопреки утверждению Владимирова²⁵, что в Полоцке в конце XV начале XVI столетий не было ни одного католического костела, ks. dr. K. Kantak в труде своем «Bernardyni Polscy»² (Lwów, 1933) утверждает, что бернардинский орден осел в Полоцке уже 1498 г. О существовании в 1502 г. католического костела в Полоцке говорит документ собрание в старых актов еще Даниловича («Skarbiec dyplomatów», Wilno, 1862, – т. 2, № 5119²⁶). Согласно данным того же Даниловича (№ 2104), был там даже один бурмистр-католик. На основании названного труда Кантака, в III книжке журнала белорусского «Калосьи» (Вильно, 1935 г.) кс. Вл. Толочка делает предположение о том, что Скорины могли быть обращены бернардинами в католичество, и направляет белорусских исследователей к полоцким архивам. К сожалению, Минск от нас отрезан так радикально, что не имею уверенности в том, что этот голос будет там услышан и принят во внимание.

Я все же должен отметить, что едва ли правильным является связывание тезиса о исповедании Скорины с двойственностью его имени. Уже Владимиров обращал внимание на такую двойственность имен у заведомых православных белорусов²⁷ (Константин Острожский, как сказано в предисловии к Острожской Библии, был «во Святом крещении» Василий, князь Богуш Корецкий – по одному акту – «во крещении Евфимий» и т. д.). В «Слуцком памятнике» 1517 г., который имеется в нашем музее, в числе поминаемых имен запись «князя Андрея Можайского, нареченного в Святом крещении Максима». Что сей сон значит? К сожалению, замечание Владимирова, скромно помещенное в выноске, не заинтересовало исследователей, хотя проблема двойственности имен – во Святом крещении и обиходного – чрезвычайно интересна сама по себе, а в отношении Скорины – интересна вдвойне. Любопытно, что среди евреев в нашем крае сплошь и рядом мальчиков и девушек с малолетства называют не тем именем, которое записано в метрических книгах. Не имеет ли это общих корней двойственностью имен у белорусов? Мне смутно вспоминается, что где-то в этнографических записях я встречал указание на то, что таким образом родители болезненных детей старались обмануть не то болезнь, не то смерть – во всяком случае, это тема для исследования. Впрочем, может быть, кто-либо над этим работал, только я об этом не знаю? Если бы Вы наткнулись на какие-либо исследования в этой области, не откажите сообщить мне.

Если у нас что-либо новое о Скорине откроется, немедленно уведомлю Вас. Я, во всяком случае, не отказался от мысли найти лазейку в капитульный архив, – если не прямо (что мне не удалось) то окольным путем. Правда, что состояние архива таково, что профессор Заёнчковский назвал это прямо скандалом! Но, быть может, именно этот хаос послужит ключом для какого-либо благонадежного с клерикальной точки зрения исследователя к залежам капитальных актов.

Еще раз большое спасибо за ценную информацию.

Искренне уважающий Вас

Антон Луцкевич.

Вильно, 27. II. 36.

АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 286. Л. 4–5. Автограф. Чернила.

²³Речь, вероятно, идет о дате кончины Ф. Скорины, по предположению А. В. Флоровского, случившейся в 1541 г. Анализ данной гипотезы представлен в следующей работе: Лемешкин И. Франциск Скорина и Прага 1541 г. Старший сын Скорины и дата смерти книгопечатника // Нёман. 2017. № 8. С. 128–150.

²⁴Florovskij A. V. Nové zprávy o pobytu Františka Skoryny v Praze // Casopis Národního Múzea. 1936. № 110(1). S. 11–19.

²⁵Для сравнения: «Заметим, что в Полоцке в конце XV и даже в начале XVI века не было ни одного католического костела; население города состояло из русских православных. Следует думать, что и Скорина по происхождению был православный» (Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1888. С. 45, примеч. 4).

²⁶Daniłowicz I. Skarbiec dyplomatów papieżkich, cesarskich, krolewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. Wilno : W Drukarni A. H. Kirkora, 1862. T. 2. 369 s.

²⁷Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина... 358 с.

Письмо № 5

В. И. Самойло – А. В. Флоровскому

Praha
Dejvice Tš Krála XIX
Alexandra, 17
Wp. Profesor Antoni Florovski

Многоуважаемый Антон Васильевич,

Разрешите обратиться к Вам с небольшой просьбой.

Библиотеке²⁸ нашей встретилась надобность в издававшемся в свое время под редакцией Лосского журнале «Мысль». Я написал Николаю Онуфриевичу, прося ответить, есть ли у него или вообще в Праге комплект этого журнала. Но ответа не получаю – писал на университет. Вспомнив, что с Вами переписка у нас идет успешнее, решил обратиться к Вам. Не откажите в любезности справиться, быть может, – проще всего при встрече у самого Николая Онуфриевича. Кстати, передайте ему мой поклон, если помнит меня, конечно, не как студента (35-летнего), сдававшего у него философию, но как «кадета» – встречались и беседовали на съездах 1917 г.

Если комплект журнала имеется, тогда подумаем, как сделать нужную нам справку. Думаю, что возможна была бы присылка – за наш, конечно, счет – к нам в Вильно; а, может, я подошлю кого-либо из нашей молодежи к Вам для просмотра. Словом, пока нужно только знать, есть ли комплект. Очень был бы обязан Вам за скорый ответ. Кстати, сообщите адрес Лосского. Ваши розыски о Скорине очень интересуют наших белорусов. Ждем с нетерпением выхода Вашей работы. Примите искренние пожелания всяких благ.

Уважающий Вас
Владимир Самойло.
Вильно, Zarzeczna, 20/13.
27/III-36.

АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 398. Л. 1–1 об.
Машинопись с рукописной правкой на почтовой карточке. Подпись от руки.

Письмо № 6

В. Толочко – А. В. Флоровскому

15. VII. 36.

Высокоуважаемый Господин Профессор!

Благодаря любезности господина Антона Луцкевича имел я возможность внимательно прочитать интересную Вашу статью «Nové zprávy o robytu Františka Skoryny v Praze»²⁹. Ваш исключительный интерес к личности Фр. Скорины осмеливает меня обратиться Ваше внимание на то, что Praelat Sigismund Halka Ledóchowski (Praha – Podbaba – Dolní Šarka 80) издал в Праге 1934–1935 «Das Buch von meiner Lebensfahrt»³⁰, в которой на стр. 267 утверждается, что род Скорина *одного с ними* происхождения и пользовались *тем же* гербом. Что гнездо его в Скандинавии и состоял в близком чуть ли не родстве с Владимиром Святым... (см. глава «Halka»). Извините мою навязчивость и возможные погрешности русского языка.

С высоким почтением
О. Владимир Толочко.
(O. Wolodymir Toloczko)
Мой адрес: Polsko, Wilno, Sw. Michalski, 4–13.

21. VII. 36
Ответ,
Благодарю,
Запрос о русском
Жукович
Dom [неразб.]³¹.

АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 439. Л. 2–2 об. Автограф.

²⁸По нижнему полю карандашом отмечено: «Беларускага Навуковага т-ва у Вільні».

²⁹Florovskij A. V. Nové zprávy... S. 11–19.

³⁰Praelat Sigismund Halka Ledóchowski. Das Buch von meiner Lebensfahrt. Gewidmet dem Andenken seiner Eltern und Vorfahren. Den Nachfahren und späteren Geschlechtern zur dauernden Erinnerung. Prag : An der Jahreswende, 1934–1935. 412 S.

³¹Приписано рукой А. В. Флоровского. Так как написано неразборчиво, возможный вариант – *Gwipin*.

Письмо № 7

А. И. Луцкевич – А. В. Флоровскому

Многоуважаемый Антон Васильевич!

Сердечное спасибо за присланный оттиск Вашей ценной статьи о Скорине³². Осенью сделаю доклад в нашем научном обществе о Ваших открытиях; статья уже переводится на белорусский язык. – Кстати, я сравнивал знаки на гравюре Ф. Скорины со знаками астрологическими и нашел два довольно близких скориновским: (у Скорины) и (у Скорины). Хотя первый знак кажется мне у Скорины вензелем из нескольких букв, в том числе и Г, но очень правдоподобно, что предположение Владимирова о влиянии астрологических знаков³³, действительно, здесь имело место. В Двинске сейчас бывший сотрудник Сапунова³⁴, Б. Брежго, работает над статьей о дворянском архиве Витебщины³⁵. Ему я послал письм[о] с просьбой обратить особое внимание на все то, что могло бы разрешить вопрос о сословной принадлежности рода Скоринов, который, как мне кажется, не был дворянским до XVII столетия.

В. И. Самойло, наш библиотекарь, обратился к Вам с письмом³⁶ с просьбой дать ему адрес Лосского. Получили ли Вы его письмо? Если будете писать, не откажите ответить и Самойле.

Шлю искренний привет.

Уважающий Вас

Ант. Луцкевич.

Вильно, 25. VII. 1936.

АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 504. Л. 24–24 об. Автограф.

Письмо № 8

В. Толочко – А. В. Флоровскому

Ответ

2. VIII

благодарю³⁷

Polsko. Wilno. Sw. Michalski 4.–13..
29. VII. 36.

Глубокоуважаемый Антон Васильевич!

Приношу благодарность за Вашу отзывчивость и любезную *correspondence*³⁸, которой меня почтили.

Книга Lühr'a³⁹ хорошо мне известна, так как десять лет тому назад рецензировал ее на страницах «Записків чина Св. Василя Великого», том II, выпуск 3–4, стр. стр. 445–449, а после поместил *ex re* ее⁴⁰ статью в «Przeglądzie Wilenskim»⁴¹ (ленюсь искать более точные указания, насчет года и №). Насколько помню, про Иосифа Рутского⁴² ничего там не сказано. Экземпляр Lühr'a был мне тогда одолжен редактором «Записків» о. J. Скрутенем⁴³ Ч. С. В. В⁴⁴.

³²Florovskij A. V. Nové zprávy... S. 11–19.

³³Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина... С. 55, примеч. 3, 56.

³⁴А. П. Сапунов – историк, археолог, краевед, преподаватель Витебского отделения Московского археологического института и Витебского института народного образования, профессор.

³⁵Имеется в виду Б. Р. Брежго – латышский историк-архивист, заведующий витебским отделением Московского археологического института в 1918–1922 гг. Вероятно, упоминаемая работа Б. Р. Брежго не была завершена или опубликована. См. более раннюю работу: Брежго Б. Архівы і архіўная праца ў Віцебшчыне // Віцебшчына. 1925. № 1. С. 52–60. Для сравнения: «В 1933 году в Вильно отдельным оттиском из “Ежегодника белорусского научного общества” на белорусском языке была напечатана статья “Замки Витебщины”. Статьи из русскоязычной и латышскоязычной печати Латвии по ряду причин остаются белорусским специалистам плохо известны» (Лисов А. Болеслав Брежго – историк латгальского крестьянства // VI Starptautiskā Zinātniski Praktiskā Konference «Māksla un Mūzika Kultūras Diskursā». Rezekne : Rezekne Academy of Technologies, 2018. S. 28–35).

³⁶См. письмо № 5.

³⁷Приписано в левом верхнем углу листа рукой А. В. Флоровского.

³⁸Открытка (чеш.).

³⁹Имеется в виду следующая работа: Monumenta Historiae Warmiensis oder Quellensammlung zur Geschichte Ermlands. Bd. 11. Die Matrikel des päpstlichen Seminars zu Braunsberg 1578–1798 / Hrsg. von G. Lühr. Braunsberg : Druck der Ermländischen Zeitungs- und Verlagsdruckerei, 1925. 240 S.

⁴⁰В ее интересах (лат.). Здесь «ее» относится к книге Г. Люра.

⁴¹«Przegląd Wileński» («Вильнюсский обзор») – литературно-политический журнал, издававшийся в Вильно в 1911–1915 и 1921–1938 гг.

⁴²Иосиф Рутский (И. Ф. Вельяминов) – третий униатский митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси.

⁴³АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 409. (И. Й. Скрутень – историк церкви, деятель Украинской грекокатолической церкви, просветитель, издатель «Записок Чи на св. Василя Великого». Сохранилась переписка между А. В. Флоровским и И. Й. Скрутенем.)

⁴⁴«Чин св. Василя Великого».

Интересующей Вас статьи Жуковича в «Христианском чтении»⁴⁵ мне неоткуда достать.

Что же касается книги Dom Guiriu o J. Кунцевиче⁴⁶, то такая имеется у меня под рукой в польском переводе. Дословно приведу сказанное в нем по вопросу, который Вас интересует. См. приложение.

Будьте уверены в моей готовности и на будущее служить Вам охотно справками.

При случае желаю Вам приятного отдыха и успешного лечения.

С высоким почтением

Ваш слуга

о. Владимир Толочко.

АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 439. Л. 1–1 об. Автограф.

Письмо № 9

В. Толочко – А. В. Флоровскому

Polsko. Wilno. Sw. Michalski (Zaułek). 4–13.
21. IX. 36.

Глубокоуважаемый Господин Профессор,

Вторую Вашу *dopisnice* получил своевременно, но *ne multiplicantur entia sine necessitate*⁴⁷, не писал больше. Боюсь сегодня, чтобы Вы не истолковали моего молчания, как нежелание быть Вам помощным на будущее. Поэтому пишу эти строки. – Тем более, что хочу Вам сообщить о нахождении в моей рецензии (книги о Браунбере⁴⁸) имен и фамилий всех русских участников и воспитанников тамошней семинарии.

С чувством горести прочел вчера утром сообщение о кончине Немировича-Данченко⁴⁹. Не дождемся скоро другого такого.

С совершенным почтением О. Владимир Толочко.

АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 439. Л. 3. Автограф.

Письмо № 10

А. И. Луцкевич – А. В. Флоровскому

Antoni Luckiewicz
Wilno, Liwna, 2, m. 8
Prof. A. Florowski
Tř. Krale Alexandra 17
Praha XIX – Dejvice
ČSR

Многоуважаемый Антон Васильевич!

Спешу сообщить Вам, что в новой книжке «Ateneum Wileńskie» (Rocznik XI) x. Jan Prolatek напечатал «Wykaz alumnów Seminarium Papieskiego w Wilnie 1582–1573». Кажется, что это и есть тот материал, которого Вы искали в других статьях его же. Автор помещает довольно много биографических данных (происхождение!) alumнов⁵⁰. Думаю, что в Праге эта книжка должна уже быть. Это толстый том, и пересылка его обойдется дорого. Но если бы в Праге его не оказалось, охотно Вам вышлю. – «Oriens» получил обратно, – спасибо! С Бельским⁵¹ у меня все еще не уладилось.

Шлю искренний привет.

Уважающий Вас

Антон Луцкевич.

12. II. 37.

АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 286. Л. 5а. Автограф. Чернила.

⁴⁵ Имеется в виду П. Н. Жукович – историк церкви, работавший в ряде образовательных учреждений в Вильно, с 1891 г. – в Санкт-Петербургской духовной академии. Он прошел путь от доцента до заслуженного профессора; член-корреспондент ИАН, автор более десятка статей в журнале «Христианское чтение», многие из которых по своему сюжету могли интересовать А. В. Флоровского.

⁴⁶ Отождествить издание не удалось.

⁴⁷ «Не умножаются сущности без нужды» (лат.).

⁴⁸ Вероятно, речь идет о рецензии на работу Г. Люра (*Monumenta...*).

⁴⁹ В. И. Немирович-Данченко – писатель, путешественник, публицист, старший брат театрального деятеля В. И. Немировича-Данченко. С 1921 г. находился в эмиграции в Германии, затем в Чехословакии.

⁵⁰ От *alumnus* (лат.) – выпускник.

⁵¹ Возможно, речь идет о С. И. Бельском – литовском удельном князе, родственнике великого князя литовского Александра Казимировича.

Письмо № 11

В. Толочко – А. В. Флоровскому

Polsko. Wilno. Sw. Michalski. 4–13.
14. XII. 37.

Многоуважаемый Господин Профессор,

Приношу Вам сердечную благодарность за оказанную мне любезность присылкой ценной статьи «Le conflit de deux traditions etc.»⁵² Попробую прорецензировать ее в близком мне журнале. Постараюсь также и русскую рецензию.

На днях будет напечатана статья г. Антона Луцкевича с выдержками из Вашего последнего крупного труда⁵³. Конечно, не премину Вам всего это тотчас же выслать.

Да хранит Вас Господь и даст много сил для научной работы.

С совершенным почтением

Ваш слуга

О. Владимир Толочко.

АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 439. Л. 4. Автограф.

Письмо № 12

А. И. Луцкевич – А. В. Флоровскому

Ответ 8. IX. 38.

Вильно, 22. VII. 38.

Многоуважаемый Антон Васильевич!

Спасибо за письмо и обещанную чешскую статью, которой по сегодняшний день ещё не получил⁵⁴. Боюсь, не затерялась ли она на почте. Спасибо и за добрые пожелания нашему изданию. Вырезку Вашей заметки при сем посылаю. Отдельных оттисков, к сожалению, сделать не удалось из-за переноса типографии во время печатания в другое помещение: результатом переноса была такая неразбериха в шрифтах и наборе, что выход «Записов» запоздал больше чем на месяц!

Отвечаю на Ваши вопросы. О Ладыженском, по моей просьбе сделал разведку член нашего общества о. Толочко, письмо которого, написанное непосредственно Вам, при сем посылаю. К сожалению, результаты разведки оказались довольно бедными.

Относительно Ивана Мамонича я запросил нашего сотрудника Феодора Ильяшевича, автора монографии о типографии Мамоничей (труд его печатается, к сожалению, на польском языке, так как нам сделать это оказалось не по силам⁵⁵). По его указанию, я нашел в предисловии Крачковского⁵⁶ к XX тому Актов (стр. 76)⁵⁷ следующие строки: «в XVI столетии у Ивана Мамонича было сукно “зеленогорское, герлицкое⁵⁸, муравское, лунское, фалюндышовое и сукно подлого фалюндышу”, сукно караеза и многое другое: в том числе указывается и Библий – священных книг 38 экземпляров». О нем же упоминается у Батюшкова «Памятниках русской старины в западных губерниях» выпуск VI, стр. 4 (2-ой столбец)⁵⁹. Крачковский ссылается еще на «Археографический сборник» том III, стр. 240–316, но его у нас нет, я проверить лично не мог. Не подлежит сомнению, что Иван Мамонич был отцом Лукаша Мамонича: последний в актах именуется Ивановичем. Но есть ли этот Иван тот самый «aurifaber»⁶⁰, который жил – по Вашим сведениям – в начале XVII в.? – Ильяшевич собирается лично завязать с Вами переписку по этому вопросу. Его очень заинтересовал вопрос о связях Мамоничей с Прагой. Посылаю ему Ваш адрес и буду лично очень благодарен, если дадите ему необходимые сведения для его работы. Кстати, просматривая к том актов, я нашел там

⁵²Florovskij A. V. Le conflit de deux traditions – la latine et la byzantine – dans la vie intellectuelle de l'Europe Orientale aux XVI–XVIII siècles // Записки Научно-исследовательского объединения Русского свободного университета. 1937. Т. V(X). С. 171–193.

⁵³Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Прага : Slovanský ústav, 1935. Т. I. 527 с.

⁵⁴Florovskij A. V. Nové zprávy... S. 11–19.

⁵⁵Iljaszewicz T. Drukarnia domu Mamoniczów w Wilnie, 1575–1622. Wilno : Wydawnictwa Towarzystwa Pomocy Naukowej im. E. i E. Wróblewskich, 1938. 155 s.

⁵⁶Ю. Ф. Крачковский – историк, этнограф, председатель личного состава Комиссии для разбора древних актов, касающихся города Вильно, председатель Виленской археографической комиссии, отец востоковеда академика РАН И. Ю. Крачковского.

⁵⁷Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. XX. Акты, касающиеся города Вильны. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1893. 899 с.

⁵⁸Слово не читается из-за поставленного архивного шифра. Чтение восстановлено по следующей работе: Акты... с. LXXVI.

⁵⁹Акты... с. LXXVI, примеч. 1.

⁶⁰Златокузнец (латиниз. нем.).

документ (стр. 201) № 156 – от 18 августа 1605 г., где идет речь о Лукаше *Ивановиче* Мамониче, скарбном⁶¹ Великого князя Литовском, так что имя отца его, несомненно, установлено.

Шлю искренне привет.

Уважающий Вас

Антон Луцкевич.

P. S. Почему-то марки на Вашем письме оказались непроштемпелеванными. Возвращаю их вам.

АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 286. Л. 6–6 об. Автограф. Чернила.

Письмо № 13

Ф. Ильяшевич – А. В. Флоровскому

Такаляны, 24. VII. 38.

Многоуважаемый Анатолий Васильевич!

От гражданина Луцкевича узнал я, что Вы работаете над трудом «Чехи и восточные славяне»⁶² и натолкнулись на сведения, свидетельствующие о связях Мамоничей, виленских купцов, с Прагой. Меня это очень заинтересовало, т. к. мой труд о типографии «дому Мамоничей» в настоящее время печатается. С своей стороны я уведомил гражданина Луцкевича о интересующем Вас ювелире⁶³ Иване Мамониче. О нем Вы найдете кое-что в XX т. «Актów Виленской Археографической Комиссии» (в «Предисловии» Крачковского). Не знаю, в какой степени могли бы повлиять открытые Вами данные на мои исследования. В каждом случае, сведения о торговых хотя бы отношениях Мамоничей с Прагой были бы для меня очень ценны. Я бы смог кое-что добавить в печатающейся книге. Если же Вы не намерены обрабатывать найденные документы, то я смог бы дать «заметку» в «Записы» Навуковага Беларускага Таварыства.

Поэтому я прошу Вас, господин профессор, прислать мне или выписки (с указанием откуда взяты и где хранятся) из документов, *имеющие связь с моим трудом*⁶⁴, или же копии всех документов (в случае, если Вы не намерены их разрабатывать). Мне Мамоничи, так сказать, хорошо знакомы, и поэтому интерес к обработке найденных Вами документов понятен.

Прошу Вас ответить мне на адрес: Polska, poczta Michałowo – Niezbudka, pow. Białostocki, os. Topolany. Mgr. Teodor Iliaszewicz.

В Тополянах я буду до середины августа, после выеда в Вильно⁶⁵.

Если Вам нужны еще кое-какие сведения, находящиеся в связи с Вашим трудом, прошу писать. Будучи в Вильне, смогу Вам по мере возможности раздобыть нужное.

С уважением Федор Ильяшевич.

31. VII. 38. Отвечено – сам опубликую, оттиск из Славянского Сборника пришлю.

8. IX. 38. Послано – в письме к Луцкевичу.

АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 239. Л. 1–2. Автограф.

Письмо № 14

Ф. Ильяшевич – А. В. Флоровскому

Вильна, 4. IX. 38.

Многоуважаемый Антон Васильевич!

У доктора M. Brenzstein'a (умер в этом году) в его труде «Ludwisarstwo w w. ks. Lit.»⁶⁶, к сожалению, Иван Мамонич не упоминается (а также в его «[...] Wileńskie»⁶⁷). В III-ем томе «Археографического сборника»,

⁶¹Скарбный – должность при великом князе, управляющий всеми земельными угодьями великого князя, доходами и расходами государства.

⁶²Речь идет о 2-м томе исследования «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.)», вышедшем в свет в 1947 г. Как писал сам А. В. Флоровский, 2-й том был набран в 1940 г., однако летом 1941 г. его выпуск был задержан цензурой (Автобиография А. В. Флоровского // Флоровский А. В. Труды по истории России, Центральной Европы и историографии. Из архивного наследия / под ред. В. Ю. Афиани. СПб. : Нестор-история, 2020. с. 468).

⁶³В предыдущей публикации (Скарыніч. Літаратурна-навуковы гадавік / уклад. А. Каўка. М. : Сов. писатель, 2006. Вып. 6. С. 85) не прочитано.

⁶⁴В предыдущей публикации (Скарыніч... с. 86) пропущено.

⁶⁵В предыдущей публикации (Скарыніч... с. 86) – «Вильню».

⁶⁶Brenzstein M. Zarys dziejów ludwisarstwa na ziemiach b. Wielkiego Księstwa Litewskiego. Wilno : Księgarnia Stowarzyszenia Nauczycielstwa Polskiego w Wilnie, 1924. 225 s.

⁶⁷Первое слово исправлено, по этой причине не читается. Очевидно, речь идет о статье М. Бренцштейна, название которой дано не точно, а в пересказе.

на стр. 318 упоминается Иван Мамонич, который вез «увязку мѣшинъ, 12 хусток бѣлых турецкихъ, 12 десятковъ цвячков до ботов»⁶⁸ (это тот самый, о котором говорит Ю. Крачковский в «Предисловии» к XX т. Актов из В.А.К. и которого я считаю отцом Лукаша). Сына Лукаша – Ивана – я в документах не встречал. Еще постараюсь кое-что поискать в Городском архиве. Извините, что запоздал с ответом, но все устроилось; письмо Ваше получил тоже с опозданием.

Будьте здоровы.

С уважением, Ф. Ильяшевич.

АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 239. Л. 3. Автограф.

Библиографические ссылки

1. Лавринец П. В. И. Самойло в русской периодике и культурной жизни Вильно (1920–1939). *Literatūra*. 2018; 60(2):28–43. DOI: 10.15388/Litera.2018.2.12029.
2. Каўка А, складальнік. *Скарыніч. Літаратурна-навуковы гадавік. Выпуск 6*. Москва: Советский писатель; 2006. 190 с.
3. Florovskij AV. Nové zprávy o pobytu Františka Skoryny v Praze. *Časopis národního musea*. 1936;110:11–19.
4. Брага С. Геаграфічная лякалізацыя жыццяпісу доктара Скарыны. У: Станкевіч С, рэдактар. *Запісы*. Мюнхен: Беларускі інстытут навукі і мастацтва; 1964. с. 9–33.
5. Лемешкин И. 1470 – год рождения Ф. Скорина. У: Груша А, складальнік. *Франциск Скарына: новыя даследаванні*. Мінск: Беларуская навука; 2019. с. 23–86.
6. Florovskij AV. Die Anfänge des Buchdruckes bei den Ostslaven. *Slavische Rundschau. Berichtende und kritische Zeitschrift für das geistige Leben der slavischen Völker*. 1940;12:66–90.
7. Florovskij A. Skorina et son activité parmi les Slaves. *Bulletin d'information des sciences historiques en Europe Orientale*. 1939;9(1–2):1–11.
8. Лаптева ТН. Труды А. В. Флоровского по истории чешско-русских отношений, известные и неизвестные: рукописи ученого в Архиве РАН. *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2018;13(1–2):160–171. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.1.3.01.
9. Немировский ЕЛ. Начало славянского книгопечатания кирилловским шрифтом. *Книга. Исследования и материалы*. 1991;63:52–71.
10. Kuziela Z. Der Deutsche Schweitpold Fiol, als Begründer der ukrainischen Buchdruckerkunst (1491). *Gutenberg-Jahrbuch*. 1936;11:73–78.
11. Dobrowski J. Reise nach Schweden. *Abhandlungen der kaiserlichen Böhmisches Gesellschaft der Wissenschaften*. 1795; II:125–194.
12. Владимиров ПВ. *Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык*. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук; 1888. 414 с.
13. Załęski S. *Jezuici w Polsce*. Lwów: Drukarnia Ludowa; 1900–1906. 5 wolumeny.
14. Лаптева ТН. *Личный фонд историка-эмигранта А. В. Флоровского в Архиве Российской академии наук: научное использование и реконструкция [диссертация]*. Москва: ПСТГУ; 2018. 238 с.
15. Козик ЛА. История изгнания. Судьбы эмигрантов с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2019;3:146–148.

References

1. Lavrinec P. V. I. Samoilo in Russian periodicals and the cultural life of Wilno (1920–1939). *Literatūra*. 2018;60(2):28–43. Russian. DOI: 10.15388/Litera.2018.2.12029.
2. Kawka A, compiler. *Skarynich. Litaraturna-navukovy gadavik. Vypusk 6* [Skarynich. Literary-scientific yearbook. Issue 6]. Moscow: Sovetskii pisatel'; 2006. 190 p. Belarusian.
3. Florovskij AV. Nové zprávy o pobytu Františka Skoryny v Praze. *Časopis národního musea*. 1936;110:11–19.
4. Braha S. Geographical location of Fr. Skaryna's Biography. In: Stankevich S, editor. *Zapisy* [Annals]. Munich: Whiteruthenian (Belarusian) Institute of Arts and Sciences; 1964. p. 9–33. Belarusian.
5. Lemeshkin I. [1470 – the year of birth of F. Skorina]. In: Grusha A, compiler. *Francysk Skaryna: novyja dasledavanni* [Francis Skaryna: new research]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2019. p. 23–86. Belarusian.
6. Florovskij AV. Die Anfänge des Buchdruckes bei den Ostslaven. *Slavische Rundschau. Berichtende und kritische Zeitschrift für das geistige Leben der slavischen Völker*. 1940;12:66–90.
7. Florovskij A. Skorina et son activité parmi les Slaves. *Bulletin d'information des sciences historiques en Europe Orientale*. 1939;9(1–2):1–11.
8. Lapteva TN. Known and unknown Antony Florovsky's works on the history of Czech-Russian relations: manuscripts of the scientist in the Archive of the Russian Academy of Sciences. *Slavic World in the Third Millennium*. 2018;13(1–2):160–171. Russian. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.1.3.01.

⁶⁸1583. Мытная книга или реестр мыта нового, с оценкой разных товаров, провозившихся через Брест в течение первой половины 1583 г., и обозначением количества пошлин, взимаемых за эти товары на Берестейской таможе (каморе) : археогр. сб. док., относящихся к истории Сев.-Зап. Руси / изд. А. Миротворцев. Вильня : Печатня Губ. правления, 1867. Т. 3. 365 с.

9. Nemirovskii EL. Beginning of Slavonic typography in Cyrillic script. *Kniga. Issledovaniya i materialy*. 1991;63:52–71. Russian.
10. Kuziela Z. Der Deutsche Schweitpold Fiol, als Begründer der ukrainischen Buchdruckerkunst (1491). *Gutenberg-Jahrbuch*. 1936;11:73–78.
11. Dobrowski J. Reise nach Schweden. *Abhandlungen der kaiserlichen Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften*. 1795; II:125–194.
12. Vladimirov PV. *Doktor Frantsisk Skorina. Ego perevody, pechatnye izdaniya i yazyk* [Dr. Francysk Skaryna. His translations, printed editions and language]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk; 1888. 414 p. Russian.
13. Załęski S. *Jezuici w Polsce*. Lwów: Drukarnia Ludowa; 1900–1906. 5 wolumeny.
14. Lapteva TN. *Lichnyi fond istorika-emigranta A. V. Florovskogo v Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk: nauchnoe ispol'zovanie i rekonstruktsiya* [The personal fund of the émigré historian A. V. Florovsky in the Archive of the Russian Academy of Sciences: scientific use and reconstruction; dissertation]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University; 2018. 238 p. Russian.
15. Kozik LA. Stories of Exile. The destinies of exiles from the territory of the former Russian empire in interwar Czechoslovakia. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;3:146–148. Russian.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2021.
Received by editorial board 17.12.2021.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 364(44)(091)«2017/2021»

ФРАНЦУЗСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ В 2017–2021 гг.: АДАПТАЦИЯ К НОВОЙ СИТУАЦИИ

Е. Г. КОЛБ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Впервые в белорусской исследовательской литературе рассматривается деятельность Французской социалистической партии (ФСП) по преодолению тяжелейшего идейно-политического кризиса, отчетливо проявившегося на выборах 2017 г. Показаны результаты внутривнутрипартийной борьбы по вопросу стратегии восстановления позиций в политической жизни страны. Охарактеризованы изменения в идеологии и определена степень обновления партийной доктрины, установлены особенности деятельности ФСП в роли оппозиционной партии, показаны усилия социалистов по сплочению левых сил, установлена специфика роли ФСП в политической жизни и левом лагере Франции. Делается вывод о том, что ФСП отказалась от радикального пересмотра идеологии и политической стратегии и сохранила идейно-политическую идентичность левой правительственной партии, сумела избежать превращения в микропартию, но так и не смогла восстановить прежнюю роль доминирующей силы левого лагеря и одной из двух ведущих партий страны.

Ключевые слова: Французская социалистическая партия; идеология; политическая стратегия; выборы.

Образец цитирования:

Колб Е. Г. Французская социалистическая партия в 2017–2021 гг.: адаптация к новой ситуации. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022; 1:43–50.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-1-43-50>

For citation:

Kolb EG. The French Socialist Party in 2017–2021: adaptation to the new situation. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;1:43–50. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-1-43-50>

Автор:

Евгений Георгиевич Колб – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Eugene G. Kolb, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history.
eg.kolb.64@gmail.com

ФРАНЦУЗСКАЯ САЦЫЯЛІСТЫЧНАЯ ПАРТЫЯ ў 2017–2021 гг.: АДАПТАЦЫЯ ДА НОВАЙ СІТУАЦЫІ

Я. Г. КОЛЬ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Упершыню ў беларускай даследчыцкай літаратуры разглядаецца дзейнасць Французскай сацыялістычнай партыі (ФСП) па пераадоленні самага цяжкага ідэйна-палітычнага крызісу, які яскрава праявіўся на выбарах 2017 г. Паказаны вынікі ўнутрыпартыйнай барацьбы па пытанні стратэгіі аднаўлення пазіцыі партыі ў палітычным жыцці краіны. Ахарактарызаваны змены ў ідэалогіі і вызначана ступень абнаўлення партыйнай дактрыны, высветлены асаблівасці дзейнасці ФСП у якасці апазіцыйнай партыі, паказаны намаганні сацыялістаў па згуртаванні левых сіл, вызначана спецыфіка ролі ФСП у палітычным жыцці і левым лагеры Францыі. Зроблена выснова аб тым, што ФСП адмовілася ад кардынальнага перагляду ідэалогіі і палітычнай стратэгіі, здолела пазбегнуць параўтварэння ў мікрапартыю, але не аднавіла былою ролю дамінуючай сілы левага лагера і адной з дзвюх галоўных партый краіны.

Ключавыя словы: Французская сацыялістычная партыя; ідэалогія; палітычная стратэгія; выбары.

THE FRENCH SOCIALIST PARTY IN 2017–2021: ADAPTATION TO THE NEW SITUATION

E. G. KOLB^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

For the first time in the Belarusian research literature, the activities of the French Socialist Party (FSP) to overcome the most severe ideological and political crisis that clearly manifested itself in the 2017 elections is examined. The author shows the results of the internal party struggle on the strategy of restoring the party's position in the political life of the country. In the article the changes in the ideology are characterised and the degree of renewal of the party doctrine is determined, the features of the activity of the FSP in the role of the opposition party are established, the efforts of socialists to rally the left forces are shown, the specifics of the role of the FSP in political life and the left political camp of France are established. It is concluded that the FSP refused a deep revision of ideology and political strategy and kept the ideological and political identity of the left government party, its authorities managed to avoid transformation to a micro-party, but they were unable to restore the former role of the main party of the left political camp and one of the two leading parties in the country.

Keywords: French Socialist Party; ideology; political strategy; elections.

После президентских выборов 2017 г. Французская социалистическая партия (ФСП) оказалась в ситуации, близкой к катастрофической. Она не только потерпела самое тяжелое за годы Пятой республики поражение, но и утратила статус одной из двух ведущих партий страны, который имела на протяжении четырех предыдущих десятилетий. Одновременно ФСП потеряла доминирование в левом лагере, которое сохраняла с 1981 г. при всех электоральных неудачах. На ведущую роль в левом лагере стала вполне реально претендовать левопопулистская партия «Непокоренная Франция». Кроме того, левые партии начали избегать сотрудничества с ФСП, ставшей «токсичной» из-за политики президента-социалиста Ф. Олланда. Развернувшаяся в партии после 2012 г. острая борьба левого и правого крыла по вопросам идеологии и стратегии создала впечат-

ление о расколе в ФСП, которое усилилось в связи с выходом из партии ряда ведущих политиков во время выборов 2017 г. и сразу после них. Еще одной проблемой стало отсутствие у социалистов «естественного» лидера, популярного среди сторонников партии, способного убедить партийную массу в правильности предлагаемой им стратегии. Более того, после отставки в сентябре 2016 г. Ж.-К. Камбаделиса ФСП лишилась даже формального главы и управлялась коллективным руководством. Неудивительно, что в ноябре 2017 г. 74 % французов, в том числе 63 % сторонников левых сил и 48 % сторонников ФСП, считали возможным исчезновение партии с политической арены страны¹.

За последние четыре десятилетия ФСП показала способность быстро оправляться от поражений, даже самых тяжелых. Но после 2017 г. социалистам

¹ Pour les Français, le PS est «un grand cadavre à la renverse» [Ressource électronique]. URL: <https://www.odoxa.fr/sondage/francais-ps-grand-cadavre-a-renverse/> (date de la demande: 05.12.2017).

приходилось восстанавливать позиции в новой политической ситуации, созданной кризисом системных партий, назревавшим с 1980-х гг. и проявившимся в полную силу на выборах 2017 г. Наблюдавшееся в обществе усиление популистских настроений напрямую затрагивало ФСП, которая отождествлялась населением с управленческой элитой. Кроме того, центральной осью политической жизни вместо традиционного противостояния левых и правых сил стало противоборство прогрессистского и суверенистско-популистского лагерей. Все это затрудняло использование партией привычных методов восстановления политических позиций.

Деятельность ФСП после выборов 2017 г. не получила широкого освещения в исследовательской литературе. В работах российских исследователей А. А. Вершинина [1] и Е. А. Нарочницкой [2] отражены трудности, возникшие у партии социалистов после выборов, и выделены основные задачи, которые необходимо было решить ФСП. Но действия по решению появившихся проблем не получили к настоящему времени освещения в русскоязычной литературе. Французскими политологами прокомментированы в СМИ отдельные события в жизни партии и действия ее руководства. Но развернутые исследования деятельности ФСП в период легислатуры Э. Макрона появятся во французской научной литературе скорее всего уже после выборов 2022 г. Настоящая статья, не претендующая на полноту раскрытия вопроса, является первой в отечественной науке попыткой проанализировать действия социалистов по адаптации к новой политической ситуации. Цель работы заключается в выделении особенностей стратегии руководства ФСП по усилению ее позиций и выявлении эффекта от предпринятых партией усилий.

После выборов 2017 г. среди социалистов наблюдался подъем обновленческих настроений, который с 1986 г. всякий раз сопровождал поражение ФСП на общенациональных выборах. Звучали ставшие привычными предложения обновить идеологию и внутреннюю жизнь партии, методы ее политической деятельности и стратегию альянсов. Также члены ФСП выражали надежду, что съезд 2018 г. станет повторением съезда 1971 г. в Эпине, положившего начало превращению ФСП в одну из главных партий страны.

При подготовке к съезду 2018 г. четыре претендента на пост главы ФСП предложили свои проекты переустройства партии. Во всех из них отмечалась необходимость обновления партийной доктрины

с учетом новейших изменений в обществе и уроков, вынесенных во время правления Ф. Олланда. Все претенденты считали, что идеология ФСП должна базироваться на традиционных ценностях французского социализма, а партийный проект развития общества должен быть альтернативой неолиберальному курсу. Также они предлагали одинаковый путь обновления партийной доктрины – внедрение в нее экологических ценностей.

В то же время внутри партии наблюдались разногласия по вопросу о проявлении ее левой идентичности. Так, в проекте одного из лидеров левого крыла Э. Мореля ставилась задача «вновь подтвердить необходимость социалистического пути, отличного от социал-либерализма»² (здесь и далее перевод наш. – Е. К.). Фактически это был призыв отступить от утвердившейся с 1983 г. тенденции ориентироваться на учет объективных реалий в предложениях социалистов и в их действиях при нахождении у власти. Такая стратегия позволила ФСП обрести имидж ответственной партии и возможность успешно бороться за власть. В то же время переход к культуре управления вызвал умеренность предложений социалистов, а также обусловил проведение ими прагматичной политики, которая воспринималась частью левого электората как социал-либеральный курс и вызывала кризисы идентичности ФСП всякий раз при нахождении социалистов у власти.

Сходная позиция содержалась в проекте Л. Карвунаса, где отмечалась необходимость «порвать с почти сорокалетним понятием правительственной партии»³. С. Ле Фолль, один из ближайших соратников Ф. Олланда, был против возврата социалистов к культуре оппозиции с характерным для нее выдвижением привлекательных, невыполнимых обещаний. В его проекте констатировалась недопустимость предложений, «которые обеспечат нам комфортное место в роли оппозиции без возможности их реализовать, когда мы будем у власти»⁴. В проекте О. Фора, главы фракции социалистов в Национальном собрании, содержался усредненный подход. В нем отмечалось, что ФСП должна стать воплощением «одновременно правительственной левой [партии] и левой [партии] социальной трансформации»⁵.

Относительно политической стратегии все претенденты считали, что ФСП должна находиться в оппозиции к президенту Э. Макрону, развивать диалог с гражданским обществом и сотрудничать с партиями левого лагеря. Тем не менее в предлагаемых

²Texte d'orientation d'Emmanuel Maurel. L'union et l'espoir [Ressource électronique]. URL: <https://www.partisocialiste92.fr/storage/2020/07/TO-4.pdf> (date de la demande: 19.07.2021).

³Texte d'orientation de Luc Carvounas. Un progrès partagé pour faire gagner la gauche [Ressource électronique]. URL: <https://www.partisocialiste92.fr/storage/2020/07/TO-1.pdf> (date de la demande: 19.07.2021).

⁴Texte d'orientation de Stéphane Le Fol. Cher.E.S camarades [Ressource électronique]. URL: <https://www.partisocialiste92.fr/storage/2020/07/TO-2.pdf> (date de la demande: 19.07.2021).

⁵Texte d'orientation d'Olivier Faur. Socialistes, le chemin de la Renaissance [Ressource électronique]. URL: <https://partisocialiste92.fr/storage/2020/07/TO-3.pdf> (date de la demande: 19.07.2021).

проектах имелись различия по вопросу о формате сотрудничества с левыми партиями. Главные расхождения наблюдались в вопросах об отношении к левым популистам и о роли ФСП в левой коалиции. Так, Э. Морель высказался за политический союз левых партий всех идейных оттенков на основе общей программы без доминирования ФСП. В проекте Л. Карвунаса содержалась схожая идея широкой левой коалиции, но отвергалось электоральное сотрудничество с левыми популистами. В резолюции С. Ле Фолля предлагалось создать федерацию левых партий без участия популистов с ведущей ролью ФСП. В проекте О. Фор ничего не говорилось о формате взаимодействия левых сил и отмечалось, что «поднимать сегодня вопрос об альянсах означало бы поставить себя в положение слабого, сначала надо возродить силу ФСП»⁶.

При голосовании членов партии проект О. Фор заметно опередил остальные варианты развития ФСП, получив 48,5 % голосов. После столь убедительного успеха О. Фор в марте 2018 г. был избран новым главой партии социалистов (86 % голосов), и в апреле 2018 г. на партийном съезде его официально утвердили на этом посту. Показательно, что недавние конкуренты не стали использовать трибуну съезда для демонстрации расхождений взглядов с новым главой ФСП.

Несмотря на проявленное на съезде фасадное единство, многие наблюдатели отмечали, что О. Фор предстоит решить сложную задачу по сплочению партийных рядов, особенно в части налаживания бесконфликтного сотрудничества с левым крылом ФСП. Решение этой задачи облегчил выход из партии в октябре 2018 г. лидеров левого крыла Э. Мореля и Н.-М. Лиенманн из-за несогласия с линией руководства. Расчет Э. Мореля на то, что этот демарш поддержат «сотни [партийных] кадров, депутатов местных органов и мэров»⁷, не оправдался, а уход признанных лидеров ощутимо снизил активность левого крыла. В результате внутривнутрипартийное противостояние стало практически незаметным. Тем самым О. Фор выполнил озвученное после избрания главой ФСП обещание покончить с делением партии на противоборствующие группировки⁸.

Одним из направлений работы руководства ФСП по усилению позиций партии стала борьба против политики действующей власти. Развернутая социалистами критика политики президента строилась вокруг темы «Макрон – президент богачей». Ее ин-

струментами стали настенные плакаты, видеоролики в социальных сетях, статьи в прессе. Критика намерений власти велась и парламентариями ФСП при обсуждении правительственных законопроектов. Кроме того, фракциями ФСП было выдвинуто 17 законопроектов, посредством которых партия продемонстрировала свою левую идентичность и наличие альтернативных планов развития страны.

При этом социалисты, поддерживая имидж ответственной партии, отказались от фронтального противостояния с действующей властью. ФСП, в отличие от партии «Непокоренная Франция», не пыталась инициировать выступления против правительственной политики. Во время массовых протестов 2018–2020 гг. партия призывала руководство страны прислушаться к выдвигаемым требованиям и предлагала пути решения вызвавших разногласия проблем. Оппозиционный дискурс ФСП и ее контрпредложения были менее радикальными, чем у популистских партий.

Такая тактика стала одной из причин того, что ФСП не воспринималась населением как главная оппозиционная сила страны. По этому показателю она на протяжении 2018–2020 гг. неизменно уступала популистским партиям «Непокоренная Франция» и «Национальное объединение» (ранее – «Национальный фронт»), а также правой партии «Республиканцы». Тем не менее ФСП последовательно воздерживалась от призывов и предложений с популистским оттенком. В этом плане социалисты следовали установке, озвученной О. Фором осенью 2018 г.: «...мы никогда не будем популистами... Популизм – это в первую очередь способ обманывать народ. Мы этого никогда не делали»⁹.

Еще одним магистральным направлением усилий руководства ФСП по укреплению позиций партии было развитие сотрудничества партий левого лагеря. С 2018 г. О. Фор постоянно выступал за создание альянса левых партий, утверждая, что, только сплотившись, левый лагерь получит шансы добиться электоральных успехов. Лидер социалистов отнюдь не сгущал краски, поскольку за 2017–2020 гг. среди населения Франции доля лиц, придерживающихся левых взглядов, снизилась с 15 до 13 %, доля центристов – с 38 до 32 %, тогда как доля лиц, придерживающихся правых взглядов, увеличилась с 36 до 39 %¹⁰. При этом сторонники правых взглядов преобладали среди категорий граждан, традиционно воспринимаемых как «естественная» социальная база левых

⁶Texte d'orientation d'Olivier Faur. Socialistes, le chemin de la Renaissance [Ressource électronique]. URL: <https://partisocialiste92.fr/storage/2020/07/TO-3.pdf> (date de la demande: 19.07.2021).

⁷Le leader de l'aile gauche du PS Emmanuel Maurel quitte le parti [Ressource électronique]. URL: <https://www.lejdd.fr/Politique/le-leader-de-laile-gauche-du-ps-emmanuel-maurel-quitte-le-parti-3776885> (date de la demande: 25.10.2018).

⁸Au congrès du PS, Olivier Faure veut ouvrir une nouvelle page [Ressource électronique]. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2018/04/08/au-congres-du-ps-olivier-faure-veut-couvrir-une-nouvelle-page_5282484_823448.html (date de la demande: 10.04.2018).

⁹Olivier Faure réagit aux départs du PS : «Nous ne serons jamais populistes» [Ressource électronique]. URL: <https://www.lejdd.fr/Politique/olivier-faure-reagit-au-depart-du-ps-nous-ne-seront-jamais-populistes-3777962> (date de la demande: 15.10.2018).

¹⁰Le positionnement des Français sur un axe gauche-droite [Ressource électronique]. URL: <https://www.ifop.com/publication/le-positionnement-des-Francais-sur-un-axe-gauche-droite-2/> (date de la demande: 25.07.2020).

сил: молодежи, служащих, рабочих, работников государственного сектора. Тем не менее левый лагерь в случае объединения усилий сохранял значительный политический потенциал. Так, в апреле 2021 г. по числу сторонников левые партии в совокупности (25 %) опережали традиционные правые организации (10 %), Национальное объединение (14 %) и партии президентского большинства (13 %) ¹¹.

Создание союза левых сил со времен съезда 1971 г. являлось одним из главных принципов стратегии ФСП. Но после 1981 г. социалисты считали, что такой союз должен образоваться под эгидой ФСП как наиболее сильной партии левого лагеря. Теперь же О. Фор предлагал союз равноправных партнеров, который будет базироваться на общей программе с выдвижением на выборах единых кандидатов или списков. Фактически это был план создания левой коалиции по образцу существовавшего в 1970-х гг. союза левых сил.

Стремясь облегчить создание такой коалиции, руководство ФСП на деле показало готовность поступиться интересами партии ради сплочения левых. На выборах 2019 г. в Европарламент социалисты уступили первенство в предвыборном списке Р. Глюксману, главе микропартии «Общественное место», вошедшей в созданный вокруг ФСП электоральный альянс. На муниципальных выборах 2020 г. ФСП, вопреки устоявшемуся правилу, отдала в ряде крупных городов руководство объединенными списками левых сил представителям партии «Европа – Экология – Зеленые» (*Europe Ecologie les Verts*; далее – ЕЕЛВ). В августе 2020 г. О. Фор сделал еще более решительный шаг, предложив выдвинуть на президентских выборах 2022 г. единого кандидата левых сил, которого социалисты поддержат, даже если он не будет членом ФСП ¹².

Сначала призывы лидера социалистов к сплочению левого лагеря не получили поддержки. К выборам 2019 г. ФСП удалось заключить электоральный союз только с тремя левыми микропартиями. Более крупные организации предпочли действовать самостоятельно, намереваясь использовать эти выборы, традиционно воспринимаемые как малозначимые, для проверки своего политическо-

го веса. Выступление социалистов (6,2 % голосов) было расценено наблюдателями как продолжение политического падения партии. Некоторым утешением являлся тот факт, что партия «Непокоренная Франция» показала примерно равный с ФСП результат (6,3 %), но тревожным знаком стало появление нового претендента на роль лидера левого лагеря в лице ЕЕЛВ (13,5 %).

С приближением муниципальных выборов 2020 г. О. Фор вновь призвал к созданию электорального союза левых сил. На этот раз левые партии, заботясь о представительстве в местных органах власти, пошли на создание в ряде городов и коммун единых списков с участием ФСП. Оценивая выступление левого лагеря на этих выборах, наблюдатели уделили первоочередное внимание результатам ЕЕЛВ, трактуя их как новый успех партии в борьбе за лидерство в левом лагере. Но выборы стали также успехом для ФСП, добившейся наилучших результатов среди левых партий. Социалисты возглавили 6 городов с населением более 200 тыс. человек (ЕЕЛВ – 3), 14 городов с населением свыше 100 тыс. человек (ЕЕЛВ – 6), а также 47 коммун с населением более 30 тыс. жителей (ЕЕЛВ – 9, коммунистическая партия – 15) ¹³. Еще более отчетливым успехом ФСП стали региональные выборы 2021 г. На них левые силы вновь использовали тактику электоральных союзов, но единые списки с первого тура выдвинули только в двух регионах. На выборах социалисты завоевали руководство в 5 из 13 регионов в метрополии, тогда как ЕЕЛВ и партия «Непокоренная Франция» не сумели возглавить ни одного.

Тем самым ФСП наряду с партией «Республиканцы» сохранила статус одной из двух доминирующих на местном уровне политических сил. Правда, успехи на выборах 2020–2021 гг. объяснялись не повышением авторитета ФСП, а удачной конъюнктурой. Предвыборные опросы показали, что французы в своем большинстве были удовлетворены работой действовавших администраций и не стремились к их замене ¹⁴. В итоге на этих выборах, характеризующихся рекордным уровнем абсентеизма, большинство избирателей проголосовало за сохранение прежнего руководства ¹⁵.

¹¹La gauche est en crise, mais, unie elle disposerait d'un fort potentiel [Ressource électronique]. URL: <http://www.odoxa.fr/son-dage/gauche-crise-unie-disposerait-dun-fort-potentiel/> (date de la demande: 16.04.2021).

¹²Le PS pour le «rassemblement» avec les écolos mais l'union est «compliquée» [Ressource électronique]. URL: https://www.lepoint.fr/politique/le-ps-pour-le-rassemblement-avec-les-ecolos-mais-l-union-est-compliquee-29-08-2020-2389521_20.php (date de la demande: 31.08.2020).

¹³Rapport d'activité. D'aubervilliers à villeurbanne, de la renaissance à l'espérance [Ressource électronique]. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/laruchesocialiste/pages/3964/attachments/original/1628156842/VILL21_Rapportd'activite%20C3%A9_V3.pdf?1628156842 (date de la demande: 12.08.2021).

¹⁴Municipales : sept Français sur dix satisfaits de leur maire [Ressource électronique]. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/municipales-sept-francais-sur-dix-satisfaits-de-leur-maire-20200213> (date de la demande: 15.02.2020) ; Le baromètre politique Viavoice – Libération: «Le mystère des municipales». Mars 2020 [Ressource électronique]. URL: <https://www.institut-viavoice.com/wp-content/uploads/2020/03/Barometre-politique-Viavoice-Liberation.-Mars-2020.pdf> (date de la demande: 15.03.2020).

¹⁵Municipales 2020 : comprendre le vote des Français [Ressource électronique]. URL: <https://www.ipsos.com/fr-fr/municipales-2020-comprendre-le-vote-des-francais> (date de la demande: 12.05.2020) ; Les enjeux du vote aux élections régionales et la place des questions de sécurité dans le choix des Français [Ressource électronique]. URL: <https://www.ifop.com/publication/les-enjeux-du-vote-aux-elections-regionales-et-la-place-des-questions-de-securite-dans-le-choix-des-francais/> (date de la demande: 19.06.2021).

Но это обстоятельство не помешало О. Форю летом 2021 г. заговорить о том, что ФСП является движущей силой левого лагеря и именно под ее руководством он имеет наибольшие шансы на успех на грядущих общенациональных выборах¹⁶. Однако призывы О. Форы выдвинуть единого кандидата в президенты не получили поддержки среди представителей других левых партий, сделавших выбор в пользу самостоятельного выступления. Это можно считать главной неудачей стратегии лидера социалистов по сплочению левых сил.

Более того, эта стратегия вызвала обеспокоенность в рядах социалистов. В 2019–2020 гг. прозвучали заявления ряда политиков ФСП о том, что действия первого секретаря угрожают «стиранием» партии с политического ландшафта страны. Эта критика в сочетании с отсутствием прогресса в создании левой коалиции вынудила партийное руководство активизировать подготовку ФСП к общенациональным выборам 2022 г. В феврале 2021 г. началась разработка предвыборной программы социалистов, а в проекте развития ФСП, выдвинутом О. Фором к съезду 2021 г., был определен порядок избрания партийного кандидата в президенты и оказана поддержка кандидатуре А. Идальго¹⁷.

Этих действий оказалось недостаточно, чтобы успокоить волнение, возникшее в партийных рядах, и при подготовке к съезду 2021 г. у О. Форы появился соперник в борьбе за пост главы партии в лице Э. Жоффруа. В ее проекте развития критиковалось действующее руководство ФСП за нехватку внутрипартийной демократии, запаздывание с разработкой программы к выборам 2022 г. и стратегию альянсов, не имевшую успеха и ведущую к «стиранию» партии¹⁸. Но, хотя проект Э. Жоффруа позиционировался как альтернатива стратегии правительственной партии, в нем не просматривались существенные расхождения с предложениями О. Форы в части действий социалистов при решении проблем страны. В этой плоскости главным отличием стало, пожалуй, признание возможности увеличить государственный долг во имя «разумных и эффективных расходов, являющихся подлинным инвестированием в людей и наши общественные службы»¹⁹. Еще одно отличие в проектах наблюдалось в вопросе о формате сотрудничества левых сил. Если О. Фор

вновь высказался за создание коалиции равноправных партнеров на основе общей программы, то Э. Жоффруа выступила за объединение левых сил под эгидой ФСП.

На голосовании членов партии проект ее лидера (76,18 % голосов) уверенно опередил проект его соперницы (23,82 % голосов), а О. Фор был переизбран главой ФСП, получив 73,49 % голосов (Э. Жоффруа получила 26,51 % голосов). В сентябре 2021 г. партийный съезд официально утвердил О. Форю на посту первого секретаря.

Также на съезде была одобрена программа ФСП к выборам 2022 г., позволяющая оценить изменения в идейно-политическом позиционировании партии²⁰. Главной новацией стала интеграция в партийную доктрину экологических ценностей. Это выразилось в том, что экологические императивы наряду с социальными фигурировали в изложении намерений социалистов по переустройству общества. Если ранее в программах ФСП экология присутствовала лишь как одно, отнюдь не приоритетное, направление политики, то теперь она стала составной частью партийной трактовки сущности социального прогресса. В остальном же система ценностей и принципов партии не претерпела изменений. В программе был даже специальный раздел, в котором обосновывалась верность ФСП идеалам французского социализма²¹.

Логической доминантой программы партии являлась установка на трансформацию общества путем решительной политики, исторически отражавшая идейное своеобразие французского социалистического движения. Стремление к глубокому преобразованию общества выразилось в просматриваемом документе в виде двух глобальных проектов. Первым стал проект экологического перехода, призванный установить новую модель развития социума. Главным принципом этой модели партия назвала «примат жизни над экономикой»²², отступив тем самым от утвердившейся с 1983 г. в программных документах ФСП установки на строгий учет экономических реалий. Вторым направлением трансформации общества была названа всеобъемлющая реализация фундаментальных принципов Французской республики с распространением их действия на все категории населения. Осуществле-

¹⁶Régionales: pour Faure, les Verts n'ont «pas atteint la crédibilité nécessaire pour concourir» à une victoire [Ressource électronique]. URL: <https://www.lefigaro.fr/elections/regionales/regionales-pour-faure-les-verts-n-ont-pas-atteint-la-credibilite-necessaire-pour-concourir-a-une-victoire-20210628> (date de la demande: 30.06.2021).

¹⁷Texte B. De la Renaissance à l'alternance. Olivier Faure [Ressource électronique]. URL: https://www.parti-socialiste.fr/tob_delarenaissance (date de la demande: 19.07.2021).

¹⁸Texte A. Debout les Socialistes. Pour le renouveau! Hélène Geoffroy [Ressource électronique]. 24 p. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/laruchesocialiste/pages/3292/attachments/original/1625731312/TO_A_HG.pdf?1625731312 (date de la demande: 19.07.2021).

¹⁹Idem. P. 5.

²⁰Le projet : «Il est temps de vivre mieux» [Ressource électronique]. 98 p. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/laruchesocialiste/pages/5980/attachments/original/1634117820/LEPROJET_V9.pdf?1634117820 (date de la demande: 08.09.2021).

²¹Idem. P. 18–22.

²²Idem. P. 23.

ние такой политики трактовалось как способ переустройства общества на принципах социальной справедливости и равенства, как средство преодоления общественных противоречий и сплочения нации, а также как альтернатива неолиберальной социальной модели²³. Социалисты ясно высказались за усиление госрегулирования, мотивируя его необходимостью нарастанием социальных проблем и ухудшением экологической ситуации²⁴. Предложения по усилению регулирования коррелировали со сформулированными ФСП в 1990-х гг. функциями государства-стратега, которое определяет главные ориентиры развития и содействует движению в этих направлениях, и государства-защитника, ограждающего общество от негативных последствий рыночной экономики и неолиберальной глобализации.

В то же время в содержании 111 предложений, выдвинутых в программе, не просматривалось стремление вернуться к культуре оппозиции. Таким образом ФСП сохранила выстроенную еще в 1980-х гг. политическую идентичность правительственной левой партии, верной своему идейному наследию, но учитывающей реалии современного общества в своих предложениях и действиях. Одобрение съездом предвыборной программы свидетельствует о том, что такая идентичность поддерживается большинством членов партии.

Итоги съезда 2021 г. стали бесспорным успехом О. Фора, чья деятельность на посту главы ФСП получила широкую поддержку в партийных рядах. Однако рано говорить о том, что он стал «естественным» лидером социалистов и одним из главных политиков левого лагеря. В 2019–2020 гг. он не входил в первую десятку списка политических деятелей, ассоциирующихся с будущим левого лагеря как у французов в целом, так и у сторонников левых сил в частности. О. Фор уступал представителям партии «Непокоренная Франция» и ЕЕЛВ, а среди политиков ФСП его опережали лидеры прошлых лет, а также А. Идальго, которая в 2020 г. в этом списке занимала 2-е место (первенство принадлежало Ж.-Л. Меланшону)²⁵. Также лидер ФСП не считался сильным кандидатом в президенты как сторонниками левого лагеря, так и приверженцами собственной партии.

Заслугой О. Фора можно считать то, что под его руководством ФСП сумела избежать политической изоляции и превращения в микропартию. Вместе с тем социалистам не удалось заметно усилить позиции на национальном уровне и в левом лагере. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что во

всех опросах, касающихся президентских выборов, А. Идальго, избранная в октябре 2021 г. кандидатом ФСП, не имеет шансов на выход во второй тур, а также уступает Ж.-Л. Меланшону и кандидату ЕЕЛВ Я. Жадо.

Кроме того, опубликованный в сентябре 2021 г. опрос агентства *Ipsos* показал, что, по общественному мнению, ФСП не имеет явных преимуществ в сравнении с другими главными партиями²⁶. Социалисты продолжают сохранять в глазах французов солидный управленческий имидж. По такому показателю, как способность управлять страной, ФСП уступает только партии «Республиканцы» и имеет одинаковый рейтинг с партией президента «Вперед, Республика!», опережая ЕЕЛВ и две популистские партии. Такой результат вполне ожидаем, поскольку у социалистов большой опыт в руководстве страной. В то же время ФСП не воспринимается населением как главный защитник интересов французов. По этому показателю она опережает лишь партию «Непокоренная Франция», находится примерно на одном уровне с партией Э. Макрона, но уступает ЕЕЛВ, партиям «Республиканцы» и «Национальный фронт». Аналогичная картина наблюдается и в части поддержки французами проектов развития общества, выдвинутых главными партиями страны.

Несмотря на эти неблагоприятные показатели, руководство ФСП не теряет надежды на успешное выступление социалистов на грядущих общенациональных выборах. Учитывая неожиданные повороты в электоральной истории Франции последней четверти века, целиком исключать такую возможность не следует. Но на момент написания статьи вероятность успеха ФСП, как и всего левого лагеря, выглядит весьма призрачной.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Во-первых, основными направлениями действий ФСП по укреплению политических позиций стали оппозиционность действующей власти, демонстрация левой идентичности партии и стремление социалистов к сплочению левых сил. Во-вторых, главная новация в политической стратегии ФСП – это готовность поступиться партийными интересами во имя единства действий левого лагеря, а в идеологии – включение экологических ценностей в партийную доктрину. В-третьих, ФСП в 2017–2021 гг. сохраняла политическую идентичность правительственной левой партии. Она отказалась от фронтального противостояния с действующей властью и воздержалась от высказываний

²³Le projet : «Il est temps de vivre mieux»... P. 11–12.

²⁴Idem. P. 36.

²⁵Les Français et Jean-Luc Mélenchon. Sondage ELABE pour BFMTV 18 septembre 2019 [Ressource électronique]. URL: https://www.elabe.fr/wp-content/uploads/2019/09/elabe_bfmtv_18092019_les-francais-et-jean-luc-melenchon.pdf (date de la demande: 15.06.2021) ; Les Français et Jean-Luc Mélenchon. Sondage ELABE pour BFMTV 12 novembre 2020 [Ressource électronique]. URL: <https://www.elabe.fr/wp-content/uploads/2020/11/melenchon.pdf> (date de la demande: 15.06.2021).

²⁶Fractures françaises – 2016–2021: un climat pré-présidentielle différent? [Ressource électronique]. URL: <https://www.ipsos.com/fr-fr/presidentielle-2022/fractures-francaises-2016-2021-un-climat-pre-presidentielle-different> (date de la demande: 08.09.2021).

и предложений популистского характера. В-четвертых, ФСП сумела избежать политической изоляции и превращения в микропартию, сохранила

сильные позиции на местном уровне, но так и не смогла заметно усилить авторитет на национальном уровне и сохранить лидерство в левом лагере.

Библиографические ссылки

1. Вершинин АА. Французские социалисты после выборов-2017: новые вызовы для новой партии. В: Клинова МВ, Кудрявцев АК, Рубинский ЮИ, Тимофеев ПП, редакторы. *Франция при президенте Эммануле Макроне: в начале пути: сборник статей по итогам II Всероссийской научной конференции франковедов; 13 октября 2017 г.; Москва, Россия*. Москва: ИНИОН РАН; 2018. с. 92–99.

2. Нарочницкая ЕА. Партийно-политический ландшафт Франции после выборов 2017 г. В: Швейцер ВЯ, редактор. *Свет и тени «эры Макрона»*. Москва: ИЕ РАН; 2019. с. 44–55.

References

1. Vershinin AA. [French socialists after elections-2017: new challenges for a new party]. In: Klinova MV, Kudryavtsev AK, Rubinskii YuI, Timofeev PP, editors. *Frantsiya pri prezidentе Emmanule Makrone: v nachale puti: sbornik statei po itogam II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii frankovedov; 13 oktyabrya 2017 g.; Moskva, Rossiya* [France under president Emmanuel Macron: at the starting point: collection of articles on the results of 2nd All-Russian scientific conference of francoists; 2017 October 13; Moscow, Russia]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2018. p. 92–99. Russian.

2. Narochnitskaya EA. [Party-political landscape of France after elections-2017]. In: Shveitser VYa, editor. *Svet i teni «ery Makrona»* [Light and shadows of the «Macron era»]. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; 2019. p. 44–55. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.11.2021.
Received by editorial board 14.11.2021.

К СТОЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ БГУ

ДА СТАГОДДЗЯ СТВАРЭННЯ БДУ

BELARUSIAN STATE UNIVERSITY CELEBRATES 100th ANNIVERSARY

УДК 378.1\, 14(476)::378.2«1921-2021»

НАУЧНАЯ ШКОЛА РОССИЕВЕДЕНИЯ И УКРАИНОВЕДЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

О. А. ЯНОВСКИЙ¹⁾, В. И. МЕНЬКОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется процесс становления и развития руссиеведения и украиноведения как научной исторической дисциплины и учебного курса в БГУ. Отмечается, что с 1936/37 учебного года можно документально проследить преемственность в изучении и преподавании дисциплины на уровне специальных учебно-научных структур: кафедры истории народов СССР и истории БССР, кафедры истории народов СССР, кафедры истории СССР, кафедры истории СССР досоветского периода, кафедры истории СССР эпохи социализма, кафедры новейшей истории славянских стран (на ее основе была создана кафедра истории южных и западных славян), кафедры российской истории (была сформирована на базе кафедры истории СССР досоветского периода, трансформировалась в кафедру российской и славянской истории, а затем в современную кафедру истории России). Показывается взаимосвязь развития руссиеведения и украиноведения как направления исторического знания и социально-политической обстановки в стране. Демонстрируется роль историков БГУ в формировании национальной структуры исторической памяти, а также

Образец цитирования:

Яновский ОА, Меньковский ВИ. Научная школа руссиеведения и украиноведения в Белорусском государственном университете. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022;1:51–63.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-1-51-63>

For citation:

Yanouski AA, Menkouski VI. Scientific school of Russian and Ukrainian studies at the Belarusian State University. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;1:51–63. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-1-51-63>

Авторы:

Олег Антонович Яновский – кандидат исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета.
Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета.

Authors:

Aleh A. Yanouski, PhD (history), full professor; head of the department of Russian history, faculty of history.
helgoleg@mail.ru
Viachaslau I. Menkouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history.
menkovski@bsu.by

в понимании значимости исторической науки для социума и государства. Характеризуется национальная белорусская историография как значимая составляющая европейской историографии истории России и Украины, описывается ее интеграция в общеевропейский научный процесс изучения стран и регионов. Рассматриваются перспективы белорусского россиеведения и украиноведения на современном этапе, расширение междисциплинарного синтеза в конце XX – начале XXI в. Сделан вывод о превращении россиеведения и украиноведения в одно из ведущих направлений современной исторической науки, входящей в комплекс социальных и гуманитарных научных дисциплин.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; СССР; Республика Беларусь; научная школа; россиеведение; украиноведение; историография; просопография.

НАВУКОВАЯ ШКОЛА РАСІЯЗНАЎСТВА І ЎКРАІНАЗНАЎСТВА Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ

А. А. ЯНОЎСКИ^{1*}, В. І. МЕНЬКОЎСКИ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Аналізуецца працэс станаўлення і развіцця расіязнаўства і ўкраіназнаўства як навуковай гістарычнай дысцыпліны і навучальнага курса ў БДУ. Адзначаецца, што з 1936/37 вучэбнага года можна дакументальна прасачыць пераемнасць у вывучэнні і выкладанні дысцыпліны на ўзроўні спецыяльных вучэбна-навуковых структур: кафедры гісторыі народаў СССР і гісторыі БССР, кафедры гісторыі народаў СССР, кафедры гісторыі СССР, кафедры гісторыі СССР дасавецкага перыяду, кафедры гісторыі СССР эпохі сацыялізму, кафедры навейшай гісторыі славянскіх краін (на аснове яе была створана кафедра гісторыі паўднёвых і заходніх славян), кафедры расійскай гісторыі (была сфарміравана на базе кафедры гісторыі СССР дасавецкага перыяду, трансфармавалася ў кафедру расійскай і славянскай гісторыі, а затым у сучасную кафедру гісторыі Расіі). Паказваецца ўзаемасувязь развіцця расіязнаўства і ўкраіназнаўства як кірунку гістарычных ведаў і сацыяльна-палітычнай сітуацыі ў краіне. Дэманструецца роля гісторыкаў БДУ ў фарміраванні нацыянальнай структуры гістарычнай памяці, а таксама ў разуменні значнасці гістарычнай навукі для соцыуму і дзяржавы. Характарызуецца нацыянальная беларуская гістарыяграфія як грунтоўны складнік еўрапейскай гістарыяграфіі гісторыі Расіі і Украіны, апісваецца яе інтэграцыя ў агульнаеўрапейскі навуковы працэс вывучэння краін і рэгіёнаў. Разглядаюцца перспектывы беларускага расіязнаўства і ўкраіназнаўства на сучасным этапе, пашырэнне міждысцыплінарнага сінтэзу ў канцы XX – пачатку XXI ст. Зроблена выснова аб ператварэнні расіязнаўства і ўкраіназнаўства ў адзін з вядучых напрамкаў сучаснай гістарычнай навукі, якая ўваходзіць у комплекс сацыяльных і гуманітарных навуковых дысцыплін.

Ключавыя словы: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; СССР; Рэспубліка Беларусь; навуковая школа; расіязнаўства; украіназнаўства; гістарыяграфія; прасапаграфія.

SCIENTIFIC SCHOOL OF RUSSIAN AND UKRAINIAN STUDIES AT THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

A. A. YANOUSKI^a, V. I. MENKOUSKI^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Corresponding author: A. A. Yanouski (helgoleg@mail.ru)

The process of formation and development of Russian and Ukrainian studies at the Belarusian State University as a scientific historical discipline and educational course is analysed. It is noted that since the 1936/37 academic year it is possible to find a documented trace of the continuity in the study and the teaching of the discipline at the level of special educational and scientific structures: the department of the history of the peoples of the USSR and the history of the BSSR, department of the history of the peoples of the USSR, department of history of the USSR, department of history of the USSR of the pre-Soviet period, department of the history of the USSR of the era of socialism, department of contemporary history of Slavic countries (based on this department of the history of the Southern and Western Slavs was created), department of Russian history (which was formed on the basis of the department of history of the USSR of the pre-Soviet period, was transformed first into the department of Russian and Slavic history, and then into the modern department of Russian history). The author notes the relationship between the development of Russian studies and Ukrainian studies as a direction of historical knowledge with the socio-political situation in the country, the role of historians of the Belarusian State University in the formation of the national structure of historical memory, understanding the importance of historical science for society and the state. The national Belarusian historiography is characterised as a significant component of the European historiography of the history of Russia and Ukraine, its integration into the general European scientific process of studying countries and regions. The prospects for the development of Russian and Ukrainian studies in Belarus at the present stage, the expansion

of the process of interdisciplinary synthesis in the late 20th – early 21th centuries are considered. The conclusion is made about the transformation of Russian studies and Ukrainian studies into one of the leading areas of modern historical science, which is part of the complex of social and humanitarian scientific disciplines.

Keywords: Belarusian State University; USSR; Republic of Belarus; scientific school; Russian studies; Ukrainian studies; historiography; prosopography.

Введение

Без преувеличения можно утверждать, что становление научной школы руссиеведения и украиноведения в Беларуси совпадает по времени с началом деятельности Белорусского государственного университета. Отсчет развития исторических исследований в этих направлениях следует вести с конца 1921 г. Важной особенностью было то, что российская и украинская история изучалась в тесной взаимосвязи с системным рассмотрением истории Беларуси. У истоков школы стояли первый ректор БГУ В. И. Пичета, его коллеги-историки Д. А. Жаринов, А. А. Савич, М. В. Довнар-Запольский. Буквально с первых дней преподавательской работы в аудиториях университета (по профилю истории и права России и сугубо российской истории) эти незаурядные ученые продолжили начатые исследования и инициировали новые, сопряженные с белорусской проблематикой.

Ярчайшим примером такого гармоничного сочетания уже освоенных научных проблем и сохранения интереса к продолжению их разработки с исследованием истории Беларуси необходимо в числе первых назвать В. И. Пичету. По самым приблизительным подсчетам, в 1903–1910 гг. этот талантливый ученый опубликовал 145 работ, различных по тематике, научной значимости и форме. Так, российской истории посвящена 91 публикация, украинской – 19, истории славянских стран – 19, истории Беларуси – 8 работ (белорусская проблематика была сконцентрирована в магистерской и докторской диссертациях, посвященных аграрной реформе Сигизмунда II Августа в Великом княжестве Литовском). За годы своего ректорства (1921–1930), т. е. в самый активный белорусский период творчества, В. И. Пичета подготовил 149 публикаций (книги, статьи, рецензии, тексты выступлений перед научным сообществом и общественностью и др.), в том числе 73 работы по белорусской проблематике, 32 – по российской, 10 – по украинской, 17 – по славянской [1, с. 20–51].

Говоря о становлении школы руссиеведения и украиноведения в Беларуси в целом и в БГУ в частности, следует учитывать, что названные историки не только занимались научной деятельностью, но и читали белорусским студентам общие лекционные курсы, проводили семинары и спецсеминары по самым разнообразным сюжетам новой и новей-

шей истории России и Украины. Одновременно они несли знания в широкие массы, повышая общеобразовательный, культурный, интеллектуальный уровень белорусов. Так, для А. А. Савича излюбленной темой в преподавательской и популяризаторской работе в первой половине 1920-х гг. были сюжеты становления народного образования и иезуитских школ на украинских землях в XVII в. Д. А. Жаринов известен как крупный специалист в области методики преподавания истории, в том числе российской и украинской. В. И. Пичета, как свидетельствуют архивные документы, преподавал на факультете общественных наук общий курс по истории народного хозяйства России и Беларуси, а также по истории российского и литовско-белорусского права. Его коллега Д. А. Жаринов преподавал российскую историю сначала на факультете общественных наук, а затем на педагогическом факультете. По его инициативе с 1924 г. в университете началось преподавание истории России XIX в. и истории России эпохи крепостного хозяйства XVII–XVIII вв. Тогда же М. В. Довнар-Запольский начал читать курс по истории народного хозяйства России на факультете права и хозяйства. В 1920-х гг. преподавание соответствующих учебных курсов вели такие известные историки, как В. М. Игнатовский, Ф. Ф. Турок, А. Н. Ясинский, В. Д. Дружчиц, Д. И. Довгялло, Н. Н. Щекотихин, И. А. Сербов и др. В их научных предпочтениях явно заметно интерес к российской и украинской истории. Н. Н. Щекотихин свои глубокие познания в области российского искусствоведения положил в основу разработки проблем белорусской культуры.

Мы не ставили задачу дать анализ научных достоинств и недостатков многочисленных работ белорусских историков. Цель нашей статьи – проследить столетнюю эволюцию школы руссиеведения и украиноведения в БГУ в связи с развитием соответствующих институций (главным образом кафедр) и определить максимально широкий круг историков, с именами которых связано исследование и преподавание истории России и Украины (именно поэтому в тексте доминирует просопографический подход). Тем не менее мы обращаем внимание читателя на достаточно большое количество публикаций, в которых изучается научное наследие наших предшественников.

С определенной долей условности эти публикации можно разделить на три группы:

- историографические исследования в контексте жизненных и творческих судеб университетских россиеведов и украиноведов (это ранее изданные тексты, в которых историографический анализ тесно переплетен с рассказом о жизни историков) (см. прил. 1);

- работы, посвященные творчеству уникального историка со всесторонними исследовательскими интересами и первого ректора БГУ В. И. Пичеты (см. прил. 2);

- обобщающие исследования различных (тематически и хронологически) проявлений научной деятельности университетских историков и институций (см. прил. 3).

Методология исследования

Для современного исторического знания характерны повышенный интерес к теоретико-методологическим проблемам истории, поиск альтернативных концепций интерпретации прошлого, отказ от заданных идеологических схем и одномерных трактовок. В связи с этим усилено внимание к проблемам теории и методологии истории, занимающим все более значимое место в системе исторического знания. Поиск новых подходов к историческому исследованию происходит на уровне определения структуры, задач и методов работы (теоретико-методологический уровень), анализа конкретных историографических проблем, осмыс-

ления различных исторических концепций и их персоналий, изучения исторического сознания общества.

При подготовке статьи использован просопографический метод создания коллективных биографий. Просопография применяется как специальная историческая дисциплина, которая изучает жизненные и творческие биографии исторических лиц, относящихся к конкретной эпохе, территории, организации. В нашем случае единство биографий определяется принадлежностью работавших в разных общественно-политических условиях ученых-историков к БГУ.

Основная часть

В годы первой волны белорусизации рождалась национальная историография. Изначально белорусская история в учебных курсах того времени рассматривалась как часть истории России, постепенно приобретая статус самостоятельной учебной дисциплины и области исторических исследований. Правда, уже со второй половины 1930-х гг. она вновь стала трактоваться как нераздельная часть общей истории СССР, что выразилось прежде всего в отсутствии в университете до конца 1950-х гг. самостоятельной кафедры истории Беларуси (БССР). Как отмечалось, на начальном этапе истории БГУ изучалась преимущественно российская история XIX – начала XX в., хотя и В. И. Пичета, и Д. А. Жаринов прилагали немало усилий для того, чтобы учебные программы историков углубились в древность, а предметом пытливого ума студентов стала белорусская и российская история более ранних эпох. Однако в те годы древность фиксировалась в лучшем случае XVII в. (за счет оригинальных семинаров, которые предлагались студентам).

Период 1920–30-х гг. Несмотря на относительную либеральность учебных программ, 1920-е гг. не отличались стабильностью в преподавании: постоянно менялся состав предметных комиссий, происходил поиск оптимального набора учебных курсов, преобразовывалась структура университета, не говоря уже о содержании и составе учебных курсов. Позднее, в октябре 1931 г., преподавание истории России было оформлено в организационную структуру современного типа – кафедру истории наро-

дов СССР. И почти сразу в связи с выделением из структуры БГУ в 1930–1931 гг. пяти самостоятельных институтов преподавание российской и украинской истории переместилось в стены созданного Белорусского государственного высшего педагогического института (далее – пединститут), образованного на основе университетского педагогического факультета. В нем преподавание данных курсов было ощутимо сокращено, а акцент делался на изучении истории революции и революционных преобразований со все нарастающей идеологической составляющей нарративного материала.

Можно констатировать, что на рубеже 1920–30-х гг. история России и Украины вместе с гуманитарными отделениями педагогического факультета БГУ «ушла» в пединститут. Преподавательскую работу в нем осуществляли в большинстве своем представители нового поколения историков. Они, правда, в сравнении с первыми университетскими россиеведами и украиноведами, не отличались большой активностью в научном плане, хотя преподавательскую карьеру начали в БГУ, а в пединституте составили коллектив отдельной кафедры истории России. Их коллеги-учителя были буквально вытеснены из стен университета и Беларуси вообще. С конца 1920-х гг. и на протяжении последующих предвоенных и послевоенных лет курсы российской истории (разумеется, в скором времени в подаче через историю СССР) читали сначала в БГУ, а потом в пединституте В. Ю. Гессен, М. А. Поташ, М. Б. Югов, И. Т. Пшеничный, Е. И. Корнейчик, М. Д. Мельцер,

С. М. Равнополец и др. Непосредственно перед разукрупнением университета в 1929 г. из Москвы и Ленинграда, по свидетельству отрывочных архивных данных, приезжали «читать русскую историю» постоянные авторы (как и М. Б. Югов) журнала «Историк-марксист» С. А. Пионтковский, А. И. Малышев и др.

И только со второй половины 1930-х гг. и В. И. Пичета, и А. А. Савич вновь стали востребованы в БГУ уже как специалисты-белорусоведы. В связи с этим следует обратить внимание на непреложный факт: научная квалификация первых университетских русистов и украинистов позволила развернуть в Беларуси и масштабные исследования проблем отечественной истории. Здесь важнейшую роль сыграл В. И. Пичета, вокруг которого в 1920-х гг. сложилась полноценная научная школа историков-белорусоведов.

Знаковым рубежом в развитии научной исторической школы стал 1934 г. – год начала не только системной подготовки историков в Беларуси на отдельном университетском историческом факультете, но и акцентированного внимания к российской истории на одной из трех кафедр факультета – кафедре истории народов СССР. Фактически ее оформление произошло в 1935/36 учебном году. Тогда еще немногочисленный штат кафедры осуществлял также преподавание и изучение именно белорусской истории, что, по сути, было важнейшим направлением ее деятельности. Неоднократные попытки создания отдельной кафедры истории БССР увенчались успехом лишь в сентябре 1958 г.

Общая ситуация с состоянием дел в историческом образовании и науке БССР была обсуждена на I Всебелорусской конференции историков, которая 8 января 1935 г. начала работу на только что созданном историческом факультете БГУ. Краткий отчет о важнейших вопросах, которые обсуждали ее участники, опубликовал в союзном журнале «Борьба классов» декан исторического факультета БГУ академик Белорусской академии наук В. К. Щербаков. Приведем некоторые факты и цифры. Так, В. К. Щербаков не без горечи констатировал, что в вузах и научных учреждениях БССР работает всего лишь 92 историка, из которых 35 составляют аспиранты. В их числе 14 историков народов СССР, 15 историков Беларуси, 19 историков народов Запада, 27 историков ВКП(б) и КП(б)Б, 4 историка древней истории. Свои диссертации готовят 5 аспирантов по истории СССР, 3 – по белорусской истории, 1 – по истории Запада, 3 – по истории Древнего мира. С сожалением было отмечено и то, что доклад по проблеме преподавания и изучения истории СССР был сорван, как и то, что российские коллеги не сочли возможным откликнуться на приглашение поучаствовать в конференции, хотя от них «ожидалась большая помощь историкам, работающим в Белоруссии». Тем более

что одна из самых острых дискуссий на конференции развернулась по вопросу о том, следует преподавать белорусскую историю как самостоятельный курс или изучать ее в рамках общего курса истории народов СССР. В связи с этим В. К. Щербаков отметил, что в текущем, 1934/35 учебном году в школах «ошибочно не были включены вопросы по истории Белоруссии» [2, с. 121–122].

Если в научном плане история Беларуси в эти сложные годы несколько превалировала над российской и украинской проблематикой, то в вузовском преподавании безусловный приоритет был за историей народов СССР, в которой доминировала российская история от древности до XX в. Поэтому неудивительно, что для чтения лекций по этому объемному курсу в БГУ приглашались молодые московские и ленинградские историки, впоследствии ставшие в СССР большими авторитетами-русистами (В. В. Мавродин, Е. А. Мороховец, К. В. Бахрушин, В. Н. Бочкарев и др.). Так, В. В. Мавродин, по сути, стал первым заведующим университетской кафедрой истории СССР, хотя работал в Минске наездами из Ленинграда. В политической и образовательной ситуации на тот момент подготовка и защита в марте 1939 г. деканом исторического факультета БГУ А. П. Пьянковым первой кандидатской диссертации по проблеме средневековой истории Руси стали неким феноменом, определившим возрождение традиций 1920-х гг. Тема диссертации была академической и необычной для белорусских научных реалий: «Феодальное общество Верхнего Поволжья в XII–XIII вв.».

Известно, что в 1936/37 учебном году в БГУ уже была кафедра с двойным функциональным предназначением – кафедра истории народов СССР и истории БССР. Затем ее на очень короткий срок разделили на два подразделения. Кафедру формально возглавил в будущем известный российский историк-медиевист В. В. Мавродин. Он работал в Ленинграде и лишь эпизодически бывал в Минске. Только с приездом в Минск выпускника Пермского государственного университета А. П. Пьянкова можно говорить о начале системной, полноценной организации кафедральной деятельности как учебно-научного подразделения БГУ. А. П. Пьянков достаточно продолжительное время являлся не только деканом исторического факультета, но и возглавлял кафедру истории СССР (1937–1941, 1947–1951). В сложных условиях продолжавшейся войны и послевоенного восстановления кафедрой заведовал (1944–1947) А. А. Савич, которого буквально упростили вернуться в Минск и включиться в написание труда «История Белорусской ССР», подменив в этом сложном деле В. И. Пичету, посчитавшего невозможным сотрудничать со своими белорусскими коллегами из-за неприятия идеологических установок ЦК КП(б)Б.

В обстоятельствах 1930–50-х гг. история СССР понималась широко, но воплощала в большей степени историю древней и советской России, которая сплотила вокруг себя союз братских народов. Характерно, что тогда курс истории народов СССР трансформировался в курс истории СССР и признавался самой важной исторической дисциплиной, преподавание которой осуществлялось в разных объемах на всех факультетах БГУ. В целом объем работы на кафедре был большой. Например, в предвоенные годы только по специализации «история СССР» на 4-м курсе отводилось 1210 ч, распределенных по 16 спецкурсам (как обязательным, так и по выбору студентов). Кроме того, студенты должны были прослушать 8 факультативных курсов общим объемом 100 ч. На 5-м курсе акцент по этой специализации делался на изучении вспомогательных исторических дисциплин. Студентам-выпускникам необходимо было прослушать историю одной из республик СССР, а также несколько факультативов. Напряженной была учебная нагрузка и аспирантов кафедры: согласно их учебным планам на написание и научную апробацию диссертации отводилось 2500 ч, а на углубленное изучение истории России и СССР – 2200 ч. Уже в 1938 г. на кафедре истории народов СССР занимались 9 аспирантов, а в 1941 г. – 6.

Кафедра истории народов СССР обеспечивала преподавание «самой важной исторической дисциплины» и на других факультетах БГУ, хотя кадровый вопрос все годы стоял остро. При историческом музее факультета силами кафедры был создан отдел истории народов СССР и БССР, материалы для которого привозились из разных уголков России, в первую очередь из Причерноморья (так как утвердилась практика командирования групп студентов-историков), а также с других факультетов, где читались курсы истории СССР, для ознакомления с городами и известными местами РСФСР.

Во все времена эту кафедру представляли талантливые преподаватели, которые и ныне воплощают ее суть и дух, но уже на современной кафедре истории России. Так, в 1936–1941 гг. историю народов СССР в БГУ преподавали штатные сотрудники кафедры А. П. Пьянков, Д. А. Дудков, И. Ф. Лочмель, И. Т. Пшеничный, Е. И. Корнейчик и др., а также приезжавшие из Москвы и Ленинграда российские историки. В сложный период работы университета в эвакуации на подмосковной станции Сходня (1943–1944) увлекательные лекции читали Б. Д. Греков, А. М. Панкратова, И. И. Полосин, Н. М. Дружинин и другие московские историки. Великая Отечественная война была трудным периодом и для БГУ в целом, и для исторического факультета и кафедры истории народов СССР в частности. Многие студенты и преподаватели ушли на фронт, сражались за Родину и погибли.

Период 1940–90-х гг. После возвращения БГУ в августе – сентябре 1944 г. в Минск началось по-

степенное восстановление университета. На рубеже 1940–50-х гг. на кафедру пришло работать поколение преподавателей, подготовленное самим историческим факультетом БГУ. Среди них не было тех, кого бы не затронула своим огненным дыханием война: А. И. Кожушков, С. Г. Скопцов, В. В. Шацилло, А. И. Сидоренко, Ю. И. Драгун, Л. Т. Мирончиков, П. З. Савочкин, И. М. Игнатенко, Л. С. Абецдарский, М. П. Баранова, М. Б. Фридман, Л. А. Михайловский, Я. П. Науменко, Ф. И. Адашик, В. А. Титок и др.

Новую генерацию преподавателей в сентябре 1951 г. возглавил выпускник кафедры, фронтовик Л. С. Абецдарский. Он сменил уехавшего в Могилёв А. П. Пьянкова. Кстати, А. П. Пьянков первым среди историков БГУ в мае 1948 г. защитил докторскую диссертацию по сугубо россиеведческой теме «Очерки по истории феодальных отношений в Северо-Восточной Руси и до начала XVI века». В то время кафедра осуществляла подготовку специалистов не только по российской истории (истории СССР), но и по истории БССР. В октябре 1958 г. заведующим кафедрой истории СССР был назначен декан исторического факультета П. З. Савочкин (ранее с 1955 г. заведующим являлся будущий академик АН БССР И. М. Игнатенко, специалист в вопросах разворачивания революционных событий 1917 г. в Беларуси). Потенциал кафедры возрастал, все больше ее выпускников приходили в научную, вузовскую жизнь, становились общественными деятелями. В октябре 1974 г. дееспособный и большой коллектив кафедры истории СССР, сплоченный послевоенным поколением историков во главе с П. З. Савочкиным, был разделен на два подразделения, что соответствовало углублению специализации: отдельными направлениями стали история СССР в досоветский период и история СССР в советское время.

С 1950-х гг. кафедра постоянно пополнялась своими же выпускниками, которые успешно занимались наукой, защищали кандидатские и докторские диссертации, писали научные работы. Не прекращался приток новой научной «крови» и извне. Так, в 1976 г. на работу в БГУ из г. Горького (современный Нижний Новгород) переехал и начал успешную деятельность уроженец Минска И. В. Оржеховский, ученик известного исследователя общественно-политической истории России XIX в. П. А. Зайончковского. Вскоре, после смерти П. З. Савочкина, он возглавил кафедру. Новый заведующий сумел создать творческую атмосферу, делился знаниями и опытом, поддерживал тесные научные контакты с историками из России (в особенности из Москвы и Ленинграда). При его поддержке и доброжелательном отношении прошли защиты кандидатских диссертаций М. Ф. Чудаева, В. В. Сергеевской, О. А. Яновского, Л. Л. Михайловской, Ю. А. Блашкова, О. А. Симаковой, Н. Е. Клепикова и др.

В 1970–80-х гг. преподавание и исследование российской и отчасти украинской истории вопло-

щали указанные кафедры, созданные в 1974 г. В наибольшей степени российская история изучалась и исследовалась на кафедре истории СССР досоветского периода. В то время на ней работали доценты Н. Е. Абылова, Ф. И. Адашик, М. П. Баранова, Ю. И. Драгун, С. Б. Жарко, И. В. Каменская, А. И. Кожушков, Д. И. Лазарева, Л. Т. Мирончиков, Я. П. Науменко, С. В. Позняк, О. А. Симакова, Н. М. Тимоховцев, М. Б. Фридман, О. А. Яновский, а также преподаватели А. У. Колымага, Л. А. Москалшенко и Ж. Б. Чепя. Другой кафедрой, продолжавшей традиции общей кафедры истории СССР, стала кафедра истории СССР эпохи социализма. На протяжении 1974–1988 гг. ею заведовал доцент И. А. Литвиновский. На кафедре работали В. А. Андрухович, П. К. Кравченко, Л. А. Михайловский, К. И. Осипов, Е. Ф. Савчук, А. П. Сальков, В. Н. Сидорцов, М. Э. Чесновский, Н. А. Царюк.

Период 1980-х – начала 1990-х гг. был примечателен в истории кафедр: во-первых, перестройка и гласность открыли новые возможности, активно стали дискутироваться сложные вопросы, изменился характер преподавания дисциплин, а также содержательное наполнение учебных курсов; во-вторых, вслед за структурными преобразованиями менялся состав преподавателей кафедры, но не в ущерб традициям и преемственности. В 1990-х гг. кафедры находились в состоянии поиска своей ниши в белорусской суверенной исторической науке. В то время белорусская история, ставшая по-настоящему отечественной, вышла на первые позиции, а российская и славянская история должна была обеспечивать ее широким фактическим и смысловым контекстом. Со временем, однако, стало очевидно, что российская, украинская и славянская исторические составляющие очень различны. Как, впрочем, очень разнятся исторические судьбы десятков этносов, являющих собой уникальность российского народа и столетиями впитывающих мощную русскую государственность и культуру.

Стало понятно, что совмещение российской и славянской истории в деятельности кафедр непродуктивно. После некоторых экспериментов по реформатированию кафедральной структуры в июне 1998 г. были созданы отдельные кафедры – истории России и истории южных и западных славян. Их преподавательский состав сформировали на основе учета творческих интересов и возможностей сотрудников прежних кафедр. Решение сняло те противоречия в преподавании и научной специализации, которые ранее имелись в конгломерате общей славянской истории.

Состав новой кафедры истории России на первых порах был сформирован из преподавателей прежних подразделений. Ее членами стали профессор И. В. Оржеховский, доценты Н. Е. Аблова, Ю. А. Блашков, О. В. Бригадина, С. Б. Жарко, И. В. Каменская,

И. А. Литвиновский, В. И. Меньковский, С. В. Позняк, Е. Ф. Савчук, В. В. Сергеенкова, Н. М. Тимоховцев, М. Ф. Чудаев, старший преподаватель Ж. Б. Чепя. В дальнейшем кафедра пополнялась как из числа собственных выпускников, так и из числа выпускников других вузов. Так, на рубеже XX–XXI вв. на кафедру пришли Г. А. Болсун (выпускница Костромского государственного педагогического института имени Н. А. Некрасова) и С. Л. Луговцова (выпускница Минского государственного педагогического института имени Максима Танка). Кафедральные аспиранты О. И. Ершова, В. А. Кохнович, Г. А. Петаченко, С. Н. Темушев, М. А. Шабасова, Е. К. Шимак после успешной защиты диссертаций влились в штат кафедры, стали доцентами и своей научной квалификацией усилили ряды медиевистов и новистов российской истории. Созданную кафедру возглавил декан исторического факультета доцент О. А. Яновский. С 1982 г. и по настоящее время огромную организационно-методическую работу, объединяющую научные и педагогические усилия преподавательского коллектива, на высоком профессиональном уровне проводит ведущий специалист по обеспечению учебного процесса кафедры Н. А. Гонтаренко.

Период 1990–2020-х гг. В последующее время учебно-методические усилия кафедры истории России сосредоточились на создании учебных курсов и обеспечении преподавания собственными учебно-методическими материалами. Особенностью деятельности кафедры истории России стало изучение российской истории в широком евро-азиатском контексте, во взаимодействии с историей соседних государств и народов. Поэтому с момента создания кафедра обратилась к разработке учебных материалов по истории Украины, сотрудники целенаправленно начали исследовать научные проблемы украинской истории, а аспиранты (В. А. Кохнович, А. С. Ярмоленко и др.) готовить диссертации по украинской тематике. По инициативе молодого коллектива в университетском преподавании в Беларуси был введен общий курс «История России и Украины». На самой же кафедре наряду с этим курсом (он преподается студентам-историкам на протяжении пяти семестров) в рамках специализации читается ряд авторских курсов по проблемам украинской истории. Уже в 2002 г. доцент С. В. Позняк разработал и издал курс лекций по истории Украины [3]. В 2019 г. впервые в Беларуси вышло учебное пособие для студентов университетских исторических факультетов по истории Украины от древнего времени до начала XX в. [4]. Его авторы доценты С. Л. Луговцова, В. А. Кохнович и С. Н. Темушев не только первыми проследили важнейшие этапы и процессы формирования украинской нации и украинской государственности на основе богатого количества источников, но и предложили студентам развернутый методический материал, чтобы

облегчить усвоение многочисленных фактов, процессов, смысловых парадигм. Пособие написано на белорусском языке, что отражает работу кафедры на двух потоках отделения истории – русскоязычном и белорусскоязычном.

Важнейшим достижением кафедры за последние годы стало издание учебных пособий, авторами которых являются почти все преподаватели. В этих пособиях отражена вся история Руси (России и Украины) с древности до настоящего времени. Так, в 2005 г. под редакцией В. И. Меньковского и О. А. Яновского с грифом Министерства образования Республики Беларусь вышло учебное пособие¹, а также двухтомник по современной российской историографии².

Под редакцией О. А. Яновского изданы фундаментальные учебные пособия, в написании которых участвовали коллеги из Института истории НАН Беларуси³. Еще более конкретизирована украинская составляющая читаемого кафедрой большого учебного курса в учебном пособии с грифом учебно-методического объединения (УМО) Республики Беларусь⁴. В 2012 г. опубликовано объемное учебное пособие с грифом УМО по истории России и Украины с IX до конца XVIII в.⁵ Новые исторические факты и их прочтение отразило учебное пособие, изданное под редакцией В. И. Меньковского, В. В. Сергеевской и О. А. Яновского⁶.

Востребованным сопровождением многогранной исследовательской и преподавательской работы сотрудников кафедры истории России стал трехтомник⁷, в котором представлены очерки о многих сотнях известных и малоизвестных деятелей российской и украинской истории, что позволяет оживить учебные темы общего курса «История России и Украины». Новым словом не только для белорусских историков и университетских преподавателей стало издание в 2011 г. учебного пособия (с грифом УМО) по разработанному профессором О. А. Яновским курсу «Университетоведение»⁸. Этот курс ставит задачу введения первокурсников всех факультетов БГУ и в специальность, и в огромный и удивительный мир университета.

Коллектив кафедры истории России чтит традиции и хранит память о своих предшественниках. Так, 30 апреля 2010 г. кафедра провела вечер воспоминаний «Настаўнік, перад імем тваім... (кафедра гісторыі Расіі ў асобах: 1921–2010 гг.)», посвящен-

ный памяти коллег – представителей разных поколений: В. И. Пичеты, Д. А. Жаринова, А. А. Савича, А. П. Пьянкова, Л. С. Абецедарского, П. З. Савочкина, И. В. Оржеховского, А. И. Кожушкова, М. П. Барановой, Я. П. Науменко, Ю. И. Драгуна, И. В. Каменской, С. В. Позняка, Н. М. Тимоховцева и др. На заседании круглого стола «Наша шчырая павага – чалавеку, гісторыку, настаўніку, дэкану: да 100-годдзя з дня нараджэння Пятра Захаравіча Савачкіна», состоявшемся 18 октября 2011 г., воспоминаниями о выдающемся ученом поделились преподаватели кафедры и факультета, также прозвучали сообщения по отдельным научным проблемам.

В 1990–2020-х гг. сотрудники кафедры плодотворно занимались подготовкой кадров высшей квалификации. Так, под руководством профессоров О. А. Яновского и В. И. Меньковского, доцентов В. В. Сергеевской, С. В. Позняка и Ю. А. Блашкова за немногим более 20 лет деятельности кафедры истории России подготовили и защитили кандидатские диссертации около 30 аспирантов (Е. В. Баранова, В. И. Бобышев, И. А. Валаханович, А. А. Гороява, А. Д. Гронский, М. А. Гулюк, А. Б. Елисеев, О. И. Ершова, С. Б. Жихарев, А. В. Кашеев, И. А. Качалов, А. А. Киселёв, В. А. Кохнович, Д. С. Лавринович, А. Н. Максимчик, Д. А. Мартинович, М. И. Матюшевская, Л. А. Москаленко, Г. А. Петаченко, Ф. В. Подберёзкин, Е. Г. Сакович, А. Л. Самович, Ю. В. Ситкевич, П. Д. Скурко, Н. А. Сугако, С. Н. Темушев, В. Н. Темушев, А. А. Хотеев, М. А. Шабасова, Е. К. Шимаков и др.). Некоторые из них пополнили штат кафедры, другие успешно работают в университетах Беларуси и России. Четверо выпускников кафедры защитили докторские диссертации (Д. С. Лавринович, А. В. Мартынюк, А. Л. Самович, С. Н. Темушев). Так, доцент кафедры С. Н. Темушев при научном консультировании профессора В. И. Меньковского подготовил докторскую работу по истории формирования финансовой системы Древней Руси и в декабре 2021 г. успешно защитил ее в БГУ.

Научно-исследовательские интересы сотрудников кафедры истории России обращены к разнообразным научным направлениям: истории высшей школы и образования, просопографии, политической истории русских земель (от древности до настоящего времени), истории русской культуры, социальной и экономической истории России и Украины, историографии исследований советского общества

¹История России. XX век / под ред. В. И. Меньковского, О. А. Яновского. Минск : РИВШ, 2005. 704 с.

²Современная российская историография : в 2 ч. / под ред. В. И. Меньковского. Минск : РИВШ, 2009.

³Всеобщая история России с древнейших времен до конца XVIII века / под ред. О. А. Яновского. М. : Эксмо, 2008. 592 с. ; История России: Новое и Новейшее время / под ред. О. А. Яновского. М. : Эксмо, 2010. 784 с. (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

⁴История России и Украины (XIX – начало XX в.) : в 2 ч. / под ред. В. В. Сергеевской [и др.]. Минск : БГУ, 2008–2010.

⁵История России и Украины (с древнейших времен до конца XVIII в.) / под ред. О. А. Яновского. Минск : БГУ, 2012. 503 с.

⁶История России и Украины (XX – начало XXI в.) / под ред. В. И. Меньковского [и др.]. Минск : БГУ, 2020. 287 с.

⁷Кортеж российской власти. IX–XXI века : в 3 ч. / под ред. О. А. Яновского. Минск : РИВШ, 2013–2014.

⁸Университетоведение / под ред. О. А. Яновского. Минск : БГУ, 2011. 343 с.

и России в англоязычном и русскоязычном научном мире, истории внешней политики России и Советского Союза, политической истории России и Украины в Средневековье и Новое время, истории общественных движений, истории регионов, краеведению и др. Много говорит в пользу того, что исследовательская, научно-издательская, популяризаторская деятельность кафедры плодотворна. Так, ее сотрудники совместно с представителями кафедры истории южных и западных славян в 2004–2016 гг. подготовили научный сборник «Российские и славянские исследования», который стал популярным не только среди отечественных, но и зарубежных ученых.

В последние 20 лет научная тематика кафедры разрабатывалась во многом в рамках пятилетних государственных комплексных программ исследований. Подзадания в них выполняли и продолжают выполнять творческие коллективы под руководством профессоров О. А. Яновского и В. И. Меньковского и доцента С. Н. Темушева.

При поддержке государственных программ были подготовлены и изданы монографии профессоров О. А. Яновского⁹, В. И. Меньковского¹⁰, доцентов М. А. Шабасовой¹¹, С. Н. Темушева¹², Г. А. Петаченко¹³, В. А. Кохнович¹⁴ и др. Также разрабатывается коллективная (нефинансируемая) научная тема «Внешнеполитические факторы в формировании эволюции российской государственности в период позднего Средневековья, Нового и Новейшего времени».

Плодотворно развивается сотрудничество кафедры истории России с учебными заведениями и общественными организациями Беларуси и зарубежья. Примером могут служить творческие проекты, которые реализованы совместно с Представительством Россотрудничества в Республике Беларусь, Белорусским общественным объединением украинцев «Ватра», Институтом истории НАН Беларуси, Республиканским институтом имени Конфу-

ция, Белорусским государственным педагогическим университетом имени М. Танка, Могилёвским государственным университетом имени А. Кулешова, гимназией № 21 г. Минска и многими другими организациями образования, науки и культуры. Примером эффективного сотрудничества стало участие заведующего кафедрой профессора О. А. Яновского в VI Всероссийском совещании деканов и заведующих кафедрами исторических факультетов вузов России (7–8 декабря 2011 г.), организованном Институтом всеобщей истории РАН, где он выступил с докладом об опыте и традициях преподавания истории России в университетах Беларуси. Все без исключения сотрудники кафедры ежегодно принимают участие в международных и республиканских конференциях, научных круглых столах. Немало масштабных научных встреч организуется самой кафедрой истории России. В последнее время совместно с кафедрой источниковедения инициировано ежегодное проведение Пичетовских чтений, каждое из которых посвящено той или иной научной проблематике в русле российской, украинской и белорусской истории. Например, в 2019 г. темой стали проблемы университетской науки и исторического образования, в 2020 г. – войны в истории человечества, а в 2021 г., юбилейном для БГУ, участникам предложен широкий выбор демонстрации своих исследовательских наработок в контексте сопряжения со столетней историей первого университета Беларуси.

Сотрудники кафедры постоянно участвуют в рецензировании различных научных работ, проводят экспертизы кандидатских и докторских диссертаций белорусских, российских и украинских исследователей, редактируют учебные пособия, разрабатывают учебные материалы для средней школы. Ученые кафедры являются авторами и соавторами всех изданных в республике в 1993–2021 гг. учебников по всеобщей истории для 5–11-х классов.

⁹Яноўскі А. А., Зельскі А. Г. Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў біяграфіях яго рэктараў. Мінск : БДУ, 2001. 320 с. ; Федосик В. А., Яновская В. В., Яновский О. А. Мученичество в раннем христианстве: очерк исторического восприятия. Минск : Белорус. православ. церковь, 2011. 255 с. ; Федосик В. А., Яновский О. А., Яновская В. В., Торканевский А. А. Рим и христианские мученики (реалии античности и духовная традиция). Минск : БГУ, 2012. 171 с. ; Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–2021) / под общ. ред. А. Д. Короля ; науч. ред. О. А. Яновский. Минск : БГУ, 2021. 319 с.

¹⁰Меньковский В. И. История и историография: Советский Союз 1930-х гг. в трудах англо-американских историков и политологов. Минск : БГУ, 2007. 359 с. ; Berdinskikh V. A., Menkovskiy V. I., Zherebtsov I. L. GULAG: ideology and economy of forced labour in the XX century. Banska Bystrica : Belianum, 2017. 192 p. ; Meerovich M. G., Menkouski V. I., Zherebtsov I. L. «Socialist city» idea and its realization in the Soviet Union 1920's and 1930's. Banska Bystrica : Belianum, 2019. 154 p. ; Menkouski V., Šmigel' M., Dubinka-Hushcha L. «The Hunger Games»: Ukrainian famine of 1932–33 in history, historiography and historical policy. Banska Bystrica : Belianum, 2020. 270 p.

¹¹Меньковский В. И., Уль К., Шабасова М. А. Советский Союз 1930-х гг. в англоязычной историографии. Сыктывкар : Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2013. 222 с.

¹²Темушев С. Н. Начало Руси: генезис государственности в источниках и исторической традиции. Минск : БГУ, 2008. 158 с. ; Он же. Налоги и дань в Древней Руси. Минск : БГУ, 2015. 279 с. ; Он же. Образование Древнерусского государства. 4-е изд. М. : Квадрига, 2020. 352 с.

¹³Петаченко Г. А. Советская высшая школа 1918–1929 гг. История повседневности. Саарбрюккен : Lambert Acad. Publ., 2014. 170 с.

¹⁴Кохнович В. А. Хозяйство в имениях на Полесье в 1861–1914 гг. Саарбрюккен : Lambert Acad. Publ., 2015. 356 с.

Таким образом, в Беларуси сложилась авторитетная научная школа россиеведов и украиноведов, основы которой закладывались с момента образования БГУ, но в полной мере закреплены в годы суверенного развития Республики Беларусь. Сегодня

ученые кафедры истории России исторического факультета БГУ развивают достигнутое, строят творческие планы, продолжают исследования в востребованных общественно-политическими реалиями направлениях.

Заключение

Приведем краткую хронику институционализации исследований по российской и украинской истории в БГУ. С 1936/37 учебного года можно документально проследить преемственность в изучении и преподавании дисциплины на уровне специальных учебно-научных структур (кафедр): кафедры истории народов СССР и истории БССР (1936–1937), кафедры истории народов СССР (1937–1953), кафедры истории СССР (1953 – сентябрь 1974 г.), кафедры истории СССР досоветского периода (сентябрь 1974 – август 1991 г.), кафедры истории СССР эпохи социализма (сентябрь 1974 – август 1991 г.), кафедры новейшей истории славянских стран (август 1991 – июнь 1998 г.; на ее основе в июне 1998 г. была создана кафедра истории южных и западных славян), кафедры российской истории (август 1991 – январь 1992 г.; была сформирована на базе кафедры истории СССР досоветского периода, трансформировалась сначала в кафедру российской и славянской истории (январь 1992 – июнь 1998 г.), а затем в современную кафедру истории России (с 8 июня 1998 г.)).

Говоря о перспективах белорусского россиеведения и украиноведения, обратим внимание прежде всего на необходимость развития и укрепления

творческих научных связей с российскими и украинскими коллегами. В условиях, когда прошлое стало настолько важным для модерности, история перестала быть предметом только научных дискуссий и выступает полем идеологической борьбы, политической конкуренции, псевдопатриотической демагогии, т. е. всего того, что вошло в понятие «бои за историю». На первый план вышли историческая политика, инструментальное использование истории (или коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций) в политических целях.

История представляется обществу и начинает восприниматься им не как наука, а как средство манипуляции, форма произвольного объяснения и оправдания современной политики. Соответственно формируется и отношение общества к корпорации историков. Чтобы выйти из этой ситуации, нужны совместные усилия ученых по минимизации одностороннего восприятия и упрощенной интерпретации истории народов и государств соседних стран. В этом случае история (и в форме исследования, и в форме преподавания) становится основой взаимоуважения к общему сложному прошлому и не менее сложному настоящему.

Приложение 1

Яновский О. А. Экзамены на выживание у суровой «учительницы жизни» (к 120-летию со дня рождения Александра Антоновича Савича) // Рос. и слав. исслед. 2010. Вып. 5. С. 281–301.

Литвиновский И. А., Ходин С. Н., Яновский О. А. «Недаром на истфаке он глава...» (к 100-летию со дня рождения декана исторического факультета БГУ Петра Захаровича Савочкина) // Рос. и слав. исслед. 2011. Вып. 6. С. 235–248.

Яновский О. А. Памяти белорусского историка-медиевиста Виктора Николаевича Темушева (04.03.1975–23.06.2011) // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск : РИВШ. 2012. Вып. 4. С. 316–320.

Яноўскі А. А., Ходзін С. М., Кахановіч А. Г. Жыццёвыя і творчыя карані дэкана гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта // Пр. гіст. фак. БДУ. 2013. № 9. С. 218–240.

Яновский О. А., Меньковский В. И. Заинтересованное прочтение монографии и автореферата докторской диссертации // КЛИО. Журн. для ученых. 2013. № 4. С. 134–137.

Яноўскі А. А. Наперадзе «загонаў» беларускіх савецкіх гісторыкаў // Беларус. думка. 2016. № 6. С. 74–81.

Яновский О. А. От Днепра до Волги, или Векторы судьбы профессора Николая Николаевича Кравченко // История и ист. память. 2015. № 12. С. 248–280.

Яноўскі А. А. Іван Апанасавіч Літвіноўскі // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 125–127.

Яновский О. А. Василий Карпович Щербаков. Организатор исторического образования в Беларуси // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / под общ. ред. С. В. Абламейко ; науч. ред. О. А. Яновский. Минск : БГУ, 2017. С. 197–209.

Яновский О. А. Николай Николаевич Кравченко. Основатель отечественных школ изучения международного права и истории международных отношений // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / под общ. ред. С. В. Абламейко ; науч. ред. О. А. Яновский. Минск : БГУ, 2017. С. 285–293.

Яновский О. А. Александр Антонович Савич. Выдающийся россиевед и украинист, основатель научной школы изучения восточнославянской истории XVII–XVIII вв. // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники бело-

русской науки и высшего образования (1919–1961) / под общ. ред. А. Д. Короля ; науч. ред. О. А. Яновский. Минск : БГУ, 2019. С. 178–191.

Яновский О. А. Алексей Петрович Пьянков. Основоположник научной школы восточнославянской исторической медиэвистики // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961) / под общ. ред. А. Д. Короля ; науч. ред. О. А. Яновский. Минск : БГУ, 2019. С. 323–333.

Яновский О. А. Лаврентий Семенович Абецедарский. Организатор системного преподавания истории Беларуси, автор и редактор первых послевоенных учебников по отечественной истории // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1981) / под общ. ред. А. Д. Короля ; науч. ред. О. А. Яновский. Минск : БГУ, 2020. С. 151–167.

Яновский О. А. Петр Захарович Савочкин. Историк-россиевед, белорусист и славист, организатор исторического образования и разноплановых научных исследований // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1981) / под общ. ред. А. Д. Короля ; науч. ред. О. А. Яновский. Минск : БГУ, 2020. С. 179–195.

Яновский О. А. Алексей Исаевич Сидоренко. Историк, воплотивший в себе лучшие качества университетского педагога // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–2001) / под общ. ред. А. Д. Короля ; науч. ред. О. А. Яновский. Минск : БГУ, 2021. С. 206–216.

Приложение 2

Яноўскі А. А. Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта // Беларус. гіст. часоп. 1998. № 3. С. 3–10.

Казаков Ю. Л., Сальков А. П., Яновский О. А. Владимир Иванович Пичета (к 125-летию со дня рождения) // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2003. № 3. С. 111–115.

Яноўскі А. А., Зельскі А. Г. Трымацца гістарычнай праўды (да 125-годдзя з дня нараджэння рэктара БДУ У. І. Пічэты) // Рос. и слав. исслед. 2004. Вып. 1. С. 7–24.

Яновский О. А. Первые профессора БГУ В. И. Пичета и Д. П. Кончаловский: позиции и судьбы ученых «старой» формации // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2006. № 3. С. 3–9.

Яноўскі А. А. Беларускі перыяд жыцця і дзейнасці У. І. Пічэты (аб увядзенні ў навуковы ўжытак звестак з яго «крымінальнай справы») // Пр. гіст. фак. БДУ. 2006. Вып. 1. С. 209–213.

Яновский О. А., Баранова Е. В. В. И. Пичета: белорусское обрамление исторического портрета (к 130-летию со дня рождения) // Рос. и слав. исслед. 2008. Вып. 3. С. 219–232.

Яновский О. А. «Революция пришла, она меня захватила...». Два текста, объединенные одной судьбой // Беларус. думка. 2011. № 10. С. 54–64.

Памяць і слава. Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін [і інш.] ; рэдкал.: С. У. Абламейка (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2011. 375 с.

Яноўскі А. А. Малавядомы артыкул У. І. Пічэты «Барадзіно» ў праламленні праз лёс і творчасць // Беларус. гіст. часоп. 2012. № 11. С. 5–13.

Яновский О. А. Болгария в исследованиях В. И. Пичеты: поиск равновесия между научным и общественно-политическим кредо // Матеріалы II Міжнароднага навукова-методычнага семінару з болгарскай мовы, літаратуры, культуры та історыі (16–17 травня 2013 р.) : зб. тез. Бердзянк : БДПУ, 2013. С. 104–108.

Яновский О. А. Из огня да в полымя и обратно, или Пристальное прочтение небольшой рецензии ректора-историка // Выявление и использование возможностей региональной культурной образовательной среды для организации культурно-просветительской деятельности : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Пермь, 13–17 мая 2013 г.). Пермь : ПГПУ, 2013. С. 109–113.

Яновский О. А., Яновский А. О. В. И. Пичета о войне 1812 года: малоизвестная публикация историка // Россия, Беларусь, Украина: история, современность, будущее : сб. науч. материалов. Минск : Медисонт, 2014. С. 193–201.

Яноўскі А. А. Вялікае ў малым, альбо Крыніцазнаўчыя аспекты рэцэнзій У. І. Пічэты 1907–1929 гг. // Рос. и слав. ис-след. 2014. Вып. 9. С. 207–218.

Яновский О. А. Владимир Иванович Пичета. Историк, определивший будущее БГУ // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / под общ. ред. С. В. Абламейко ; науч. ред. О. А. Яновский. Минск : БГУ, 2017. С. 23–41.

Приложение 3

Позняк С. В., Яновский О. А. Преподавание истории славянских стран в Белорусском государственном университете (1921–1997 годы) // Вісник. Історыя. 1998. Вып. 37. С. 11–14.

Яновский О. А. Украинские страницы начальной истории Белорусского университета // Київський національний університет в XXI столітті : ювіл. наук.-теорет. конф., присвяч. 170-річчю Київ. нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка (Київ, 24 черв. 2004 р.). Київ : Київ. ун-т, 2004. С. 64–65.

Яноўскі А. А. Кафедра гісторыі Расіі: заўсёды ў складзе БДУ і гістарычнага факультэта // Беларус. гіст. часоп. 2004. № 8. С. 14–23.

Яновский О. А. Диссертационные исследования по российской и славянской истории в Республике Беларусь (1991–2005 гг.) // Рос. и слав. исслед. 2007. Вып. 2. С. 258–262.

Яноўскі А. А. М. С. Грушэўскі і БДУ, ці Аб некаторых аспектах кантактаў паміж беларускімі і ўкраінскімі навукоўцамі ў 20-я гг. // Науково-історичні читання, присвячені 140-річчю з дня народження М. С. Грушевського (Мінск, 22 грудня 2006 р.). Ніжин : Аспект-Поліграф, 2007. С. 12–19.

Яноўскі А. А. Адмена прыгонніцтва як прадмет навуковых даследаванняў кафедры гісторыі Расіі (гісторыі СССР) БДУ (1921–2011) // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2011. № 3. С. 12–17.

Яновский О. А., Сальков А. П., Меньковский В. И. Научный ежегодник Белорусского государственного университета «Российские и славянские исследования» // Вестн. архивиста. 2011. № 4. С. 282–286.

Яновский О. А. Российская и украинская история как предмет изучения и преподавания первыми интеллектуалами Беларуси // Беларусь, Расія, Украіна: дыялог народаў і культур. Гродна : ЮрСаПрынт, 2013. С. 354–364 (Гістарыяграфічныя даследаванні).

Яновский О. А. Межкафедральный круглый стол «Актуальные проблемы персональной истории» (Минск, 29 января 2013 г.) // Рос. и слав. исслед. 2013. Вып. 8. С. 292–308.

Яновский О. А. «Приволжско-уральская» составляющая в научной и педагогической работе историков Белорусского государственного университета (1921–2012 гг.) // В тесном соседстве: мордовский народ в истории и культуре многонационального Российского государства : материалы Междунар. науч. конф. (Саранск, 31 мая – 2 июня 2012 г.). Саранск : Изд. центр Ист.-социол. ин-та, 2013. С. 696–706.

Яновский О. А. От интеллектуального оппонирования к оппозиционности интеллигента? (Попытка «историко-терминологического» анализа некоторых особенностей развития Российского государства) // Проблемы истории России, Беларуси и Украины XIX – начала XX века : науч. круглый стол к 135-летию со дня рожд. В. И. Пичеты и 80-летию со дня рожд. И. В. Оржеховского (Минск, 28 окт. 2013 г.) : сб. ст. Минск, 2014. С. 6–30. Деп. в БГУ 05.08.2014, № 004805082014.

Яновский О. А. События 1812 года в контексте белорусско-русско-польских взаимоотношений : заинтересованное прочтение белорусских учебных разных поколений // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności : матэрыялы XVIII Міжнар. навук. канф. (Гродна, 15–16 лістап. 2012 г.). Ліда : Лід. друк., 2014. С. 324–330.

Яновский О. А. «Турецкая составляющая» в изучении истории России и Украины в Белорусском государственном университете: истоки и современность // Беларусь и Турция: опыт цивилизационного взаимодействия : материалы Междунар. круглого стола, посвящ. 20-летию установления дипломат. отношений Респ. Беларусь и Тур. Респ. Минск : РИВШ, 2015. С. 28–40.

Яноўскі А. А. Агляд. Навуковы круглы стол «Беларуска-ўкраінскія ўзаемаадносіны на скрыжаваннях эпох» // Рос. и слав. исслед. 2015. Вып. 10. С. 307–315.

Яновский О. А. Объединяя прошлое, настоящее и будущее // Беларус. думка. 2016. № 10. С. 12–20.

Яновский О. А. Этапы развития белорусско-российского сотрудничества в сферах образования и науки (1918–2015 годы) // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем : сб. науч. работ. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2016. Вып. 1. С. 25–46.

Яновский О. А. Кафедра истории России Белорусского государственного университета: современный коллективный портрет с ретроспективным предисловием // Рос. и слав. исслед. 2016. Вып. 11. С. 338–345.

Яновский О. А. События 1905–1907 гг. в научных интересах историков Белорусского государственного университета // Первая российская революция 1905–1907 гг.: к 110-летию начала революционных событий : Междунар. науч. круглый стол (Минск, 25 нояб. 2015 г.). 2016. С. 6–20. Деп. в БГУ 01.09.2016, № 006701092016.

Яновский О. А. Российская история в научно-образовательном пространстве Беларуси XX – начала XXI века // Изв. Смол. гос. ун-та. 2018. № 4. С. 257–272.

Яновский О. А., Яновская В. В. Постижение отечественной истории (размышления и историографические факты по поводу научной эффективности альтернативных концепций российско-белорусской истории) // Тр. ист. фак. МГУ. Сер. 2, Ист. исслед. 2018. Вып. 126. С. 37–52.

Сергеенкова В. В., Яновский О. А. Российская история в исследовательской и преподавательской практике историков БГУ (1921–2017) // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. 2018. № 4. С. 117–128.

Яновский О. А., Яновская В. В. Российская история в исследовательском поле университетских и академических историков Беларуси 1920–1930-х годов // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и в настоящем : материалы Междунар. науч. конф. «Россиеведение и белорусоведение в XXI веке: традиционные и новые тенденции в научных исследованиях» (Смоленск, 11–12 окт. 2018 г.). Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2018. Вып. 4. С. 22–38.

Библиографические ссылки

1. Дукор ЕЯ, составитель. *Владимир Иванович Пичета. Биобиблиографический указатель*. Минск: БГУ; 1978. 112 с.
2. Щербак В. Конференция историков БССР. *Борьба классов*. 1935;6:121–124.
3. Позняк СВ. *История Украины (IX – первая половина XVIII в.)*. Минск: БГУ; 2002. 163 с.
4. Лугаўцова СЛ, Кахновіч ВА, Цемушаў СМ. *Гісторыя Украіны ад старажытных часоў да пачатку XX ст. (з электронным дадаткам)*. Мінск: БДУ; 2019. 240 с.

References

1. Dukor EYa, compiler. *Vladimir Ivanovich Picheta. Biobibliograficheskii ukazatel'* [Vladimir Ivanovich Picheta. Biobibliographic index]. Minsk: Belarusian State University; 1978. 112 p. Russian.
2. Shcherbakov V. [Conference of historians of the BSSR]. *Bor'ba klassov*. 1935;6:121–124. Russian.
3. Poznyak SV. *Istoriya Ukrainy (IX – pervaya polovina XVIII v.)* [History of Ukraine (9th – first half of the 18th century)]. Minsk: Belarusian State University; 2002. 163 p. Russian.
4. Lugawcova SL, Kahnovich VA, Cemushaw SM. *Gistoryja Ukrainy ad starazhytnych chasow da pachatku XX st. (z jelektronnym dadatkam)* [History of Ukraine from ancient times to the beginning of 20th century (with electronic application)]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 240 p. Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 05.12.2021.
Received by editorial board 05.12.2021.

УДК 94(476):930(476)

ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ: С. А. ЛЯСКОВСКИЙ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

О. И. МАЛЮГИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Описывается научная и преподавательская деятельность С. А. Ляскового – представителя поколения выпускников Московского университета начала XX в., чье становление пришлось на годы войны и революции. Будучи учеником Р. Ю. Виппера, С. А. Лясковский специализировался на античной и раннесредневековой истории. В первые годы советской власти он преподавал в провинциальных российских вузах, в 1924–1927 гг. – в БГУ. Отмечается, что работа С. А. Ляскового в БГУ стала для него своеобразным водоразделом: пришлось перепрофилироваться с древней и средневековой истории на историю Нового и Новейшего времени как в преподавании, так и в научных интересах. Закрепиться в университете ученому не удалось, так как читаемые им курсы гораздо органичнее смотрелись в нагрузке новых преподавательских кадров, часто не имевших университетского образования, но способных похвастаться «правильным» происхождением и революционным бэкграундом. Вернуться к полноценной научной работе в области своей специализации после увольнения из БГУ С. А. Лясковский не смог. В 1930-х гг. он издал лишь несколько статей по истории Античности и постепенно переключился на обзоры зарубежной и советской литературы по истории античного мира, а впоследствии занялся библиографической работой.

Ключевые слова: С. А. Лясковский; Белорусский государственный университет; БГУ; медиевистика; антиковедение.

АД АНТЫЧНАСЦІ ДА ПАРЫЖСКАЙ КАМУНЫ: С. А. ЛЯСКОЎСКІ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ

А. І. МАЛЮГІН^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Апісваецца навуковая і выкладчыцкая дзейнасць С. А. Ляскоўскага – прадстаўніка пакалення выпускнікоў Маскоўскага ўніверсітэта пачатку XX ст., чыё станаўленне прыйшлося на гады вайны і рэвалюцыі. З’яўляючыся вучнем Р. Ю. Віпера, С. А. Ляскоўскі спецыялізаваўся на антычнай і раннесярэднявечнай гісторыі. У першыя гады савецкай улады ён выкладаў у правінцыяльных расійскіх вузах, у 1924–1927 гг. – у БДУ. Праца С. А. Ляскоўскага ў БДУ стала для яго своеасаблівым водападзелам: прыйшлося перапрафілявацца са старажытнай і сярэднявечнай гісторыі на гісторыю Новага і Найноўшага часу як у выкладанні, так і ў навуковых інтарэсах. Замацавацца ў БДУ яму не ўдалося. Выкладаемыя ім курсы значна арганічнай глядзеліся ў нагрузцы новых выкладчыцкіх кадраў, якія часта не мелі ўніверсітэцкай адукацыі, але маглі пахваліцца «правільным» паходжаннем і рэвалюцыйным бэкграўндам. Вярнуцца да паўнаважнай навуковай працы ў галіне сваёй спецыялізацыі пасля звальнення з БДУ С. А. Ляскоўскі не змог. У 1930-я гг. ён выдаў толькі некалькі артыкулаў па гісторыі Антычнасці і паступова пераклучыўся на агляды замежнай і савецкай літаратуры па гісторыі антычнага свету, а пасля заняўся бібліяграфічнай працай.

Ключавыя словы: С. А. Ляскоўскі; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; БДУ; медыявістыка; антыказнаўства.

Образец цитирования:

Малюгин ОИ. От Античности до Парижской коммуны: С. А. Лясковский в Белорусском государственном университете. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;1:64–73.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-1-64-73>

For citation:

Maliugin OI. From Antiquity to the Paris Commune: S. A. Ljaskowski at the Belarusian State University. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;1:64–73. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-1-64-73>

Автор:

Олег Иванович Малюгин – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Author:

Oleg I. Maliugin, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history.
maliugin@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0001-5848-5918>

FROM ANTIQUITY TO THE PARIS COMMUNE: S. A. LJASKOWSKI AT THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

O. I. MALIUGIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

S. A. Ljaskowski is a representative of the generation of Moscow University graduates of the early 20th century, whose formation as scientists and teachers fell on the years of the war and revolution. As a student of R. Yu. Vipper, he specialised in Ancient and Early Medieval periods. In the first years after revolution, he began teaching at provincial Russian universities, and from 1924 to 1927 he worked at the Belarusian State University. It was his work at this university that became a kind of watershed – when S. A. Ljaskowski had to re-profile from Ancient and Medieval history to the Modern and Contemporary history, both in teaching and in scientific interests. But he also failed to gain a foothold in the Belarusian State University – the courses he taught looked much more organic in the load of new teaching staff, who often did not have a university education, but were able to boast of a «correct» origin and revolutionary background. As a result, he did not manage to return to full-fledged scientific work in the field of his specialisation after his dismissal from Belarusian State University, having published in the 1930s. Only a few articles on the history of antiquity and gradually retraining for reviews of foreign and Soviet literature on the history of the ancient world and, subsequently, for bibliographic work.

Keywords: S. A. Ljaskowski; Belarusian State University; Medieval studies; history of Antiquity.

Введение

В первое десятилетие существования Белорусского государственного университета одной из наиболее острых проблем молодого вуза была нехватка квалифицированных преподавательских кадров. Не секрет, что эффективным средством ее решения было приглашение уже состоявшихся ученых и преподавателей, прежде всего из России. В меньшей степени штат БГУ комплектовался за счет местных преподавателей, что легко объяснить отсутствием на территории Беларуси вузов в предыдущие годы. В этом аспекте следует рассказать о Сергее Антоновиче Лясковском, перешедшем работать в БГУ из Витебского института народного образования (далее – Витебский пединститут). В 1924–1927 гг. он преподавал ряд исторических дисциплин на педагогическом факультете БГУ.

В силу обстоятельств работа в БГУ для С. А. Лясковского оказалась лишь эпизодом, его дальнейшая карьера была связана преимущественно с Московским педагогическим государственным университетом и Фундаментальной библиотекой общественных наук АН СССР.

Специальных исследований, посвященных творческому пути С. А. Лясковского, на данный момент нет. Можно упомянуть лишь статью П. Ю. Наумова об учениках Р. Ю. Виппера, в числе которых был С. А. Лясковский [1], и посвященный ему некролог, написанный Л. А. Ельницким¹ [2].

В данной статье на основе материалов Национального архива Республики Беларусь (НАРБ)² предпринята попытка осветить учебную и научную деятельность С. А. Лясковского в годы его работы в БГУ.

Основная часть

С. А. Лясковский родился 13 сентября (по старому стилю) 1887 г. в Гродно в семье капитана 104-го Устюжевского пехотного полка А. П. Лясковского³.

В 1905 г. он окончил Радомскую мужскую гимназию⁴, в 1907–1911 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета⁵.

¹В материале Л. А. Ельницкого присутствуют фактические ошибки: он датирует период работы С. А. Лясковского в БГУ 1924–1925 гг. [2, с. 231].

²Речь идет о ф. 42, где хранятся документы Наркомпроса БССР, и ф. 205, где хранятся документы БГУ.

³НАРБ. Ф. 42. Оп. 3. Д. 1481. Л. 5 ; Там же. Л. 1, 7. (В определении своей национальности С. А. Лясковский колеблется. В одном случае он записывает себя белорусом, но как родной язык указывает русский. В другом случае С. А. Лясковский называет себя русским. Его отец А. П. Лясковский (род. 5 февраля 1852 г.) был кадровым военным, поступившим на службу в сентябре 1868 г. после окончания Виленского пехотного юнкерского училища. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., служил в 104-м пехотном полку, расквартированном в г. Августове, имел несколько наград; 28 мая 1899 г. переведен военным начальником Конского уезда Радомской губернии Привисленского края; в мае 1907 г. произведен в чин полковника. При этом в документах сына при поступлении в Московский университет указано, что его отец подполковник. В то время он уже проживал в Москве, судя по месту жительства С. А. Лясковского. Дальнейшая судьба А. П. Лясковского автору неизвестна. Нужно отметить, что ни в одной анкете С. А. Лясковский не упоминает своих родителей, указывает только происхождение: «сын офицера».)

⁴Ныне г. Радом (Польша).

⁵НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 5015. Л. 1.

В 1911 г. после окончания университета с дипломом 1-й степени С. А. Лясковский был оставлен Р. Ю. Виппером на кафедре всеобщей истории для «приготовления к профессорскому званию со стипендией от министерства (народного просвещения)»⁶. Знаменитый историк дал выпускнику историко-филологического факультета весьма лестную характеристику: «С. А. Лясковский преимущественно занимался в области древней истории. Сюда относится, помимо ряда рефератов, читанных в семинариях, его большая кандидатская работа под заглавием “Политический строй галлов до римского завоевания”⁷. В этом сочинении автор особенно отчетливо и полно выказал свойства своего научного дарования, интерес к непосредственным источникам, способность острого и глубокого анализа исторических сведений, умение привлекать к толкованию исторических отношений аналогии, чему много способствует и обширная начитанность молодого историка. Из прилагаемого списка изученных основных источников и прочитанных научных исследований видно, что С. А. Лясковский много работал за время своего 6-летнего пребывания в университете в различных областях исторического знания. Я хотел бы высказать уверенность, что в лице С. А. Лясковского университет приобретет очень хорошую ученую силу. С. А. Лясковский, помимо двух древних языков, владеет знанием новых языков, немецкого, французского и английского»⁸ (цит. по [1, с. 85]).

После окончания университета С. А. Лясковский преподавал в ряде средних учебных заведений Москвы, принимал участие в работе Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественных наук⁹ (как и многие другие московские историки того времени). Начавшаяся война внесла коррективы в жизнь молодого историка. Так, 11 марта 1915 г. состоялись магистерские экзамены С. А. Лясковского и Е. А. Косминского. Один из экзаменаторов, А. Н. Савин, отмечал, что Е. А. Косминский торопился со сдачей экзаменов и оформлением

приват-доцентуры, чтобы избежать призыва в армию [3, с. 372]. С. А. Лясковский, судя по документам, не имел такой возможности. В 1916 г. он окончил Александровское военное училище в Москве и был произведен в прапорщики 3 июня того же года¹⁰. Его определили в 233-й пехотный полк, который во время Октябрьской революции находился на Румынском фронте¹¹. При этом в другом документе С. А. Лясковский указывает, что не принимал участия в боевых действиях¹². Он был уволен со службы 3 января 1918 г.

Но на этом армейская история С. А. Ляковского не закончилась: 10 августа 1919 г. его вновь призвали на службу. В Красной армии он служил в политуправлениях, сначала в Самарской отдельной стрелковой бригаде («прикомандирован к штабу бригады для работы в политотделе»), а затем (с 22 октября 1919 г.) при Иваново-Вознесенском губернском военкомате (на должности «лектора командиров районов отдела по командному составу Московского окружного штаба»). Был уволен в бессрочный отпуск в 1922 г.¹³

В автобиографии ученый пишет, что «в 1918 г. вернулся к научной работе»¹⁴, подразумевая, по всей видимости, деятельность в Историко-исследовательском институте при Московском университете, о чем упоминает в своей анкете 1924 г.¹⁵

В сентябре 1919 г. С. А. Лясковский был избран профессором Иваново-Вознесенского педагогического института, где работал вплоть до его закрытия в 1923 г. Некоторое время он являлся членом правления института, председателем библиотечной комиссии, заместителем декана социально-исторического факультета¹⁶. Параллельно с этим ученый преподавал историю на рабочем факультете Иваново-Вознесенского политехнического института с сентября 1922 по сентябрь 1923 г.¹⁷

С сентября 1923 г. С. А. Лясковский – профессор истории культуры в Витебском пединституте¹⁸. Он читал курсы по истории народного хозяйства,

⁶Подробнее об этом периоде жизни С. А. Ляковского см. [1, с. 85–86].

⁷Из этого университетского сочинения выросло, возможно, самое объемное исследование ученого «История галльских племен накануне и во время римского завоевания», над которым он работал на протяжении всей жизни, но так и не завершил [2, с. 232].

⁸С. А. Лясковский оказался одним из немногих учеников Р. Ю. Виппера, выдержавших кандидатские экзамены.

⁹НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 5015. Л. 1, 4.

¹⁰Там же. Ф. 42. Оп. 3. Д. 1481. Л. 4.

¹¹Там же. Ф. 205. Оп. 3. Д. 5015. Л. 1.

¹²Там же. Ф. 42. Оп. 3. Д. 1481. Л. 16.

¹³Там же. Л. 4, 16.

¹⁴Там же. Ф. 205. Оп. 3. Д. 5015. Л. 4.

¹⁵Там же. Л. 1; Там же. Л. 4. («До февраля 1924 г. состоял научным сотрудником 1-го разряда при Ист. исслед. ин-те Моск. ун-та».)

¹⁶Там же. Л. 4; К 100-летию ИВПИ – ИВГУ: вехи славного пути [Электронный ресурс]. URL: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/news/3829/ (дата обращения: 10.12.2021). (В основанном в конце 1918 г. институте преподавали многие крупные ученые, приезжавшие из Москвы. Большинство из них покинули учреждение в 1922 г., когда оно было преобразовано в Иваново-Вознесенский институт народного образования, а из программы обучения были исключены теоретические дисциплины.)

¹⁷НАРБ. Ф. 42. Оп. 3. Д. 1481. Л. 7.

¹⁸Полное название института на тот момент – «Витебский практический институт народного образования» [4, с. 42], но в литературе и документах сохраняется значительная путаница, вызванная неоднократными переименованиями учреждения.

истории античной культуры, истории раннего Средневековья¹⁹. На протяжении учебного года, вплоть до 1 марта 1924 г., С. А. Лясковский был исполняющим обязанности декана социально-исторического факультета²⁰, хотя Л. А. Моторова и О. П. Шидловская в своей статье опускают эту информацию [4, с. 42].

После первого укрупнения БССР в феврале – марте 1924 г. Витебский пединститут был передан в ведение Наркомпроса БССР, который и принял решение о ликвидации учреждения и переводе всех его преподавателей и студентов на педагогический факультет БГУ. Одним из инициаторов такого решения был Е. К. Успенский, в 1924 г. являвшийся председателем Главного управления профессионально-технического образования Наркомпроса БССР и заме-

стителем декана педагогического факультета БГУ. На коллегии Наркомпроса БССР, состоявшейся 30 мая 1924 г., он выступил с докладом об установлении сети педагогического, индустриально-экономического, медицинского и художественного образования в республике. Необходимость слияния Витебского пединститута с педагогическим факультетом БГУ он обосновал тем обстоятельством, что содержать два вуза республика не в состоянии [5, с. 61].

Более того, летом 1924 г. в БССР была проведена качественная проверка вузов, нацеленная сократить численность студентов, в том числе «враждебно настроенных к политике советской власти, проявивших себя в качестве антипролетарского элемента»²¹. Были проверены 328 студентов Витебского пединститута, из них исключены 110²².

С. А. Лясковский в БГУ

Наряду со студентами в Минск переводились и преподаватели Витебского пединститута. На педагогический факультет следовало зачислить трех профессоров (включая С. А. Лясковского) и одного ассистента, при этом на заседании деканата факультета предметным комиссиям было предложено «предоставить занятия переводимым профессорам»²³. В своем заявлении на имя «совета педагогического факультета» С. А. Лясковский, перечислив читаемые им курсы и указав, что им также разработан курс по истории Европы в XIX в., подчеркивал, что «в случае наличия в библиотеке соответствующих пособий мог бы вести со студентами старших курсов практические занятия по истории Рима, Греции и раннего Средневековья»²⁴. Таким образом, университет получал в свое распоряжение квалифицированного специалиста по античной и средневековой истории, знающего не только современные, но и классические языки, к тому же имеющего опыт преподавания в вузах.

Первоначально предметная комиссия пошла навстречу просьбе С. А. Лясковского. На заседании предметной исторической комиссии 18 сентября 1924 г. наряду с прочей нагрузкой ему был выделен курс «История Средних веков в эпоху феодализма»²⁵, который ранее, на заседании комиссии 12 июня 1924 г., был закреплен за А. Н. Ясинским²⁶. Сам же

С. А. Лясковский был зачислен профессором на кафедру всеобщей истории (вместе с А. Н. Ясинским и В. Н. Перцевым).

К работе в БГУ ученый приступил осенью 1924 г. В первый учебный год он читал также курсы «История народных движений реформационного периода» (для студентов 2-го курса) и «История европейской культуры в эпоху торгового и промышленного капитализма XV–XIX вв.» (для студентов 2-го курса литературно-лингвистического отделения)²⁷. Кроме того, профессор читал лекции и проводил практические занятия по истории XX в. и диалектическому материализму²⁸.

Занятия проходили в сложных условиях, часто в непригодных для этого помещениях. Неудивительно, что часть занятий срывалась. Только в феврале 1925 г. не состоялись три лекции С. А. Лясковского, в том числе в одном случае – из-за отсутствия электричества, а в другом – по причине отсутствия студентов на занятиях²⁹.

Несомненно, в БГУ стремились использовать не только преподавательский, но и административный опыт С. А. Лясковского. Приведем такой пример. Оставшиеся после проверки студенты из Витебска осенью 1924 г. приступили к занятиям в стенах педагогического факультета БГУ. И сразу же встала проблема синхронизации учебных программ института

¹⁹НАРБ. Ф. 42. Оп. 3. Д. 1481. Л. 14 ; Там же. Л. 8. (Удостоверение вуза было выдано ему только 2 февраля 1924 г.)

²⁰Там же. Ф. 205. Оп. 3. Д. 5015. Л. 4.

²¹Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2323. Л. 26.

²²Там же. Л. 26 об.

²³Там же. Ф. 205. Оп. 3. Д. 5015. Л. 2.

²⁴Там же. Л. 3.

²⁵Там же. Оп. 1. Д. 781. Л. 155.

²⁶Там же. Л. 121.

²⁷Там же. Д. 178. Л. 126, 135.

²⁸Там же. Л. 135 ; Там же. Д. 781. Л. 160. (Курс по истории XX в., если судить по учебному плану педагогического факультета, сосредотачивался на Первой мировой войне и пролетарской революции.)

²⁹Там же. Д. 179. Л. 23, 27 ; Там же. Д. 182. Л. 5. (Причиной частого отключения электричества в зданиях БГУ, как это видно из деловой переписки университета, являлось несоответствие проводки техническим требованиям.)

и университета. Для ее разрешения 18 сентября 1924 г. на заседании предметной исторической комиссии был рассмотрен вопрос о приеме зачетов от студентов бывшего Витебского пединститута и создана подкомиссия в составе Н. М. Никольского (декана педагогического факультета), С. А. Лясковского (бывшего декана социально-исторического факультета) и «одного из студентов – бывших слушателей» Витебского пединститута³⁰.

На заседании предметной исторической комиссии 20 ноября 1924 г. проходили выборы ее нового состава, в ходе которых декан факультета Н. М. Никольский предложил избрать председателем комиссии профессора А. С. Лясковского. От лица студентов «тов. Юркевич выражает желание, чтобы председателем предметной комиссии по-прежнему остался проф. Никольский»³¹. В итоге оба профессора сняли свои кандидатуры, и выборы пришлось перенести на более поздний срок³².

Первый год работы в БГУ был для С. А. Лясковского удачным. Когда весной 1925 г. на заседании исторической предметной комиссии обсуждались итоги преподавания, он заявил, что курс по истории Средних веков прошел успешно: «...ведется два семинария, которые ведутся параллельно читаемому курсу и являются как бы углубленной проработкой некоторых вопросов читаемого курса по средним векам. Даются темы, которые разбиваются на подтемы, назначаются официальные оппоненты. Общий недостаток – незнание иностранных языков, и ощущается большой недостаток в пособиях»³³. Возражений среди членов комиссии не последовало. Гораздо активнее обсуждались итоги семинария по истории XX в., где критика раздавалась и со стороны студентов, и со стороны преподавателей. Основные претензии – широта выбранных тем и многообразие литературы, с которой обучающимся необходимо было знакомиться. В ответ на это С. А. Лясковский отметил, что «семинарий ведется в связи с читаемым курсом по XX веку и подходящих отдельных пособий по каждому вопросу нет»³⁴. В целом позиция профессора была поддержана. Студент Бон-

даренко заявил, что «студенчество довольно просеминарскими занятиями профессора Лясковского, несмотря на широту темы», а Н. М. Никольский подчеркнул, что «семинарий труден не потому, что его так поставил профессор Лясковский, а потому что сам XX век труден»³⁵.

В 1925/26 учебном году С. А. Лясковский продолжал читать курс «История европейской культуры в XV–XIX вв.» на 2-м курсе литературно-лингвистического отделения педагогического факультета, рассчитанный на два семестра (2 недельных часа)³⁶. Для студентов общественно-исторического цикла профессор вел семинарий по всеобщей истории у одной группы 3-го курса³⁷, а также курс по истории Великой французской революции (3 группы на 3-м курсе и 2 группы на 4-м курсе)³⁸. Кроме того, при обсуждении учебного плана педагогического факультета на заседании правления БГУ 9 октября 1925 г. профессорам В. Н. Перцеву и С. А. Лясковскому было предложено вести занятия по истории Западной Европы в 1848–1870 гг. на 3-м и 4-м курсах³⁹.

Как видно, из нагрузки профессора исчез курс по истории Средних веков, вернувшийся к профессору А. Н. Ясинскому⁴⁰. Более того, судьба самого курса становилась все более неопределенной. На заседании общественно-экономической предметной комиссии 1 декабря 1925 г. было принято решение о переводе ряда курсов в необязательные, причем доклад готовился от имени студенческой фракции. Для 2-го курса было предложено перевести в разряд необязательных дисциплины «История Средних веков» и «Генетическая социология», с чем члены комиссии согласились⁴¹. Впрочем, в таком решении нет ничего удивительного, если учитывать, что на заседании присутствовали 8 преподавателей и 10 студентов. Этим обусловлено особое мнение профессора И. Д. Сосиса: «Проф. Сосис просит занести в протокол, что против принятых постановлений голосовало большинство преподавательского персонала»⁴².

³⁰НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 781. Л. 155.

³¹Там же. Л. 227.

³²Там же. (Н. М. Никольский обосновал самоотвод тем, что является деканом факультета. Причины, побудившие отказаться от председательства С. А. Лясковского, в протоколе не указаны. На повторных выборах председателем предметной комиссии был избран Н. М. Никольский.)

³³Там же. Д. 801. Л. 74 об.

³⁴Там же. Л. 75.

³⁵Там же. Л. 75 об. (Итогом стало решение облегчить характер просеминарских занятий и, по всей видимости, издать курс лекций С. А. Лясковского в машинописи. Текст этого конспекта сохранился в Национальной библиотеке Беларуси.)

³⁶Там же. Д. 832. Л. 2.

³⁷Там же Д. 801. Л. 238. (Еще одна группа была у А. Н. Ясинского, а две – у В. Н. Перцева. Как сообщил С. А. Лясковский на заседании предметной исторической комиссии 26 октября 1925 г., «темой занятий в семинарии в текущем году по истории революционных движений в эпоху Реформации мною избрана Великая крестьянская война 1524–1525 годов».)

³⁸Там же. Д. 832. Л. 5, 6.

³⁹Там же. Д. 170. Л. 89.

⁴⁰Подробнее о деятельности А. Н. Ясинского в БГУ см. в работе [6].

⁴¹НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 831. Л. 20.

⁴²Там же. Л. 20 об. (Впрочем, впоследствии курс по истории Средневековья на протяжении ряда лет оставался обязательным для изучения студентами-историками.)

С. А. Лясковский продолжал принимать регулярное участие в работе предметной исторической комиссии педагогического факультета и активно участвовать в обсуждении учебных и методических вопросов. Так, 1 октября 1925 г. на заседании комиссии рассматривались планы преподавания и программы читаемых курсов. В дискуссии участвовал и С. А. Лясковский. Любопытно отметить, что в то время у каждого преподавателя были своя программа и свой план преподавания, даже если они вели один и тот же курс. Так, С. А. Лясковский и В. Н. Перцев вели курс по истории Великой французской революции, однако комиссия обсуждала их программы по отдельности⁴³. Острота дискуссии именно в 1925 г. могла быть связана с попытками введения новых методов обучения – лабораторного и группового. К примеру, В. Н. Перцев видел недостатком программы С. А. Ляковского требование к каждому студенту делать краткие тезисы по всем докладам, предлагая сократить число докладов и увеличить объем тезисов, тогда как Д. А. Жаринова смущала численность студентов в группах для проведения коллоквиумов. В свою очередь, С. А. Ляковский при обсуждении доклада В. Н. Перцева отмечал, что работа студентов на его курсе ограничивается составлением лишь одного доклада и записями дебатов при обсуждении работ других студентов. К этому замечанию присоединился и декан факультета Н. М. Никольский⁴⁴.

В отчете С. А. Ляковского о работе в 1925/26 учебном году содержатся интересные сведения о методах преподавания. Так, в группах по истории Великой французской революции и Парижской коммуны он в меньшей степени, чем В. Н. Перцев, использовал лекционный метод работы, отдавая предпочтение групповому. При проверке же знаний студентов им применялся «метод тестов»⁴⁵, а в одной из групп благодаря высокой активности студентов на занятиях профессор, по сути, поставил им зачет автоматом⁴⁶. Традиционным же лекционным методом С. А. Ляковский проводил занятия на литературно-лингвистическом отделении по истории европейской культуры.

По предложению ректора в актовом зале БГУ 18 марта 1926 г. состоялся вечер, посвященный годовщине Парижской коммуны. С докладами на нем выступили профессора В. Н. Перцев и С. А. Лясковский⁴⁷.

В 1926/27 учебном году С. А. Ляковский вел курс «Западная Европа в эпоху промышленного капитала»⁴⁸ и семинар по революционному движению (начиная с 1789 г.) для студентов 3-го курса общественно-исторического отделения⁴⁹, а также курс по истории торгового и промышленного капитала на 2-м курсе литературно-лингвистического отделения⁵⁰. Общая нагрузка профессора составляла 8 недельных часов. Из документов видно, как преподавательская нагрузка С. А. Ляковского смещалась с древней и средневековой истории на курсы, связанные с новой и новейшей историей, специализацией в которой он не являлся.

Как можно судить из справки, сохранившейся в документах ЦК КПБ, свои курсы в БГУ С. А. Ляковский читал на русском языке, как и большинство профессоров, приехавших в Минск из России (А. Н. Ясинский, Н. М. Никольский, В. Н. Перцев)⁵¹. В то же время он довольно рано перешел на белорусский язык в документации, особенно во время работы в Наркомпросе БССР в 1926–1927 гг.

На должность научного консультанта по методическим вопросам в Научно-методологический комитет политпросвещения С. А. Ляковский был принят в сентябре 1926 г. В качестве консультанта в феврале следующего года он был направлен в командировку в Могилёв для изучения и обследования методической работы⁵². Правда, опыт деятельности в Наркомпросе БССР оказался не слишком продолжительным: уже в мае 1927 г. он был уволен в связи с сокращением штата⁵³.

Незгоды в работе смягчались радостями семейной жизни. В 1920 г. С. А. Ляковский вступил в брак с Анной Афанасьевой Метловой, у них родились сыновья Борис (1922) и Михаил (1924)⁵⁴.

После переезда в Минск университет выделил семье С. А. Ляковского жилую площадь в одном из домов БГУ, за которую необходимо было

⁴³НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 801. Л. 243 об.

⁴⁴Там же ; Там же. Д. 831. Л. 67–67 об. (Также интересно отметить, что через год, 1 марта 1926 г., при обсуждении такого же вопроса по тому же курсу истории Великой французской революции дискуссий на заседании предметной комиссии (теперь уже общественно-экономической) не было.)

⁴⁵Там же. Л. 184 об. (Видимо, метод показался новаторским, так как напротив этого отрывка в протоколе карандашом поставлен вопросительный знак, а сама фраза подчеркнута.)

⁴⁶Там же. («Групе IV к., у віду значнай актыўнасці, залік дадзены без паверкі». Текст приводится с сохранением языковых особенностей оригинала.)

⁴⁷Там же. Д. 218. Л. 36.

⁴⁸Он читал первую часть курса, во втором семестре его сменял В. Н. Перцев.

⁴⁹НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 832. Л. 122.

⁵⁰Там же. Д. 856. Л. 41.

⁵¹Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2691. Л. 44.

⁵²Там же. Ф. 42. Оп. 3. Д. 1481. Л. 2, 12а.

⁵³Там же. Л. 25.

⁵⁴Там же. Л. 10–12.

выплачивать 28 руб. 50 коп. ежемесячно⁵⁵. В переписке с правлением БГУ профессор просил выделить жилье с казенной мебелью, так как собственной у него практически не было, и оплатить перевозку личных вещей и книг из Витебска и Москвы⁵⁶.

Профессор 30 сентября 1925 г. написал в правление БГУ заявление с просьбой улучшить его жилищные условия, отмечая, что университет выделил ему две комнаты: «...помещение теплое, несколько темноватое, потому что окна выходят во двор, но главный недостаток – страшная теснота. В моей семье 3 взрослых (я, жена и прислуга) и 2 мелких детей (3 г. и 1 г.)...». Учитывая невозможность заниматься в такой тесноте наукой и появление у университета дополнительной жилой площади, С. А. Лясковский просит перевести его в квартиру с тремя комнатами, передав прежнее жилье «менее многочисленной семье»⁵⁷.

Общим местом в работах по истории высшей школы стали сетования на тяжелые условия жизни как профессоров, так и студентов. Но иногда обнаруживаемые в архивных делах документы делают эти моменты особенно яркими. Так, 16 декабря 1924 г. за подписью члена правления БГУ И. В. Герчикова в адрес швейного трудового коллектива при Наркомтруда БССР было отправлено ходатайство, в котором содержится просьба «разрешить произвести оплату за пошивку костюма профессора С. А. Ляскового в два срока, причем правление и местком гарантируют, что второй и последний взнос будет произведен в конце января 1925 г.»⁵⁸.

Но в целом жилищное положение семьи профессора было значительно лучше, чем у многих его коллег, которые были вынуждены снимать совершенно непригодное жилье в Минске, где крайне остро стоял квартирный вопрос.

Научная работа С. А. Ляскового в БГУ не отличалась активностью. Это тем удивительней, что в предыдущие годы в этом аспекте он был вполне успешен (насколько это являлось возможным в годы войн и революции). Приступая к работе в БГУ, в списке своих работ С. А. Лясковский отметил сданные в печать переводы на русский язык, три популярных очерка (о Мюнцере, Иоанне Лейденском, а также о Васко да Гама и открытии Индии)⁵⁹. Наибольший интерес представляет рассказ о работе над моно-

графией, которая продолжала его магистерское сочинение: «Специальная монография о “Государстве и обществе древних кельтов”» по условиям работы в провинции не могла быть закончена. Более или менее обработана лишь 1-я часть “Галлия до Цезаря и римское завоевание (глава из истории римского империализма)”. Если наладится в Белоруссии издание специального научного органа, в нем могли бы быть напечатаны в виде статей отдельные главы этого труда»⁶⁰. Но свет это сочинение так и не увидело.

В своем отчете о работе в 1924/25 учебном году С. А. Лясковский пишет: «...научной работой считаю подготовку к читаемым курсам, что отнимало много времени, особенно для курсов средней истории и эпохи Реформации»⁶¹. В остававшееся свободное время он завершал «Очерки по философии марксизма»⁶² и занимался подготовкой доклада «Спиноза и марксизм» для выступления в Научном обществе при БГУ⁶³.

За три года работы в университете С. А. Лясковский три раза получал научную командировку в Москву для занятий в библиотеках и архивах, прежде всего в рукописном отделе Института К. Маркса и Ф. Энгельса и библиотеке 1-го Московского университета. Так, летом 1925 г. он использовал предоставленную командировку для ознакомления с литературой по Крестьянской войне в Германии и революционному анабаптизму⁶⁴.

В следующем, 1926, году свою командировку С. А. Лясковский посвятил изучению литературы по истории революционного движения в Западной Европе⁶⁵. Летом 1927 г. профессор планировал поехать в Москву для работы в библиотеках. Он собирался продолжить изучение событий Крестьянской войны в Германии, в частности восстания 1525 г. в округе Нюрнберг, а также идеологии и тактики Парижской коммуны⁶⁶ (именно этой проблеме он посвятил предыдущую поездку в Москву, результатом чего стал очерк, опубликованный в журнале «Полымя»⁶⁷). Однако события стали развиваться совсем в другом направлении.

Вопрос с учебной нагрузкой обострился весной 1927 г., когда на факультете шла разработка стабильных учебных планов на следующую пятилетку. С одной стороны, была предпринята попытка уйти от

⁵⁵НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 170. Л. 93.

⁵⁶Там же. Оп. 3. Д. 5015. Л. 5–5 об.

⁵⁷Там же. Оп. 1. Д. 182. Л. 68–68 об.

⁵⁸Там же. Оп. 3. Д. 5015. Л. 8.

⁵⁹Там же. Л. 4 об. (Про эту книгу С. А. Лясковский отмечает: «...по слухам, была издана в Польше; готовлю переработанное издание».)

⁶⁰Там же.

⁶¹Там же. Оп. 1. Д. 178. Л. 135.

⁶²Насколько можно судить, эти очерки так и остались неоконченными (или не вышедшими в свет).

⁶³НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 178. Л. 135.

⁶⁴Там же. Оп. 3. Д. 5015. Л. 10.

⁶⁵Там же. Л. 14.

⁶⁶Там же. Л. 18.

⁶⁷Ляскоўскі С. Камунар Флюранс // Полымя. 1927. № 7. С. 120–144.

практики постоянных изменений в читаемых дисциплинах, которые к тому же могли преподаваться совершенно на разных курсах, что иногда выливалось в подачу одного и того же материала студентам разных курсов. С другой – это неминуемо вело к сокращению общего числа дисциплин и снижению нагрузки некоторых преподавателей. Но в мае 1927 г. еще ничего не предвещало беды. У С. А. Ляскового планировалась та же нагрузка, что и годом ранее, она даже увеличилась на 1 недельный час за счет принятия зачетов⁶⁸. Часов могло быть и больше, но профессору В. Н. Перцеву отдали лекции по курсу истории торгового и промышленного капитала, что сделало его нагрузку одной из самых значительных на факультете⁶⁹.

Тем не менее на заседании фракции КПБ правления БГУ от 30 июня 1927 г. было решено уволить С. А. Ляскового с такой формулировкой: «За недостатностью гадзін, у сувязі з тым, што праф. Ляскоўскі выявіў сябе як недастаткова вопытны пэдагог, з недастатнай навуковай кваліфікацыяй, згадзіцца з аслабаненнем яго ад працы ў БДУ»⁷⁰. И в этот же день на заседании деканата педагогического факультета это решение партийки было поддержано: «Праф. Ляскоўскага, асыст. Беркенгэйм і выкладчыцу Сыркіну – з прычыны недахопу навучальных гадзін зьняць з пасады з 1-га верасня 1927 г.»⁷¹. Официальная причина («нехватка учебных часов») идет вразрез с ранним распределением учебных поручений, о котором уже шла речь, где нагрузка С. А. Ляскового определялась в 9 недельных часов, уступая, конечно, нагрузке большинства профессоров факультета (от 14 до 17 часов в неделю),

но превосходя нагрузку не только занятых административными делами С. З. Слонима и В. М. Игнатовского, но и таких преподавателей, как А. А. Смолич (3 недельных часа), И. И. Красковский и М. А. Поташ (по 7 недельных часов)⁷². Однако уволен из БГУ был именно С. А. Лясковский⁷³.

В юбилейном сборнике к 10-летию БГУ Е. К. Успенский включил С. А. Ляскового в число сотрудников университета, которые были уволены в результате чисток второй половины 1920-х гг.: «1926–30 гг. на Пэдфаку – гэтыя годы абвостранай барацьбы з вялікадзяржаўнымі расійскімі і ўсякімі іншымі шовіністамі, з беларускімі нацдэмамі за навучальны плян, за марксызацыю факультэту, за вытрыманую марксысцка-ленінскую мэтодологію па ўсіх дысцыплінах. У выніку гэтай барацьбы з Пэдфаку быў зьнят цэлы шэраг навучальных працаўнікоў (Азбукін, Краскоўскі, Доўнар-Запольскі, Жарынаў, Ляскоўскі, Дурнаво, Шчапоцьцяў, Вазьнясенскі, Раўрэбэ, Гольдбэрг, Сосіс і цэлы шэраг інш.)»⁷⁴.

Но документы не дают оснований для такого вывода, в них ни разу не говорится о низком профессиональном уровне или великодержавном шовинизме С. А. Ляскового. Более того, он читал курсы идеологической направленности, занимался историей марксизма и в Красной армии был, по сути, политруком. Вероятнее всего, причиной увольнения стало социальное происхождение профессора как сына кадрового царского офицера.

Как следствие, планы С. А. Ляскового резко изменились, теперь он просил правление БГУ выплатить ему жалованье за летние месяцы, чтобы поехать в Москву «искать себе новой работы»⁷⁵.

Научная карьера за пределами Беларуси

Поиски увенчались успехом: после увольнения из БГУ С. А. Лясковский уехал преподавать в Самарканд, где в 1927 г. был основан Высший педагогический институт, а в числе 12 кафедр была создана и кафедра всеобщей истории. С. А. Лясковский стал

ее первым заведующим и руководил ее работой на протяжении пяти лет, до 1932 г.⁷⁶

Позже из Самарканда С. А. Лясковский перебрался в Москву на работу в Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина.

⁶⁸НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 853. Л. 103.

⁶⁹Там же.

⁷⁰Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2691. Л. 147. (Текст приводится с сохранением языковых особенностей оригинала. Часы С. А. Ляскового должны были быть распределены между другими преподавателями педагогического факультета.)

⁷¹Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 853. Л. 123. (Текст приводится с сохранением языковых особенностей оригинала.)

⁷²Там же. Л. 102–104.

⁷³Там же. Л. 124–125. (После решения об увольнении С. А. Ляскового деканат перераспределил нагрузку: курс на литературно-лингвистическом отделении и одна группа семинарских занятий у историков (6 недельных часов) достались В. Н. Перцеву (который, в свою очередь, «поделится» курсом по истории Античности с Н. М. Никольским), еще одна группа семинарских занятий (2 недельных часа) отошли к А. Н. Ясинскому.)

⁷⁴Успенскі А. Пэдагогічны факультэт БДУ // Дзесяць год Беларускага дзяржаўнага ўнівэрсытэту. Менск, 1931. С. 58. (Текст приводится с сохранением языковых особенностей оригинала.) ; Пичета У. І. Беларускі дзяржаўны ўнівэрсытэт напярэдадні 10-годзьдзя Кастрычнікавай рэвалюцыі // Беларускі дзяржаўны ўнівэрсытэт. 1921–1927: да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск: [б. в.], 1927. С. 25. (При этом в юбилейном сборнике к 10-летию Октябрьской революции ректор БГУ В. И. Пичета скорее с уважением отмечал, что «праф. па кафедры сусветнай гісторыі С. А. Ляскоўскі атрымаў кафедру ў Самаркандскім пед. ун-це».)

⁷⁵НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 5015. Л. 20.

⁷⁶Кафедра всеобщей истории Самаркандского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.samdu.uz/ru/kafedra/jahon-tarixi-kafedrasi> (дата обращения: 10.12.2021). (Впрочем, Л. А. Ельницкий указывает, что в Самарканде он проработал до 1930 г., а уже в 1931 г. был приглашен в Москву.)

Важно отметить, что в этот период своей профессиональной карьеры он смог вернуться к изучению истории античного мира, что выразилось в ряде публикаций в научной периодике⁷⁷. В годы войны С. А. Лясковский даже непродолжительное время возглавлял исторический факультет (с 20 октября 1941 по 1 февраля 1942 г.).

Сложным является вопрос о взглядах ученого на Античность. Особенно это касается периода его работы в БГУ, так как в эти годы он не издал ни одной работы по истории античного мира, а его труды военного и послевоенного времени остались неопубликованными. Свет на этот вопрос могут пролить его лекции по курсу истории XX в., в которых он обращался в том числе к проблеме определения термина «империализм», делая небольшое отступление вглубь веков, вплоть до Античности: «Но если мы рассмотрим внешнюю политику капитализма в эпоху античной Греции, то мы и там уже можем подметить ростки своего рода империализма. Дело в том, что эпохе торгового капитала, в античном мире или на заре новой Европы в 16 веке, тоже присуща стихийная экономическая потребность в подчинении более слабых стран, в создании зависимой от победителей империи. К сожалению, этот вопрос об “империализме торгового капитала” (если можно допустить подобное выражение) еще мало освещен в марксистской науке. Ясно, что в данном случае главным стимулом к захватам является насыщенность еще не фабрикатами, а капиталом, торговым или денежным (как в древней Италии или в Германии 15–16 века, действующей через Португалию и Испанию), и в роли жертвы может оказаться страна, относительно более развитая в промышленном отношении (как Ближний Восток в древности или Индия и центральная Америка в 16 веке)»⁷⁸. Здесь мы видим отчетливое влияние на его взгляды идей российских исследователей той эпохи, в том числе его учителя Р. Ю. Виппера.

Через 10 с небольшим лет опубликованные С. А. Лясковским статьи уже целиком и полностью были основаны на новом прочтении Античности

как не капиталистического, а рабовладельческого общества. В популярном очерке о Юлии Цезаре он оперирует такими терминами, как «рабовладельческая держава» и «расцвет римского рабовладельческого хозяйства», а самого Цезаря характеризует как «подлинного основателя рабовладельческой империи, крупнейшего рабовладельца Древнего Рима»⁷⁹.

Еще более выпукло эту тенденцию можно увидеть, пожалуй, в основной из опубликованных работ С. А. Лясковского «Наука о сельском хозяйстве в связи с общим развитием естествознания в классической Греции до Теофраста»⁸⁰. Статья состоит из двух частей. В 1-й части автор рассматривает взгляды древних греков на природу до появления труда Теофраста, активно цитируя как древние тексты, так и работы современных ему авторов, прежде всего немецких. Во 2-й части он переходит к вопросу о «реконструкции греческих натурфилософских концепций, влиявших на Теофраста». И в этой части статьи, отличающейся от предыдущего материала, речь идет об «античной общественно-экономической формации»⁸¹, где общество «четко разделено на два основных класса: рабов и рабовладельцев» (со ссылкой на Ф. Энгельса)⁸². Говорит профессор и о государстве, которое видится ему как «мощная организация господствующего класса, гарантирующая возможность спокойной эксплуатации масс рабов», и о классовой борьбе⁸³. Таким образом, уже в середине 1930-х гг. он воспринимает концепцию Струве и его сторонников о рабовладельческой формации⁸⁴.

Однако эти исследования не получили развития. По не вполне понятным причинам С. А. Лясковский прекратил публиковаться по проблемам истории античного мира и в послевоенное время сосредоточился на библиографических трудах.

Видимо, этому способствовал и переход ученого в 1944 г. на работу в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР, где он проработал до выхода на пенсию в 1958 г. в должности научного библиографа. С. А. Лясковский участвовал в комплектовании библиотеки иностранной литературой

⁷⁷Лясковский С. А. Наука о сельском хозяйстве с общим развитием естествознания в классической Греции до Теофраста // Из истории материального производства античного мира : сб. ст. ; М. С. Альтман [и др.]. М. ; Ленинград : Соцэкгиз, 1935. 342 с. ; Он же. К критике буржуазных концепций истории древнего мира // ПИДО. 1935. № 1–2. С. 197–208.

⁷⁸Он же. История XX века: курс лекций, читанных на педагогическом факультете Белгосуниверситета в 1924–25 годах проф. Лясковским. Минск : БГУ, 1925. С. 4.

⁷⁹Он же. Юлий Цезарь // История в средней школе. 1935. № 5. С. 44–56.

⁸⁰Он же. Наука о сельском хозяйстве... С. 184–221.

⁸¹Там же. С. 200. (При этом С. А. Лясковский параллельно критикует Э. Мейера и Ю. Белоха, которые «иной раз откровенно полемизируют с марксизмом, не замечая того, как это плохо вяжется с их представлением об Античности как о капиталистической эпохе!».)

⁸²Там же.

⁸³Там же. С. 201.

⁸⁴Там же. С. 221. (Отголоски старых представлений еще проявляют себя в его трудах: «Крепостнические отношения восточного типа и победа религии – такова неизбежная судьба мира “эллинизма”».)

по соответствующим отраслям исторической науки и составлении библиографических указателей⁸⁵. Так, он выступил одним из ответственных редакто-

ров библиографического указателя А. И. Воронкова по античной истории [8].

Скончался С. А. Лясковский в 1968 г. в Москве.

Заклучение

Научная судьба С. А. Лясковского оказалась не столь удачной, как судьба других выпускников историко-филологического факультета Московского университета начала XX в., добившихся значительных успехов как в науке, так и в административной карьере⁸⁶. Можно считать, что работа в БГУ стала для него своеобразным водоразделом: пришлось перепрофилироваться с древней и средневековой истории на историю Нового и Новейшего времени как в преподавании, так и в научных интересах. Но закрепиться в БГУ ему не удалось. Читаемые курсы гораздо органичнее смотрелись в нагрузке новых

преподавательских кадров, часто не имевших университетского образования, но способных похвастаться «правильным» происхождением и революционным бэкграундом.

В итоге С. А. Лясковскому не удалось вернуться к полноценной научной работе в области своей специализации после увольнения из БГУ. В 1930-х гг. он издал лишь несколько статей по истории Античности и постепенно переключился на обзоры зарубежной и советской литературы по истории античного мира, а впоследствии занялся библиографической работой.

Библиографические ссылки

1. Наумов ПЮ. Ученики Р. Ю. Виппера. *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской православной церкви*. 2018;80:77–92.
2. Ельницкий ЛА. Памяти С. А. Лясковского (1887–1968). *Вестник древней истории*. 1969;4:231–232.
3. Савин АН. *Университетские дела. Дневник 1908–1917 гг.* Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2015. 524 с.
4. Моторова ЛА., Шидловская ОП. Подготовка учителей-историков в Витебском педагогическом институте (1918–1924 гг.). *Вестник Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. 1998;3(9):40–44.
5. Малюгин ОИ. Евгений Константинович Успенский. В: Король АД, редактор. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–2001)*. Минск: БГУ; 2021. с. 57–67.
6. Малюгин ОИ. Антон Никитич Ясинский и становление белорусской медиевистики в 1920-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;3:33–44.
7. Ельницкий Л. *Три круга воспоминаний. На папери храма науки*. Москва: Аграф; 2014. 368 с.
8. Воронков АИ, составитель; Лясковский СА, Попов АН, редакторы. *Древняя Греция и Древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895–1959 гг.)*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1961. 524 с.

References

1. Naumov PYU. [Pupils of R. Yu. Vipper]. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi*. 2018;80:77–92. Russian.
2. El'nitskii LA. [In memory of S. A. Lyaskovsky (1887–1968)]. *Vestnik drevnei istorii*. 1969;4:231–232. Russian.
3. Savin AN. *Universitetskie dela. Dnevnik 1908–1917 gg.* [University affairs. Diary 1908–1917]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; 2015. 524 p. Russian.
4. Motorova LA, Shidlovskaya OP. [Training of teachers-historians at the Vitebsk Pedagogical Institute (1918–1924)]. *Vesnik Vicebskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta*. 1998;3(9):40–44. Russian.
5. Maliugin OI. [Evgenii Konstantinovich Uspenskii]. In: Korol' AD, editor. *Intellektual'naya elita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshogo obrazovaniya (1919–2001)* [The intellectual elite of Belarus. Founders of Belarusian science and higher education (1919–2001)]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 57–67. Russian.
6. Maliugin OI. Anton Nikitich Yasinsky and the formation of the Belarusian Medieval studies in the 1920s. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;3:33–44. Russian.
7. El'nitskii L. *Tri kruga vospominanii. Na paperti khrama nauki* [Three circles of memories. On the porch of the temple of science]. Moscow: Agraf; 2014. 368 p. Russian.
8. Voronkov AI, compiler; Lyaskovskii SA, Popov AN, editors. *Drevnyaya Gretsia i Drevnii Rim. Bibliograficheskii ukazatel' izdaniy, vyshedshikh v SSSR (1895–1959 gg.)* [Ancient Greece and Ancient Rome. Bibliographic index of publications, released in the USSR (1895–1959)]. Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR; 1961. 524 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.12.2021.
Received by editorial board 23.12.2021.

⁸⁵В круг обязанностей С. А. Лясковского в первые послевоенные годы входила и организация выставок поступлений новой иностранной литературы, о которых упоминает антиковед Л. А. Ельницкий [7, с. 75]. Для московской научной интеллигенции эти выставки были одним из признаков возвращения к нормальной послевоенной действительности.

⁸⁶Уместно привести в пример двух выпускников Московского университета, сделавших карьеру именно в стенах БГУ, – Н. М. Никольского и В. Н. Перцева.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 930.2:929

ПОНЯТИЯ «БИОГРАФИКА» И «БИОГРАФИСТИКА» В РОССИЙСКОЙ, УКРАИНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

С. В. НАСТУСЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются история возникновения и практика использования понятий «биографика» и «биографистика» в российской, украинской и белорусской исторической науке. Исследуются теоретические дискуссии, развернувшиеся в советское время вокруг проблем биографического жанра. Приводятся и анализируются основные версии появления указанных понятий. В ходе анализа и сопоставления практики их использования выявляются основные смыслы, которые вкладывают в них российские, украинские и белорусские исследователи. Представлено авторское видение предмета биографики (биографистики) как дисциплины. В рамках сложившейся дисциплинарной системы социально-гуманитарных наук выделяются три основных направления биографики: философское, литературно-художественное и историческое. Дается определение понятия «историческая биографика».

Ключевые слова: биографика; биографистика; историческая биографика; методология биографии; историография.

Образец цитирования:

Настусевич СВ. Понятия «биографика» и «биографистика» в российской, украинской и белорусской исторической науке. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;1:74–82.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-1-74-82>

For citation:

Nastusevich SV. The concepts of «biographica» and «biographistica» in Russian, Ukrainian and Belarusian historical science. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;1:74–82. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-1-74-82>

Автор:

Станислав Валерьевич Настусевич – аспирант кафедры истории России исторического факультета. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. И. Меньковский.

Author:

Stanislav V. Nastusevich, postgraduate student at the department of Russian history, faculty of history.
st.nastusevich@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3997-5265>

ПАНЯЦЦІ «БІЯГРАФІКА» І «БІЯГРАФІСТЫКА» Ў РАСІЙСКОЙ, УКРАЇНСКОЙ І БЕЛАРУСКОЙ ГІСТАРЫЧНАЙ НАВУЦЫ

С. В. НАТУСЕВИЧ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Разглядаюцца гісторыя ўзнікнення і практыка выкарыстання паняццяў «біяграфіка» і «біяграфістыка» ў расійскай, украінскай і беларускай гістарычнай навучы. Даследуюцца тэарэтычныя дыскусіі, якія разгарнуліся ў савецкі час вакол праблем біяграфічнага жанру. Прыводзяцца і аналізуюцца асноўныя версіі з'яўлення названых паняццяў. У ходзе аналізу і супастаўлення практыкі іх выкарыстання выяўляюцца асноўныя сэнсы, якія ўкладваюць у іх расійскія, украінскія і беларускія даследчыкі. Прадстаўлена аўтарскае бачанне прадмета біяграфікі (біяграфістыкі) як дысцыпліны. У рамках усталяванай дысцыплінарнай сістэмы сацыяльна-гуманітарных навук вылучаюцца тры яе асноўныя напрамкі: філасофскі, літаратурна-мастацкі і гістарычны. Даецца азначэнне паняцця «гістарычная біяграфіка».

Ключавыя словы: біяграфіка; біяграфістыка; гістарычная біяграфіка; метадалогія біяграфіі; гістарыяграфія.

THE CONCEPTS OF «BIOGRAPHICA» AND «BIOGRAPHISTICA» IN RUSSIAN, UKRAINIAN AND BELARUSIAN HISTORICAL SCIENCE

S. V. NASTUSEVICH^a

^a *Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article covers the history of emergence and practice of using the concepts of «biographica» and «biographistica» in Russian, Ukrainian and Belarusian historical science. The theoretical discussions that took place in Soviet historical science on issues of the biographical genre are examined. The major versions of appearance of the abovementioned concepts are given and analysed. The major meanings intended by Russian, Ukrainian and Belarusian researchers is revealed through the analysis and comparison of the practice of using these concepts. The author's vision of the subject of the discipline of biographica (biographistica) is presented. Three of its major directions within the established disciplinary system of social and humanitarian sciences are distinguished: philosophical, literary-artistic, historical. The definition of the concept of «historical biographica» is given.

Keywords: biographica; biographistica; historical biographica; methodology of biography; historiography.

Введение

В XXI в. биографический жанр приобретает все большую популярность как среди исследователей, так и среди широкой общественности. Это актуализирует развитие и изучение теории историко-биографической реконструкции в российской, украинской и белорусской исторической науке. В результате на стыке наук сформировалась специальная дисциплина, занимающаяся теоретическими проблемами биографии. Для ее обозначения исследователи используют понятия «биографика» и «биографистика». Практика употребления данных терминов за-

висит от множества факторов: историографической традиции, степени разработанности рассматриваемой проблемы, дисциплинарной принадлежности и личных взглядов автора. Соответственно, различаются и смыслы, вкладываемые в указанные понятия исследователями. Это приводит к избыточной терминологической вариативности и порождает хаотическое использование понятийного аппарата новой дисциплины. Цель настоящей работы заключается в выявлении данной вариативности и поиске решений для ее преодоления.

Методология исследования

В основе работы лежит сравнительно-исторический метод, направленный на выявление общих и частных особенностей и закономерностей употребления понятий «биографика» и «биографистика» в российской, украинской и белорусской историографии. Сравнительному анализу подлежат теоретические представления отдельных исследователей

о происхождении рассматриваемых понятий, смыслы, вкладываемые в них российскими, украинскими и белорусскими историками, а также вариативность и частотность употребления данных терминов в разных историографических традициях.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время доподлинно не известно, где и когда появилось понятие «биографика». В российской историографии принято считать, что начало разработки проблем биографики как специальной дисциплины относится к 1920-м гг. и связано с научными трудами Н. А. Рыбникова (1880–1961), И. Т. Филиппова (1888–1927) и Г. О. Винокура (1896–1947)¹. Так, по инициативе российского психолога и педагога Н. А. Рыбникова в 1919 г. был выдвинут проект создания биографического института – междисциплинарного научного центра, который занимался бы сбором биографической документации, теоретическим осмыслением и реализацией основных положений биографической истории [1, с. 419]. Идеи Н. А. Рыбникова были весьма амбициозны. Согласно его планам биографический институт должен был стать «международным адресным столом», в котором будут храниться биографические данные обо всех людях, так или иначе отметившихся в истории, что поможет сохранить и передать их жизненный опыт будущим поколениям [1, с. 421]. Осуществление проекта предварительно оценивалось в 296 тыс. руб., и, вероятно, именно высокая стоимость привела к отказу в открытии биографического института со стороны Наркомпроса РСФСР [1, с. 422]. Анализируя идеи Н. А. Рыбникова, А. М. Эткинд отмечает их футуристический характер [1, с. 421] и влияние на них учения российского философа Н. Ф. Фёдорова² [1, с. 422]. И. Л. Беленький в одной из работ называет Н. А. Рыбникова автором понятия «биографика»³. Однако в других работах он отдает это авторство ростовскому историку И. Т. Филиппову, подчеркивая, что именно он ввел данный термин в научный оборот как «дисциплинарное понятие» [2, с. 40]. По мнению И. Л. Беленького, в статье «К вопросу о науке биографии» (1926) И. Т. Филиппов смог обозначить предметную область биографики как «отдела исторического знания, исследующего типологические формы проявления личностной индивидуальности в истории» [2, с. 40]. В то же время с авторством И. Т. Филиппова не согласен А. В. Кореньевский. Он указывает на то, что ростовский историк вместо термина «биографика» использовал понятия «наука биографии» и «антропография». Кроме того, ученый подчерки-

вает, что антропография мыслится И. Т. Филипповым не как «отдел истории», а как дисциплина на границе социальных и естественных наук [3, с. 308]. Вместе с тем И. Л. Беленький и А. В. Кореньевский сходятся во мнении о том, что предмет биографики (антропографии) И. Т. Филиппова близок к пониманию предметного поля современной исторической антропологии [2, с. 40; 3, с. 309]. Третьим теоретиком биографики 1920-х гг. считается советский лингвист и литературовед Г. О. Винокур. В 1927 г. была издана его работа «Биография и культура», в которой он попытался разработать литературно-художественную концепцию теории биографии с феноменологических позиций. Рассматривая биографию сквозь призму взаимоотношений философии, психологии, истории и филологии, автор отводит решающую роль проблемам форм и стилей биографического письма. В то же время, исследуя свой предмет, Г. О. Винокур практически не учитывает теоретико-методологический потенциал исторической науки, что не позволяет говорить о нем как о теоретике исторического направления биографики [2, с. 41].

В украинской историографии наблюдается плюрализм взглядов относительно происхождения понятия «биографика». Так, согласно мнению В. С. Чишко, данное понятие впервые стали употреблять в середине XIX в. западноевропейские историки литературы в качестве синонима искусства написания биографии [4, с. 6]. Автор не дает указания на того, кто именно ввел данное понятие в научный дискурс, но подчеркивает, что первой работой, посвященной методологическим проблемам биографии, стала книга Дж. Ф. Стенфилда (1749–1824) «Опыт изучения и построения биографии» (1813)⁴ [4, с. 31]. При этом В. С. Чишко отмечает, что термин «биографика» до середины XX в. практически не использовался, поскольку в литературоведении в середине XIX в. получило распространение понятие «биографический метод», введенное французским литературоведом и критиком Ш. О. Сент-Бёвом⁵ (1804–1869) [4, с. 6, 32]. Вместе с тем украинский исследователь Т. Н. Попова, знакомая с работами В. С. Чишко, солидарна с мнением российских коллег. В монографии «Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия» (2019)⁶ она

¹Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / редкол. : А. О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. М. : Аквилон, 2014. С. 31–32.

²Федоров Николай Федорович (1829–1903) – русский религиозный философ, создатель философии музейного и библиотечного дела, один из родоначальников философии русского космизма, автор собрания сочинений «Философия общего дела», изданного в 1906–1913 гг.

³Беленький И. Л. Биографика // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. : энцикл. : в 5 т. М., 1994. Т. 1. С. 234.

⁴Оригинальное название: *An Essay on the study and composition of biography*.

⁵«Биографический метод» Ш. О. Сент-Бёва постепенно выкристаллизовался в его литературных портретах и критических очерках 1830-х гг.

⁶В указанной работе Т. Н. Попова противоречит сама себе, в одном месте связывая появление понятия «биографика» с одним лишь И. Т. Филипповым [5, с. 255], а в другом – с Н. А. Рыбниковым, И. Т. Филипповым и Г. О. Винокуром [5, с. 256].

указывает на то, что термин «биографика» появился в 1920-х гг., и вслед за И. Л. Беленьким отдает авторство понятия И. Т. Филиппову [5, с. 225].

Дискуссия, развернувшаяся в 1920-х гг. вокруг теоретико-методологических оснований биографии, к началу 1930-х гг. практически полностью прекратилась. Данная тематика не вписывалась в рамки марксистской методологии, акцентировавшей внимание на социально-классовых аспектах [6, с. 142; 4, с. 61]. Однако биография, как жанр художественной и научно-популярной литературы, оставалась востребованной в рамках «героико-мифологической парадигмы» (понятие И. Л. Беленького) [6, с. 144]. Как указывает Т. А. Павлова, начиная с серии «Жизнь замечательных людей», открытой в 1934 г. М. Горьким, на первый план всех биографических работ вышла воспитательная функция [7, с. 18–19]. Героями таких биографий становились прогрессивные политические, общественные и военные деятели, чаще всего участники Октябрьской революции, а также некоторые иностранные государственные деятели, полководцы, художники, писатели и ученые [7, с. 19]. После Великой Отечественной войны биографии книжной серии «Жизнь замечательных людей» получили еще большую политическую окраску. Советская власть дала установку на усиление роли патриотического воспитания, и, помимо известных личностей, в качестве героев биографий стали выступать рабочие, передовики труда, участники стахановского движения и деятели революции. Центральным мотивом послевоенных биографических работ стал военный, трудовой, политический и творческий подвиг личности [7, с. 20–21]. В 1940-х гг. был сформирован биографический канон «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография» (1947), ежегодно издававшийся миллионными тиражами. По мнению И. Л. Беленького, ориентация авторов на данный канон исключила поиски новых интерпретаций и привела к повсеместному распространению в советской литературе «мифологической биографии» [6, с. 145]. В результате биографический жанр в глазах историков потерял свою ценность и длительное время носил прикладной, научно-популярный, просветительский характер, не заслуживающий отдельного внимания.

В 1960-х гг. в художественной литературе, философии, истории и других науках произошли изменения в восприятии человека: от жесткой

детерминации личности общественными отношениями – к пониманию ее персонального своеобразия, учитывающего экзистенциальный опыт, возможность альтернативных стратегий поведения и творческую активность индивида [6, с. 146–147]. Благодаря подобным изменениям биографический жанр в СССР приобрел небывалую популярность. В 1960-х гг. серия «Жизнь замечательных людей» стала выпускать до двух десятков биографий в год. Она ориентировалась на художественную биографию и профессиональных писателей в качестве авторов [7, с. 22]. Развитием научной и научно-популярной биографии занималась «Научно-биографическая серия», посвященная жизнеописаниям ученых. В целом в 1960–70-х гг. наблюдался расцвет биографических серий самой разной направленности⁷. В 1966 г. редакцией «Жизнь замечательных людей» был создан историко-биографический альманах «Прометей», ориентированный на публикацию дополнительных биографических материалов. В его первом номере вышла статья А. А. Акимовой «История и биография», в которой она рассуждает о роли автора биографии, взаимодействии научного и художественного начал в биографическом жанре, а также о значении исторического источника и контекста [8]. С этого момента теоретические проблемы биографического жанра вошли в круг интересов советских литературоведов, а после и историков. В 1969 г. была защищена работа Т. Ф. Непомнящей «Книги о замечательных людях как тип издания» – первая диссертация, посвященная серии «Жизнь замечательных людей»⁸. В 1973 г. биография стала центральной темой обсуждения на круглом столе журнала «Вопросы литературы» (1973, № 10). Участники дискуссии рассуждали о биографическом жанре, художественных приемах, которыми должен пользоваться автор, месте и роли документальных источников, проблемах использования биографического метода в литературоведении, а также о необходимости создания теории литературной биографии⁹. В те же годы теоретическими проблемами биографии заинтересовалось историческое сообщество. В 1970 г. проблемы биографических исследований обсуждались на круглом столе журнала «История СССР» (1970, № 4). В ходе дискуссии историки указывали на почти полное отсутствие научных биографических исследований в советской историографии. Докладчики критиковали художественные и научно-популярные биографии,

⁷ С начала 1960-х гг. серию «Жизнь замечательных людей» (1934) дополнили «Научно-биографическая серия» (1959), серии «Мыслители прошлого» (1963), «Жизнь в искусстве» (1967), «Пионер – значит первый» (1967), «Пламенные революционеры» (1968), «Писатели о писателях» (1984) и др. Биографии также публиковались в сериях книг «Из истории мировой культуры» (1964), «История нашей родины» (1975), «История и современность» (1980) и др. Абсолютное большинство биографий, опубликованных в данных книжных сериях, носят художественный, научно-художественный и научно-популярный характер.

⁸ Непомнящая Т. Ф. Книги о замечательных людях как тип издания (серия «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1969. 17 с.

⁹ «Жизнь и деятельность...»: нерешенные проблемы биографического жанра // *Вопр. лит.* 1973. № 10. С. 16–93.

ориентированные на массового читателя, рассматривали проблемы использования источников личного происхождения, неоднократно подчеркивали необходимость разработки теоретико-методологических и историографических оснований биографических исследований¹⁰. В 1976 г. состоялась защита кандидатской диссертации В. В. Баженова «Историческая биография в советской историографии (1917 – середина 1930-х гг.)»¹¹ – первой диссертации в СССР, посвященной историографическому изучению биографического жанра. Автор попытался проследить историю зарождения советской биографии, однако узкие хронологические рамки и идеологическая ангажированность не позволили ему произвести исчерпывающее исследование обозначенных процессов.

Возрождение интереса к теоретико-методологическим проблемам биографической реконструкции привело к возвращению понятия «биографика» и появлению понятия «биографистика». Как сообщают Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и Н. В. Некрасова, под биографикой в 1970–80-х гг. понималась совокупность научных, научно-популярных и художественных биографических работ, а понятие «биографистика» употреблялось в рамках рефлексии над биографикой¹². В то же время В. С. Чишко сообщает, что понятие «биографика» в 1960–80-х гг. использовалось литературоведами, а понятие «биографистика» было введено в научный оборот историками в 1970-х гг. для обозначения своего предметного поля [4, с. 6]. Вместе с тем использование данных терминов не могло быть распространенным. Они не встречаются в рассмотренных нами дискуссиях, не используют их и авторы указанных диссертаций. Лишь в 1990-х гг. данные понятия получили относительно широкое распространение для обозначения дисциплины гуманитарного цикла, разрабатывающей философско-теоретические, историографические, методологические, источниковедческие и другие основания биографической реконструкции.

Для обозначения новой дисциплины российские авторы стали использовать понятие «биографика». Его наиболее объемное определение дал И. Л. Беленький. Биографика – это «специальная» дисциплина и область знания, разрабатывающая

теоретичес[еские], историографичес[еские], методичес[еские], источниковедч[еские] проблемы биографий». Она «тесно связана со вспомогательными и специальными историческими дисциплинами (генеалогией, геральдикой, палеографией и др.), филологией, краеведением, словарно-энциклопедическим делом, библиографией и др.»¹³. В другой работе И. Л. Беленький понимает под биографикой совокупность «философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции» [2, с. 38]. По мнению С. Н. Иконниковой, «биографика как отрасль исторического знания исследует основные модели, понятия, структуру жизнеописания, степень достоверности фактов, соотношение документальных источников и художественного вымысла» [9, с. 7]. Более узкого подхода придерживается Н. В. Некрасова. На ее взгляд, биографика – это «вспомогательная историческая дисциплина, разрабатывающая теоретические, методические, историографические, источниковедческие проблемы биографий»¹⁴. Однако поскольку данное понятие используется не только историками, но и философами, литературоведами, социологами, политологами, другими специалистами, то более точными являются определения И. Л. Беленького. Кроме указанных авторов, биографику как отдельную дисциплину в российской науке трактуют О. Б. Вахромеева [10, с. 10], Е. В. Медведева [11, с. 31], И. Ф. Петровская [12, с. 12], В. М. Рябков [13, с. 16], Г. П. Мягков, Т. Н. Иванова [14, с. 25] и др.

Украинские ученые новую дисциплину стали обозначать с помощью понятия «биографистика»¹⁵. Классическим стало определение, которое ему дал В. С. Чишко: «дисциплина, которая изучает историю, теорию и практику историко-биографических исследований как область исторической науки»¹⁶ [4, с. 6]. Более широкое и развернутое определение приводит В. И. Попик: «Биографистика – это теоретические и методологические основания научных биографических исследований, в широком смысле – дисциплина, призванная изучать и обобщать опыт биографического творчества как явления культуры и общественной жизни» [15, с. 129]. Биографисти-

¹⁰Биография как историческое исследование // История СССР. 1970. № 4. С. 231–242.

¹¹Баженов В. В. Историческая биография в советской историографии (1917 – середина 1930-х годов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. М. : Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, 1976. 30 с.

¹²Теория и методология исторической науки... С. 33.

¹³Беленький И. Л. Биографика. С. 233.

¹⁴Теория и методология исторической науки... С. 31.

¹⁵За исключением философа А. Л. Валевского, который в 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию под названием «Методологические основания биографии», в 1993 г. выпустил работу «Основания биографики», а в 1995 г. опубликовал объемную статью «Биографика как дисциплина гуманитарного цикла». Свои исследования А. Л. Валевский посвятил решению философских проблем биографической реконструкции и обозначил в них необходимость создания новой дисциплины гуманитарного цикла под названием «биографика», которая должна заниматься разработкой теоретико-методологических оснований биографии.

¹⁶Здесь и далее перевод наш. – С. Н.

ку в качестве отдельной дисциплины в украинской историографии также выделяют Е. В. Бугаева [16, с. 11], Л. И. Буряк [17, с. 11], В. М. Константинова [18, с. 379], С. М. Ляшко [19, с. 27], Т. Н. Попова [5, с. 258, 264] и др.

В белорусской историографии рассматриваемые нами понятия появились относительно недавно, но уже получили распространение. Понятие «биографика» используют Л. И. Довнар [20, с. 114], М. Б. Пожарицкий [21, с. 122], О. А. Яновский [22, с. 185], В. Н. Сидорцов, А. А. Приборович [23, с. 8] и др. Понятие «биографистика» встречается в работах В. В. Врублевского [24, с. 153], С. В. Жумаря [25, с. 118], Г. В. Корзенко, И. И. Шевчука [26, с. 156] и др. В первую очередь это свидетельствует об интересе белорусских исследователей к новым подходам биографической реконструкции, появившимся в зарубежной историографии (главным образом в российской и украинской). Однако авторы, использующие данные понятия в своих исследованиях, не ставили целью разработать собственные определения. В связи с этим точное значение, приписываемое данной терминологии белорусскими историками, установить невозможно. Но, опираясь на контекст их употребления, можно сделать вывод о том, что понятия «биографика» и «биографистика» чаще всего используются в качестве синонимов и обозначают не отдельную дисциплину, а предметную область, включающую в себя совокупность биографических жанров, работ, сведений, методов и принципов биографической реконструкции.

Подобная практика также весьма активно применяется российскими и украинскими исследователями. Несмотря на большое количество теоретических работ, обосновывающих существование биографики (биографистики) в качестве самостоятельной дисциплины, авторы не менее часто подразумевают под данными понятиями отдельную предметную область, объединяющую всю возможную биографическую проблематику. При необходимости ее сужения исследователи используют уточняющие слова, что в наибольшей степени характерно для украинских авторов. Для описания биографистики используются следующие прилагательные: *библиографическая, библиотековедческая, библиотечная, военная, женская, интеллектуальная, историко-филологическая, историческая, книжно-журнальная, литературная, медицинская, музыкальная, науковедческая, научная, педагогическая, политическая, публицистическая, сельскохозяйственная, словарно-справочная, социологическая, справочная, теоретическая, философская, художественная, экзистенциалистская* и др. Еще большее количество форм в украинской науке приобретает понятие «биографика»: *академическая, архивная, библиотечная, библиотековедческая, газетная, гендерная, женская, журнальная, интеллектуальная, историческая, книжная, краеведческая,*

литературная, литературно-художественная, морская, музыкальная, музыкально-культурная, науковедческая, научная, научно-художественная, образовательная, педагогическая, политическая, региональная, славяноведческая, справочная, философская, художественная, электронная, биографика детства и др. Такое разнообразие порождается нерелексивным использованием обоих понятий в качестве синонимов в их самом широком значении.

В российской науке вариативность уточняющих слов существенно меньше. Понятие «биографика» имеет следующие формы: *историографическая, историческая, книговедческая, медицинская, музыкальная, научная, новая, политическая, психоаналитическая, психологическая, сетевая, социальная, социологическая, философская, биографика журналистики, биографика социально-культурной деятельности* и др. В то же время понятие «биографистика» встречается лишь в одной дополнительной форме – *историческая*, что говорит о более упорядоченном использовании российскими исследователями рассматриваемого понятийного аппарата. Это же отражает частотность употребления понятий: термин «биографика» встречается гораздо чаще термина «биографистика». Однако, как и в украинской историографии, данные понятия в их широком значении взаимозаменяемы.

По намеченному пути движется и белорусская историография. В настоящее время в работах белорусских исследователей встречаются такие формы понятий, как *библиотековедческая биографика, архивная биографистика, интеллектуальная биографистика, историческая биографистика* и др. Однако данная практика не получила широкого распространения. На наш взгляд, это связано с тем, что рассматриваемый понятийный аппарат в научном дискурсе Беларуси еще не закрепился. Ввиду новизны данной темы для белорусской историографии, а также в связи с противоречивым использованием анализируемых понятий в российской и украинской историографии представим собственное видение предмета исследования.

Биография носит двуединый характер, в результате чего является одновременно формой литературного творчества и исторического исследования. Это обуславливает современный интерес к биографии со стороны литературоведения и исторической науки, а также актуализирует развитие ее теории в границах данных дисциплин. В то же время появление и развитие нового теоретического знания невозможно без разработки соответствующих философских оснований. К тому же биография является самым распространенным способом познания человека – наиболее сложной философской темой. Поэтому интерес философов к теоретическим проблемам биографики (биографистики) закономерен и объясним. В итоге зарождение и развитие теории биографии естественным образом связаны

с предметными областями философии, литературоведения и истории. Это позволяет без ущерба новой дисциплине выделить три основополагающих направления:

1) философскую биографику (развивается как часть философской антропологии и занимается осмыслением феномена человека в целях выявления философских оснований и особенностей его жизнеописания);

2) литературно-художественную биографику (изучает биографию в качестве произведения искусства и явления культуры, относящегося к определенному литературному жанру, анализируя при этом ее художественную и эстетическую составляющие)¹⁷;

3) историческую биографику (изучает теоретические концепции, подходы, методы и методики, а также историю становления историко-биографической реконструкции; представляет собой специальную историческую дисциплину, разрабатывающую теоретико-методологические и историографические основания историко-биографической реконструкции).

Разумеется, деление биографики на несколько дисциплинарных направлений содержит некоторую долю условности и полноценное развитие одного

направления невозможно без обращения к предметному полю другого. В то же время данный прием помогает определить границы и структуру предметного поля рассматриваемой дисциплины, упростить ее понимание и расставить необходимые акценты, позволяющие изучать и развивать биографику в рамках дисциплинарной системы современного научного знания. При этом нельзя забывать, что каждая из социально-гуманитарных дисциплин разрабатывает собственную теорию и практику применения биографии в качестве метода изучения своего предметного поля. Этим обуславливается развитие биографического метода как в философии, литературоведении и истории, так и в других дисциплинах: социологии, политологии, культурологии, искусствознании, психологии, краеведении и др. Потому следует различать биографику и биографический метод: в первом случае биография является самостоятельным объектом изучения, а во втором – вспомогательным средством исследования. В то же время биографический метод опирается на теоретические разработки биографики и потому напрямую связывает ее со всеми дисциплинами социально-гуманитарного цикла, в которых он используется, тем самым обеспечивая ее междисциплинарность.

Заключение

Таким образом, в российской и украинской историографии понятия «биографика» и «биографистика» используются в двух значениях. В узком смысле они обозначают отдельную дисциплину, разрабатывающую теорию биографии («биографика» – в российских работах и «биографистика» – в украинских). В широком смысле они обозначают предметную область, объединяющую всю возможную биографическую проблематику, для сужения которой применяются дополнительные уточняющие слова. В украинской историографии для обозначения предметной области используются оба понятия в равной степени. В российской историографии преобладает понятие «биографика» в обоих значениях. В белорусской историографии эти понятия появились недавно, но уже получили распространение. Белорусские авторы употребляют

их в качестве синонимов, без должной рефлексии и чаще всего в широком значении. Несмотря на семантическую близость данных понятий, в основе которой лежит родственность российской и украинской историографических традиций, приоритет в использовании следует отдать понятию «биографика», поскольку данный термин имеет более раннее происхождение и получил более широкое распространение (не только занял доминирующее положение в российской науке, но и весьма активно используется украинскими авторами). В то же время дальнейшее развитие биографики (биографистики) в качестве самостоятельной дисциплины требует разработки системного понятийного аппарата, согласующегося с дисциплинарной структурой современного социально-гуманитарного знания.

Библиографические ссылки

1. Эткинд АМ. Биографический институт. Неосуществленный замысел Н. А. Рыбникова. *Лица. Биографический альманах*. 1996;7:419–426.
2. Беленький ИЛ. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции. В: Репина ЛП, редактор. *История через личность. Историческая биография сегодня*. 2-е издание. Москва: Квадрига; 2010. с. 37–54.
3. Корневский АВ. История и антропография: к анализу взглядов И. Т. Филлипова. *Cogito. Альманах истории идей*. 2009;4:301–310.

¹⁷На наш взгляд, предметное поле литературно-художественной биографики может включать в себя как художественные, так и исторические тексты, исследуемые с помощью подходов и методов лингвистики и литературоведения. Поэтому к данному направлению также следует отнести изучение историко-биографического текста посредством теоретико-методологического комплекса филологических дисциплин, позаимствованного историей в ходе лингвистического поворота.

4. Чишко ВС. *Біографічна традиція та наукова біографія в історії і сучасності України*. Київ: МП «БМТ»; 1996. 239 с.
5. Попова ТН. *Дисциплінарний образ науки: підходи і поняття*. Одеса: Бондаренко М. А.; 2019. 392 с.
6. Беленький ІЛ. Біографія як історико-культурна проблема (к істориографії теми в отечественной литературе). В: Павлова ТА, редактор. *Историческая биография = Historic biography: сборник обзоров к XVII Международному конгрессу исторических наук; август 1990 г.; Мадрид, Испания*. Москва: ИНИОН РАН; 1990. с. 136–164.
7. Павлова ТА. Методологические проблемы. Биографистика в СССР. В: Павлова ТА, редактор. *Историческая биография = Historic biography: сборник обзоров к XVII Международному конгрессу исторических наук; август 1990 г.; Мадрид, Испания*. Москва: ИНИОН РАН; 1990. с. 5–32.
8. Акимов АА. История и биография. *Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей»*. 1966;1:346–353.
9. Иконникова СН. Биографика как часть исторической культурологии. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2012;11(2):6–10.
10. Вахромеева ОБ. *Биографика. Методика написания биографий*. Санкт-Петербург: ЛЕМА; 2013. 180 с.
11. Медведева ЕВ. Биографика как метод изучения персоналий. Поиск источников. *Библиосфера*. 2014;3:31–34.
12. Петровская ИФ. *Биографика. Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис»; 2010. 384 с.
13. Рябков ВМ. *Биографика социально-культурной деятельности: методология и методика*. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры; 2016. 145 с.
14. Мягков ГП, Иванова ТН. Биографика. Этапы дисциплинарного становления. В: Широков ОН, Иванова ТН, редакторы. *Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием; 18 апреля 2019 г.; Чебоксары, Россия*. Чебоксары: Издательский дом «Среда»; 2019. с. 25–32.
15. Попик ВІ. Biography – біографіка – біографістика – біобібліографія: понятійний арсенал історико-біографічних досліджень. *Український історичний журнал*; 2015;3:122–136.
16. Бугаєва ОВ. В. С. Чишко – учений-історик, біографіст, організатор науки. *Українська біографістика*. 2005;3:7–14.
17. Буряк ЛІ. Жіноча біографіка як напрям наукових досліджень: традиції й сучасні репрезентації. *Українська біографістика*. 2016;13:10–27.
18. Константінова ВМ. Актуалізація довідкової біографістики на теоретичному рівні [Ляшко С. М. Українські біографічні довідкові видання XIX–XX століття: історичні та теоретико-методологічні засади. Запоріжжя: Дике Поле; 2010. 288 с.]. *Українська біографістика*. 2012;9:379–384.
19. Ляшко СМ. Структура дефініції у біографістиці. *Українська біографістика*. 2005;3:27–35.
20. Доўнар ЛІ. Беларуская навука пра кнігу ў кантэксце персанальнага кнігазнаўства. *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў*. 2014;21(1):107–119.
21. Пожарицкий МБ. Педагогический эксперимент по библиотечковедческой биографике (на примере биографии ученого-библиотековеда Е. И. Хлебцевича). *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў*. 2020;36(2):122–136.
22. Яноўскі АА. Праспаграфічны метададаследавання пры асэнсаванні «інтэлектуальнай гісторыі» Беларусі. У: Яноўская ВВ, Даніловіч ВВ, рэдактары. *Метадалогія даследавання гісторыі Беларусі: праблемы, дасягненні, перспектывы: зборнік навуковых артыкулаў*. Мінск: Беларуская навука; 2018. с. 181–191.
23. Сидорцов ВН, Приборович АА. *Изучение личности в истории: ориентация на контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ*. Минск: БГУ; 2011. 199 с.
24. Урублеўскі ВВ. Прусаўскія прыход у сяле Нача: гісторыя і біяграфістыка (1794–1913 гг.). У: Аляхновіч АП, Арцюховіч ВУ, рэдактары. *Гісторыя Друцка-Бярэзінскага краю. Матэрыялы Першых грамадскіх навукова-краязнаўчых чытанняў; 28 сакавіка – 20 чэрвеня 2015 г.; Мінск – Крупкі – Магілёў, Беларусь*. Мінск: Медысонт; 2015. с. 153–162.
25. Жумар СУ. Важкі ўклад у архіўную біяграфістыку Беларусі. *Архівы і справаводства*. 2020;6:118–122.
26. Корзенко ГВ, Шевчук ІІІ. Личность в истории науки Беларуси: контуры нового жанра и уникальные издания. В: Меметов ВС, Комиссаров ВВ, Усманов СМ, Смирнов ДА, Калинин АК, Юркин НГ, редакторы. *Интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы. Материалы 30-й Международной научно-теоретической конференции; 26–27 сентября 2019 г.; Иваново, Россия*. Иваново: Ивановский государственный университет; 2019. с. 156–162.

References

1. Etkind AM. Biographical Institute. The unfulfilled plan of N. A. Rybnikov. *Litsa. Biograficheskii al'manakh*. 1996;7:419–426. Russian.
2. Belen'kii IL. [Biography and biographies in Russian cultural and historical tradition]. In: Repina LP, editor. *Istoriya cherez lichnost'. Istoricheskaya biografija segodnya* [History through personality. Historical biography today]. 2nd edition. Moscow: Kvadriga; 2010. p. 37–54. Russian.
3. Korenevskii AV. The history and anthropography: on the analysis of russ of I. T. Philippov. *Cogito. Al'manakh istorii idei*. 2009;4:301–310. Russian.
4. Chyshko VS. *Biografichna tradycija ta naukova biografija v istorii' i suchasnosti Ukrai'ny* [Biographical tradition and scientific biography in the history and modernity of Ukraine]. Kiev: МП «БМТ»; 1996. 239 p. Ukrainian.
5. Popova TN. *Distsiplinarnyi obraz nauki: podkhody i ponyatiya* [Disciplinary image of science: approaches and concepts]. Odessa: Bondarenko M. A.; 2019. 392 p. Russian.
6. Belen'kii IL. [Biography as a historical and cultural problem (on the historiography of the topic in Russian literature)]. In: Pavlova TA, editor. *Istoricheskaja biografija = Historic biography: sbornik obzоров k XVII Mezhdunarodnomu kongressu istoricheskikh nauk; avgust 1990 g.; Madrid, Ispaniya* [Historical biography: collection of reviews for the 17th International congress of

historical sciences; August 1990; Madrid, Spain]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 1990. p. 136–164. Russian.

7. Pavlova TA. [Methodological problems. Biographistica in the USSR]. In: Pavlova TA, editor. *Istoricheskaja biografija = Historic biography: sbornik obzоров k XVII Mezhdunarodnomu kongressu istoricheskikh nauk; avgust 1990 g.; Madrid, Ispaniya* [Historical biography: collection of reviews for the 17th International congress of historical sciences; 1990 August; Madrid, Spain]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 1990. p. 5–32. Russian.

8. Akimova AA. [History and biography]. *Prometei. Istoriko-biograficheskii al'manakh serii «Zhizn' zamechatel'nykh lyudei»*. 1966;1:346–353. Russian.

9. Ikonnikova SN. Biographical studies as part of the historical cultural studies. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2012;11(2):6–10. Russian.

10. Vakhromeeva OB. *Biografika. Metodika napisaniya biografii* [Biographica. Methods of writing biographies]. Saint Petersburg: LEMA; 2013. 180 p. Russian.

11. Medvedeva EV. Biografika as a method for studying personalities: the search for sources. *Bibliosphere*. 2014;3:31–34. Russian.

12. Petrovskaya IF. *Biografika. Vvedenie v nauku i obozrenie istochnikov biograficheskikh svedenii o deyatelyakh Rossii 1801–1917 godov* [Biographica. Introduction to science and review of sources of biographical information about the figures of Russia in 1801–1917]. 2nd edition. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom «Petropolis»; 2010. 384 p. Russian.

13. Ryabkov VM. *Biografika sotsial'no-kul'turnoi deyatel'nosti: metodologiya i metodika* [Biographica of socio-cultural activities: methodology and methods]. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi institut kul'tury; 2016. 145 p. Russian.

14. Myagkov GP, Ivanova TN. [Biographica. Stages of disciplinary formation]. In: Shirokov ON, Ivanova TN, editors. *Paradigmy rossiiskoi istorii skvoz' prizmu biografistiki (k 140-letiyu Alekseya Ivanovicha Yakovleva). Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem; 18 aprelya 2019 g.; Cheboksary, Rossiya* [Paradigms of Russian history through the prism of biographistica (to the 140th anniversary of Alexey Ivanovich Yakovlev). Materials of the All-Russian scientific conference with international participation; 2019 April 18; Cheboksary, Russia]. Cheboksary: Izdatel'skii dom «Sreda»; 2019. p. 25–32. Russian.

15. Popyk VI. Biography – biographica – biographistica – biobibliography: conceptual collection of historical-biographical researches. *Ukrainian historical journal*. 2015;3:122–136. Ukrainian.

16. Bugajeva OV, V. S. Chyshko – a scholar-historian, a researcher in biographic studies, planner of science. *Biographistica Ukrainica*. 2005(3):7–14. Ukrainian.

17. Burjak LI. Women's biography as the scientific field: traditions and modern representations. *Biographistica Ukrainica*. 2016;13:10–27. Ukrainian.

18. Konstantinova VM. Actualization of reference biography study on the theoretical level [Lyashko S. M. Ukrainian biographic reference publications of 19th–20th centuries: historical, theoretical and methodological grounds. Zaporizhzhya: Dyke Pole; 2010. 288 p.]. *Biographistica Ukrainica*. 2012;9:379–384. Ukrainian.

19. Ljashko SM. The structure of definition in biographic studies. *Biographistica Ukrainica*. 2005;3:27–35. Ukrainian.

20. Downar LI. The Belarusian bibliology in the personal bibliology context. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhavnaga wniwersiteta kul'tury i mastactvaw*. 2014;21(1):107–119. Belarusian.

21. Pozharitskii MB. Pedagogical experiment on library biographics (on the example of the biography of the library scientist E. I. Khlebtsevich). *Vesnik Belaruskaga dzjarzhavnaga wniwersiteta kul'tury i mastactvaw*. 2020;36(2):122–136. Russian.

22. Janowski AA. [The prosographic method of research in understanding the «intellectual history» of Belarus]. In: Janovskaja VV, Danilovich VV, editors. *Metadalogija dasledavannja gistoryi Belarusi: prablemy, dasjagnenni, perspektyvy: zbornik navukovyh artykulaw* [Methodology of the study of the history of Belarus: problems, achievements, prospects: collection of scientific articles]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. p. 181–191. Belarusian.

23. Sidortsov VN, Priborovich AA. *Izuchenie lichnosti v istorii: orientatsiya na kontent-analiz, psikoanaliz, diskurs-analiz* [The study of personality in history: orientation to content analysis, psychoanalysis, discourse analysis]. Minsk: Belarusian State University; 2011. 199 p. Russian.

24. Urublewski VV. [The Orthodox parish in the village of Nacha: history and biographistica (1794–1913)]. In: Aljahnovich AP, Arcjuhovich VU, editors. *Gistoryja Drucka-Bjarjezinskaga kraju. Matjeryjaly Pershyh gramadskih navukova-krajaznawchyh chytannjow; 28 sakavika – 20 chjervenja 2015 g.; Minsk – Krupki – Magiljow, Belarus'* [The history of the Drutsko-Berezinsky region. Materials of the First public scientific and local history readings; 2015 March 28 – June 20; Minsk – Krupki – Mogilev, Belarus]. Minsk: Medysont; 2015. p. 153–162. Belarusian.

25. Zhumar SU. [A significant contribution to the archival biographies of Belarus]. *Arhivy i spravavodstva*. 2020;6:118–122. Belarusian.

26. Korzenko GV, Shevchuk II. [Personality in the history of science in Belarus: the contours of a new genre and unique publications]. In: Memetov VS, Komissarov VV, Usmanov SM, Smirnov DA, Kalinin AK, Jurkin NG, editors. *Intelligentsiya i intelligentovedenie v nachale XXI veka: rezul'taty i perspektyvy. Materialy 30-i Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii; 26–27 sentyabrya 2019 g.; Ivanovo, Rossiya* [Intelligentsia and intellectual studies at the beginning of the 21st century: results and prospects. Materials of the 30th International scientific and theoretical conference; 2019 September 26–27; Ivanovo, Russia]. Ivanovo: Ivanovo State University; 2019. p. 156–162. Russian.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНАГА

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Дмитрий Владимирович
КАРЕВ**

**Дзмітрый Уладзіміравіч
КАРАЎ**

**Dzmitry Uladzimiravich
KARAU**

Дмитрий Владимирович Карев, доктор исторических наук, профессор Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, ушел из жизни 7 октября 2021 г. В его лице историческая наука Беларуси потеряла одного из лучших историографов, владевших глубокими источниковедческими познаниями, которые опирались на архивно-археографические традиции, усвоенные во время обучения в Московском историко-архивном институте.

Дмитрий Владимирович родился 25 декабря 1949 г. в Уфе. После окончания в 1973 г. факультета архивного дела Московского историко-архивного института он до 1979 г. работал научным сотрудником в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР (Владивосток), одновременно преподавал в Дальневосточном государственном университете. Переехав в Гродно, Дмитрий Владимирович продолжил научно-педагогическую деятельность в качестве преподавателя ГрГУ имени Янки Купалы. В декабре 1983 г. Д. В. Карев успешно

защитил кандидатскую диссертацию «Академик М. К. Любавский как историк феодальной России» в Институте истории АН СССР. Несомненной заслугой Дмитрия Владимировича, сделавшей его имя известным в научных кругах Беларуси, Литвы, Польши, России, Украины и других стран, стала его инициатива по регулярному проведению с 1990 г. в Гродно международных научных конференций по проблемам истории и культуры Беларуси, историографии, источниковедения, археологии. По итогам работы этих форумов Д. В. Карев составлял и редактировал (часто даже без технических помощников) сборники «Наш радавод», ставшие широко известными не только в нашей стране, но и за ее пределами. Он привлек к участию в работе конференций историков, филологов, литературоведов, правоведов из Беларуси, Литвы, Польши, России, Украины, других стран Европы и Северной Америки, сделал эти научные форумы своего рода феноменом в белорусской историографии. Именно благодаря данным конференциям получили путевку в науку

многие начинающие исследователи, а маститые ученые обрабатывали и совершенствовали на них новейшие приемы и методы исторического исследования, которые затем применяли при написании монографий, научных статей. В пятой книге сборника «Наш радавод» (1993) была опубликована и монография самого Д. В. Карева «Белорусская историография конца XVIII – начала XX веков (политика царизма и формирование исторической науки Беларуси)», ставшая затем основой докторской диссертации, которую ученый успешно защитил в Институте истории НАН Беларуси в 1996 г.

Обладая колоссальной энергией, Дмитрий Владимирович принимал активное участие в подготовке научных кадров, руководил работой аспирантов, магистрантов, являлся членом специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций при БГУ, Гродненском государственном университете имени Янки Купалы. Д. В. Карев неоднократно выступал в качестве официального оппонента на защите докторских и кандидатских диссертаций. Он находил время и для руководства созданным им в 1995 г. Гуманитарным центром исследований Восточной Европы. Совместно с российскими коллегами ученый был подготовлен к изданию увидевший свет в 1996 г. труд М. К. Любавского «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века». Авторская монография «Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев» была опубликована в 2007 г. Для первого тома коллективной монографии «История белорусской государственности», увидевшей свет в 2018 г., Дмитрий Владимирович совместно с другими авторами написал историографический раздел.

Наряду с отечественной историографией Д. В. Карев активно занимался исследованиями историографии архивоведения, археографии и архивного дела Беларуси. Он написал главы «Архивное наследие

Великого княжества Литовского и архивы Беларуси в конце XVIII – начале XX в.», «Собрание, изучение и публикация исторических источников в Беларуси и Литве в конце XVIII – начале XX в.» для коллективной монографии «Очерки истории архивного дела в Беларуси (XV в. – 1991 г.)», изданной в 1999 г. под грифом Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела. Также Дмитрий Владимирович подготовил к публикации в 11-м выпуске издания «Беларускі археаграфічны штогоднік» (2010) лекции М. К. Любавского, читавшиеся ученым на архивных курсах Централархива РСФСР в 1928–1929 гг.

Д. В. Карев был неизменным участником проводившихся историческим факультетом БГУ международных и республиканских научных, научно-практических конференций и круглых столов. Его выступления, а также высказывания во время дискуссий всегда носили оригинальный характер, вызывая неизменный интерес у присутствовавших.

В личной библиотеке автора некролога находятся многочисленные опубликованные работы Дмитрия Владимировича с дарственными надписями, сделанными его характерным размашистым почерком, а в личном архиве хранятся письменные и визуальные источники, запечатлевшие полувекковое общение, переросшее в дружбу: фото со студенческих времен, постстуденческих встреч на заседании известного кружка источниковедения при Историко-архивном институте в Москве (Д. В. Карев в 1970-х гг. был его секретарем), с последней встречи, состоявшейся на кафедре источниковедения исторического факультета БГУ весной прошлого года. И книги, и фотографии всегда будут напоминать об этом светлом, доброжелательном, общительном человеке, талантливом ученом и заботливым семьянине, верном друге. Память о нем сохранится в сердцах всех, знавших его.

*М. Ф. Шумейко*¹

¹Михаил Федорович Шумейко – кандидат исторических наук, доцент; профессор кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Міхаіл Фёдаравіч Шумейка – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; прафесар кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Michail F. Shumeiko, PhD (history), docent; professor at the department of source study, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: jesti@inbox.ru

**Александр Андреевич
ЕГОРЕЙЧЕНКО**

**Аляксандр Андрэевіч
ЕГАРЭЙЧАНКА**

**Alexandr Andreevich
YEGOREICHENKO**

Пасля цяжкай і працяглай хваробы 2 снежня 2021 г. пайшоў з жыцця Аляксандр Андрэевіч Егарэйчанка – загадчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта БДУ у 1997–2020 гг., доктар гістарычных навук, прафесар.

Аляксандр Андрэевіч нарадзіўся 23 красавіка 1955 г. у Канатопе (Сумская вобласць, Украіна). Праз некаторы час яго бацька, ваенны лётчык, быў пераведзены з Украіны ў Беларусь. Будучы навуковец скончыў школу ў ваенным гарадку № 92 (цяпер пасёлак гарадскога тыпу Мачулішчы) пад Мінскам і ў 1972 г. паступіў на гістарычны факультэт БДУ. Слухаючы лекцыі па археалогіі, якія чытаў выдатны выкладчык і навуковец Э. М. Загарульскі, юнак захапіўся адкрыццём таямніц першабытнага мінулага. У 1973 г. ён адправіўся ў сваю першую археалагічную экспедыцыю. Яшчэ студэнтам А. А. Егарэйчанка ўдзельнічаў у раскопках гарадзішча сярэднявечага Рагачова, асвойваў метадку даследавання пахаванняў на Сеніцкіх курганах. Зацікаўленасць навукай паступова перарасла ў прафесію.

У 1977 г. Аляксандр Андрэевіч скончыў універсітэт і паступіў у аспірантуру Інстытута археалогіі АН СССР. Яго навуковым кіраўніком стаў выбітны археолаг В. В. Сядоў. Малады аспірант заняўся вывучэннем старажытных умацаваных паселішчаў, якія ўзводзіліся насельніцтвам беларускага Палесся ў VII–VI стст. да н. э. – II ст. н. э. А. А. Егарэйчанка не толькі распрацаваў класіфікацыю гарадзішчаў і даў комплексную характарыстыку помнікаў, але і прапанаваў рэканструкцыю гісторыка-культурных працэсаў, што адбываліся ў рэгіёне. Заканаммерным вынікам руслівай працы стала абарона кандыдацкай дысертацыі ў 1982 г.

На працягу 1980–1987 гг. Аляксандр Андрэевіч быў навуковым супрацоўнікам аддзела археалогіі першабытнага грамадства Інстытута гісторыі АН БССР. У цэнтры яго прафесійных інтарэсаў знаходзіліся праблемы жалезнага веку беларускага Палесся. А. А. Егарэйчанка кіраваў раскопкамі на гарадзішчах Івань Слуцкага раёна і Кашчэлічы Валожынскага раёна, селішчах Востраў Пінскага раёна і Давыд-Гарадок Столінскага раёна.

У 1988 г. аўтарытэтны даследчык быў запрошаны ў БДУ. За дзесяць год ён прайшоў шлях ад дацэнта да загадчыка кафедры археалогіі, этнаграфіі і дапаможных гістарычных дысцыплін. У 2001 г. у межах удасканалення сістэмы ўніверсітэцкай археалагічнай адукацыі кафедра была рэарганізавана, і Аляксандр Андрэевіч узначаліў абноўленую кафедру археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін. А. А. Егарэйчанка распрацаваў цэлы шэраг агульных і спецыяльных курсаў: «Археалогія», «Жалезны век Беларусі», «Гістарыяграфія археалогіі Беларусі», «Палявая археалогія» і інш. Шматлікія пакаленні студэнтаў гістарычнага факультэта БДУ, што спасцігалі азы археалогіі на занятках Аляксандра Андрэевіча, запамнілі яго як надзвычай прынцыповага і патрабавальнага выкладчыка.

Нягледзячы на разнастайныя кафедральныя абавязкі, А. А. Егарэйчанка не спыняў актыўную навуковую дзейнасць. Ён завяршыў працу па аналізе палескіх матэрыялаў і падрыхтаваў манаграфію «Древнейшие городища белорусского Полесья (VII–VI вв. до н. э. – II в. н. э.)», якая ўбачыла свет у 1996 г. Адначасова Аляксандр Андрэевіч прыступіў да вывучэння жалезнага веку цэнтральнай і паўночнай Беларусі. Адразу пасля прыходу ў БДУ навуковец заснаваў экспедыцыю, што амаль 30 год праводзіла раскопкі старажытных паселішчаў на

тэрыторыі Мінскай і Віцебскай абласцей. Набыткамі навукі сталі шматлікія прылады працы, прадметы ўзбраення і ўпрыгожанні, знойдзеныя на гарадзішчах Тарылава, Зазоны, Рацёнкі і на паселішчы Падварынка ў Браслаўскім раёне. Цікавыя вынікі далі раскопкі шэрагу селішчаў другой паловы 1-га – пачатку 2-га тыс. н. э. на Браслаўшчыне. На падставе аналізу назапашаных археалагічных калекцый А. А. Егарэйчанка прапанаваў новы падыход да вызначэння культурнай прыналежнасці насельніцтва цэнтральных і паўночных рэгіёнаў краіны ў канцы 2-га тыс. да н. э. – сярэдзіне 1-га тыс. н. э. Была ўдакладнена і храналогія культурных змен. Вынікі шматгадовых палявых і камеральных даследаванняў ляглі ў аснову манаграфіі «Культуры штрихованной керамики», якая выйшла ў 2006 г., а таксама доктарскай дысертацыі, абарона якой адбылася ў 2008 г. У 2013 г. А. А. Егарэйчанку было прысвоена званне прафесара.

Аляксандр Андрэвіч – аўтар каля 200 навуковых публікацый. Ён актыўна папулярызаваў веды аб мінулым. У выступленнях па радыё, ар-

тыкулах у рэспубліканскіх выданнях даследчык імкнецца пазнаёміць шырокае кола грамадства з дасягненнямі беларускай археалогіі. Навуковец актыўна наладжваў міжнародныя кантакты.

А. А. Егарэйчанка зрабіў унёсак і ў справу падрыхтоўкі кадраў вышэйшай кваліфікацыі. Тры яго аспіранты, у тым ліку два грамадзяніны Іраку, паспяхова абаранілі кандыдацкія дысертацыі.

«Археалогія – гэта не прафесія, а стан душы, – часта паўтараў навуковец і падкрэсліваў: – У археалогіі не бывае лёгкіх шляхоў». Экспедыцыі пад яго кіраўніцтвам станавіліся сапраўднай школай жыцця для першакурснікаў. Многія практыканты, аднак, пазней вярталіся «ў поле» валанцёрамі ці нават вырашалі звязаць свой прафесійны лёс з археалагічнай сферай.

Добрая памяць аб Настаўніку назаўжды застаецца ў сэрцах вучняў А. А. Егарэйчанкі. І можна не сумнявацца, што яго навуковая спадчына будзе запатрабавана наступнымі пакаленнямі даследчыкаў.

А. У. Вайтовіч¹, П. С. Курловіч²

¹Александра Владимировна Вайтович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета.

Аляксандра Уладзіміраўна Вайтовіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Aliaksandra V. Vaitovich, PhD (history), docent; associate professor at the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: vaitovich.aliaksandra@gmail.com

²Полина Сергеевна Курлович – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета.

Паліна Сяргееўна Курловіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Palina S. Kurlovich, PhD (history), docent; head of the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: kurlovichp@bsu.by

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Дмитриев М. В. Poloni и Rutheni, католики и православные, natio и confessio в летописании средневековой Восточной Европы</i>	5
<i>Бусько С. И. Городской досуг: яхт-клубы в социально-культурном пространстве белорусских губерний в конце XIX – начале XX в.</i>	19
<i>Бухарин М. Д. «Да хранит Вас Господь и даст много сил для научной работы»: А. В. Флоровский и белорусская виленская славистика второй половины 1930-х гг.</i>	28

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Колб Е. Г. Французская социалистическая партия в 2017–2021 гг.: адаптация к новой ситуации</i> ...	43
---	----

К СТОЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ БГУ

<i>Яновский О. А., Меньковский В. И. Научная школа руссиеведения и украиноведения в Белорусском государственном университете</i>	51
<i>Малюгин О. И. От Античности до Парижской коммуны: С. А. Лясковский в Белорусском государственном университете</i>	64

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Настусевич С. В. Понятия «биографика» и «биографистика» в российской, украинской и белорусской исторической науке</i>	74
--	----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Дмитрий Владимирович Карев	83
Александр Андреевич Егорейченко	85

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Дзмітрыеў М. У. Poloni i Rutheni, католікі і праслаўныя, natio i confessio ў летапісанні сярэднявечнай Усходняй Еўропы</i>	5
<i>Бусько С. І. Гарадскі вольны час: яхт-клубы ў сацыяльна-культурнай прасторы беларускіх губерняў у канцы XIX – пачатку XX ст.</i>	19
<i>Бухарын М. Д. «Хай захоўвае Вас Гасподзь і дасць шмат сіл для навуковай працы»: А. В. Флароўскі і беларуская віленская славістыка другой паловы 1930-х гг.</i>	28

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Колб Я. Г. Французская сацыялістычная партыя ў 2017–2021 гг.: адаптацыя да новай сітуацыі</i>	43
--	----

ДА СТАГОДДЗЯ СТВАРЭННЯ БДУ

<i>Яноўскі А. А., Менькоўскі В. І. Навуковая школа расіязнаўства і ўкраіназнаўства ў Беларускам дзяржаўным універсітэце</i>	51
<i>Малюгін А. І. Ад Антычнасці да Парыжскай камуны: С. А. Ляскоўскі ў Беларускам дзяржаўным універсітэце</i>	64

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

<i>Натусевіч С. В. Паняцці «біяграфіка» і «біяграфістыка» ў расійскай, украінскай і беларускай гістарычнай навучы</i>	74
---	----

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

<u>Дзмітрый Уладзіміравіч Караў</u>	83
<u>Аляксандр Андрэевіч Егарэйчанка</u>	85

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

<i>Dmitriev M. V. Poloni and Rutheni, Catholics and Orthodox Christians, natio and confession in Medieval chronicles of Eastern Europe</i>	5
<i>Busko S. I. Urban leisure: yacht clubs in the social and cultural space of Belarusian provinces in the late 19th – early 20th century</i>	19
<i>Bukharin M. D. «May God guard you and give you much strength for scientific work»: A. V. Florovsky and Belarusian Slavic studies in Vilno of the second half of the 1930s</i>	28

WORLD HISTORY

<i>Kolb E. G. The French Socialist Party in 2017–2021: adaptation to the new situation</i>	43
--	----

BELARUSIAN STATE UNIVERSITY CELEBRATES 100th ANNIVERSARY

<i>Yanouski A. A., Menkouski V. I. Scientific school of Russian and Ukrainian studies at the Belarusian State University</i>	51
<i>Maliugin O. I. From Antiquity to the Paris Commune: S. A. Ljaskowski at the Belarusian State University</i> ...	64

HISTORIOGRAPHY

<i>Nastusevich S. V. The concepts of «biographica» and «biographistica» in Russian, Ukrainian and Belarusian historical science</i>	74
---	----

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

<u>Dzmitry Uladzimiravich Karau</u>	83
<u>Alexandr Andreevich Yegoreichenko</u>	85

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 1. 2022**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 1. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *Е. В. Жерносек, А. С. Люкевич*
Технический редактор *Д. Ф. Козут*
Корректоры *А. С. Горгун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 31.01.2022.

Тираж 100 экз. Заказ 800.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 1. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *E. V. Zhernosek, A. S. Lyukevich*
Technical editor *D. F. Kogut*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul'*

Signed print 31.01.2022.

Edition 100 copies. Order number 800.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 17.04.2014.
25 Kastyryčnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022